

История Общество Политика 2024 №2(30)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(30)
2024

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2024. №2 (30)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2024

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2024

© Коллектив авторов, 2024

HISTORY SOCIETY POLICY

**N 2 (30)
2024**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2024. №2 (30)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/06/2024

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2024

© Authors, 2024

Содержание

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Гольцов А.Н.</i> Канада в Первой мировой войне: предпосылки к самостоятельности и становлению нации	6
<i>Гришин Н.О.</i> Британский мандат в Месопотамии и его роль в становлении Иракской государственности	16
<i>Гунько Я. Е.</i> Радикальная критика империализма в творчестве Джона Аткинсона Гобсона	24
<i>Назин В. Ю.</i> Голос империи: первая британская интерпретация второй англо-бурской войны	30

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ешпанов В.С.</i> Мобилизация ресурсов топливной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945	44
<i>Прилуцкий В.В.</i> «Орден Рыцарей Труда» в США: возникновение и наивысший подъем (1869–1886 гг.)	52

СУДЬБЫ ИСТОРИКОВ

<i>Ковеля В.В.</i> Переписка Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова	64
---	----

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

<i>Прилуцкий В.В., Симиохин Г.Ю.</i> Крупные сражения на Индейской территории в период Гражданской войны в США (1861-1865 гг.)	73
--	----

КОРОТКО О КНИГАХ

<i>Артамошин С.В.</i> Политические партии в кайзеровской империи Германии (Размышления о книге: Солодовникова С.В. Партийно-политическая структура Германской империи)	82
--	----

О сетевом издании «История. Общество. Политика»	84
---	----

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

А.Н. Гольцов

КАНАДА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЮ НАЦИИ

Аннотация: До 1914 года Канада была просто доминионом Британской империи, автоматически втянутым Лондоном в конфликт в августе 1914 года, но после 1918 года и опыта окопов Канада превратилась в нацию в составе Британского Содружества. Великая война стала центральным политическим событием в становлении канадского национального идеала и дала Канаде основополагающее сражение при Вими в апреле 1917 года – первую истинно канадскую победу в этом конфликте. Канадские историки, периодически, акцентируют внимание на том, что Канада превратила Первую мировую войну в событие основания или строительства канадской нации. Однако Великая война не была настолько объединяющей, как хотелось бы верить официальной канадской памяти, сформированной в 1920 – 1930-е годы. Наряду с культурными проблемами, конфликт 1914 – 1918 годов напоминал о сложности канадского общества, будь то с точки зрения франко-канадского населения, которое не проявляло особого интереса к конфликту, изначально рассматривавшемуся как «европейский», что привело к потере интереса к призыву, а затем к противодействию введению воинской повинности в 1917 – 1918 годах, или с точки зрения присутствия так называемых «вражеских иностранцев», против которых правительство принимало меры сдерживания и контроля. Первая мировая война оставила в Канаде сложные следы, которые повлияли на саму эволюцию страны на протяжении XX века.

Ключевые слова: Британская империя, Германия, доминион, Канада, метрополия, мобилизация, Первая мировая война, США, Франция

Goltsov A.N. Canada in the First World War: Prerequisites for Independence and Nation Building

Abstract: Before 1914 Canada was just a dominion of the British Empire, automatically drawn by London into the conflict in August 1914, but after 1918 and the experience of the trenches Canada became a nation within the British Commonwealth. The Great War was the central political event in the formation of the Canadian national ideal and gave Canada the seminal Battle of Vimy in April 1917, the first truly Canadian victory in the conflict. Canadian historians, from time to time, have emphasised that Canada turned the First World War into the founding or nation-building event of the Canadian nation. However, the Great War was not as unifying as the official Canadian memory formed in the 1920s and 1930s would like us to believe. Along with cultural issues, the 1914 - 1918 conflict was a reminder of the complexity of Canadian society, whether in terms of French-Canadians who had little interest in a conflict initially seen as "European," leading to a loss of interest in conscription and then opposition to the introduction of conscription in 1917 - 1918, or in terms of the presence of so-called "enemy aliens" against whom the government took measures of containment and control. The First World War left complex traces in Canada that influenced the very evolution of the country throughout the twentieth century.

Keywords: British Empire, Germany, Dominion, Canada, metropolis, mobilisation, World War I, United States, France

Летом 1914 года канадцы внимательно следили за ухудшающимися новостями из Европы, но мало кто предсказывал, к чему приведет конфликт. Несмотря на распространенность, особенно в англоязычной Канаде, военной общественной культуры, состоящей из мальчишеских приключенческих книг, имперской музыки и патриотических образов, Канада оказалась не готова к тому, что 4 августа Великобритания объявила войну и автоматически втянула Канаду в конфликт.

Небольшое 8-миллионное население страны располагало профессиональными военными численностью всего в несколько тысяч человек, которых министр ополчения и обороны Сэмюэл Хьюз в 1913 году с характерной напыщенностью назвал «бездельниками из барной комнаты». В стране существовало плохо финансируемое, неравномерно обученное, но компетентное ополчение численностью около 77 000 человек. Без призыва в армию не было большого количества граждан с военным опытом, которых можно было бы призвать на службу при мобилизации. Два устаревших военных корабля, несколько сотен моряков, отсутствие военно-воздушных сил и незначительная тяжелая промышленность дополняли картину. Две небольшие подводные лодки, тайно купленные правительством Британской Колумбии у строителя из Сиэтла после того, как первоначальный заказчик, Чили, оказался не в состоянии заплатить, прибыли в Эскимальт 5 августа и через два дня были введены в состав Королевского канадского флота, удвоив численность флота [12].

Внутри страны не было единого мнения по поводу имперской политики. Большинство канадцев британского происхождения – около 55,5 % населения, согласно переписи 1911 года, – поддерживали корону. Те, кто имел французские корни – чуть менее 28 % населения и вторая по численности группа, – были настроены более критически, часто готовы защищать Канаду и ее интересы внутри страны, но не территории и интересы Британии за рубежом. Группы иммигрантов, связанных с Центральной Европой, включая 6 % населения, которое составляют немцы, заметно отличались по взглядам на июльский кризис. Многие европейские иммигранты, по сути, все еще были резервистами в своих странах и подлежали призыву в армию в случае войны [12].

Представители основных конфессий выступали против любого конфликта, имперского или иного, а в сельских районах, таких как западная Канада, фермерские общины, которые могли бы поддержать войну, не могли представить себе обязательную службу, которая лишила бы их столь необходимой рабочей силы. Кроме того, велись неприятные и сложные дебаты по поводу предвоенной военно-морской политики, вызванные военно-морской гонкой Великобритании с Германией и тем, как это повлияло на дальнейшую ответственность Лондона за оборону канадского побережья. Этот вопрос поставил экономически настроенных либералов против пробританских консерваторов. Франко-канадские автономисты в провинции Квебек, не убежденные в «аллемандской любви», выступали против большинства форм сотрудничества с Королевским флотом, хотя финансовые взносы были более приемлемы, чем канадские корабли и канадские люди. Они также выступали против любой формы обязательств, которые могли бы увеличить вероятность участия канадцев в сухопутных войнах империи или способствовать введению обязательной службы.

Поражение либералов на выборах в 1911 году произошло через год после того, как компромиссный военно-морской законопроект партии привел к созданию небольшого национального флота, который в случае необходимости мог быть вызван в Лондон. Поражение либералов отчасти объяснялось недовольством франко-канадцев тем, насколько существование военно-морского флота теперь гарантировало участие Канады в имперской борьбе. Оно также было вызвано критикой англофилов, настаивавших на том, что Канада должна была сделать гораздо больше, чем собрать «флот из жестяных горшков» после кризиса с дредноутами и обращения Британии к доминионам с просьбой о финансовой помощи.

Консерваторы во главе с Робертом Борденом внесли в декабре 1912 года контрпроект, который должен был последовать примеру Австралии и Новой Зеландии и предложить Великобритании 35 миллионов долларов на строительство дредноутов. Законопроект прошел Палату общин после того, как правительство прибегло к экстраординарному методу закрытия,

чтобы положить конец филибастеру оппозиции, но в 1913 году он погиб в Сенате, где доминировали либералы [12].

В те страшные дни августа 1914 года многое из этого не имело значения. Будучи британской колонией, Доминион Канада не контролировал свою собственную внешнюю политику, и объявление Британией войны означало, что Канада тоже была вовлечена в нее. Ньюфаундленд, или то, что сейчас является канадской провинцией Ньюфаундленд и Лабрадор, с населением чуть менее 250 000 человек, в 1914 году также был отдельным имперским образованием и, как и Канада, автоматически вступил в войну.

В условиях третьего десятилетия тема Первой мировой войны в истории стран-участниц и мира в целом по-разному оценивается и освещается. На протяжении многих десятилетий пальму первенства в описании событий войны, ее предпосылок, характеристики основных акторов, удерживали зарубежные авторы. В 2024 году вышла в свет монография Е.С. Симоненко [4], которая достаточно подробно описывает не только предпосылки и особенности участия Канады в Первой мировой войне, но и должное внимание уделяет политико-правовым аспектом, в частности участию Канады в деятельности имперских военных организаций в годы войны.

Обозначившиеся в военный период проблемы послужили отправной точкой для сложной дискуссии, в рамках которой политическая элита Великобритании пыталась сформулировать эффективную модель реформирования системы управления в отдельных частях обширной колониальной империи [2, С. 451].

С учетом заявленной темы, наша задача, через участие Канады в Первой мировой войне, проследить тенденцию и предпосылки перехода Канады, как доминиона Британской империи, находящегося под полным контролем Империи, в самостоятельную нацию – полноправного актора международных отношений.

Каждый доминион мог контролировать размер и характер своих воинских контингентов – проявление колониального суверенитета, которое должно было обернуться существенными неудобствами для властей в Лондоне и Генерального штаба во Франции. В начале августа Канада сразу же предложила поставки зерна, сыра, лошадей и других невоенных товаров, но при этом пообещала сформировать пехотную дивизию, а вскоре объявила о планах сформировать вторую.

Поначалу вербовка работала как хорошо смазанная машина. Праздники, парады и специальные программы имперской поддержки приветствовали начало военных действий по всей стране. Газеты и общественные организации не уставали выражать сочувствие «маленькой Бельгии» и поддержку Лондону и другим союзникам, включая Сербию. Страхи и сомнения были приглушены, если не полностью отсутствовали. Обложка популярного фермерского журнала *The Grain Growers' Guide*, издававшегося в Манитобе 5 августа 1914 года, была необычна тем, что на первой полосе во весь голос вопрошала: «Демон войны?» Читатели спрашивали: «Неужели Канада будет слепо и без необходимости втянута в эту ужасную борьбу?»

С огромным энтузиазмом и на фоне большого смятения канадцы, особенно те, кто родился или недавно эмигрировал с Британских островов, поспешили записаться в армию. Многие из них, а в некоторых батальонах и большинство, уже имели опыт службы в армии. Это в некоторой степени компенсировало быстроту их сбора, неадекватное снаряжение и бессистемность начальной военной подготовки. Предвоенный мобилизационный план, подготовленный британским штабным офицером Уиллоби Гваткином, начальником Генерального штаба с 1913 года, был быстро проигнорирован возбужденным и энергичным Хьюзом. Созвав добровольцев в наспех сооруженный лагерь в Валькартье, Квебек, что характеризовалось «импровизацией, срочностью и немалой долей мелодрамы» [11, Р. 17], Хьюз все же сумел организовать

первый контингент численностью 30 000 человек, который отплыл в Англию на огромной армаде, защищенной британскими военными кораблями, в начале осени.

В том же конвое отплыл дополнительный батальон – Канадская легкая пехота принцессы Патриции. Набранный в Оттаве в частном порядке Гамильтоном Голтом, монреальским предпринимателем и ветераном войны в Южной Африке, батальон был сформирован в основном из бывших британских профессиональных солдат всего за три недели и отправился в путь до конца августа. Патриции были во Франции еще до Рождества, а в ночь с 6 на 7 января 1915 года в составе британской бригады находились на фронте. В декабре батальон присоединился к недавно сформированному Канадскому корпусу.

Во время осенней переправы к канадцам также присоединился добровольческий контингент из Ньюфаундленда. Так называемые «первые пять сотен» Ньюфаундлендского полка, находившиеся на борту пассажирского лайнера и тюленебойного судна «SS Florizel», соединились с канадцами у полуострова Авалон в начале октября. Ньюфаундлендский полк воевал не с канадцами, а в составе британской дивизии на протяжении всей войны. Он участвовал в злополучной Галлиполийской кампании против Турции, а с 1916 года служил на Западном фронте.

Растущая численность армии, сложность требований военного времени к труду на внутреннем фронте и постоянные потери за границей бросили вызов административному и организационному потенциалу Канады и оказали серьезное влияние на внутреннюю политику.

Довоенный федеральный бюджет мирного времени в 200 миллионов долларов, основанный в основном на тарифных поступлениях, превратился в разросшуюся, слабо организованную сеть, основанную на налогообложении, военных займах и направленных экономических и социальных усилиях. В их числе был Имперский совет по боеприпасам, созданный в конце 1915 года промышленником из Торонто Джозефом Уэсли Флавеллом. К концу 1918 года заводы Флавелла производили товаров на 2 миллиона долларов в день и треть британских снарядов, что стало потрясающей промышленной трансформацией. Инфляция, тем не менее, опережала рост заработной платы, вызывая недовольство внутри страны, особенно в рядах городских рабочих, которые не видели равенства жертв между трудом и капиталом. Раскол между городом и деревней также имел место. Хотя работа в военное время оплачивалась лучше, что способствовало нехватке сельскохозяйственной рабочей силы, рост цен на продукты питания вызвал яростную критику сельскохозяйственных оппортунистов. Поскольку считалось, что сельские канадцы не призываются в армию в том же количестве, что и жители городов, экономические споры были приправлены обвинениями в нелояльности.

В 1917 году призыв сократился до 64 000 человек, что составляло немногим более трети от предыдущего года. В том же году была введена обязательная служба для мужчин военного возраста. После двух лет ошеломляющих потерь союзники Канады, казалось, были не ближе к победе. Англо-канадское мнение огульно обвиняло французов Квебека в том, что они не «вносят свою лепту», но уроженцы Канады, независимо от языка или региона, отставали от уроженцев Великобритании в количестве призывников на протяжении почти всей войны. Почти половина мужчин военного возраста британского происхождения, проживавших в Канаде в августе 1914 года, к моменту перемирия были призваны в армию, в том числе две трети из более чем 30 000 человек Первого контингента. Уроженцы Канады, которые составляли 77 % от общего числа подлежащих призыву, были призваны в армию в количестве чуть более 11 % [10, Р. 49]. К ноябрю 1918 года уроженцы Канады составляли абсолютное большинство – 51,4 % от общего числа призывников, включая тех, кто был призван в соответствии с Законом о военной службе в последний год войны.

Число франко-канадских новобранцев, особенно франкоговорящих, оставалось низким на протяжении всей войны. Отчасти это было отражением прошлой системы управления и правления большинства британцев, но в то же время это было отражением непоследовательного планирования на военное время, грубой политической инвективы против франкофонов и общей культурной невосприимчивости к французам в Канаде. Молодых людей из Новой Шотландии или Альберты семья, друзья, церковь и местные власти часто убеждали записаться в армию; молодых людей из Квебека часто убеждали не делать этого. Из сорока восьми фронтовых пехотных батальонов СЕФ только один, 22-й полк, был франкоязычным. Хотя статистика призыва в определенные периоды войны ненадежна, возможно, 5 % квебекских мужчин военного возраста служили в военной форме, включая англоговорящих, по сравнению с 14 % и более в Онтарио и западных провинциях.

Пожертвовав внутренним единством ради сохранения боевой мощи за рубежом, правительство Союза собрало около 100 000 призывников, четверть из которых к концу 1918 года находилась в составе СЕФ во Франции. Число новобранцев в 1918 году составило 156 441 человек, по сравнению с 64 000 в предыдущем году. За последние три месяца войны корпус понес 46 000 потерь, но призывники помогли сохранить его боеспособность до самого конца.

Говоря непосредственно об участии канадских войск в Первой мировой войне, необходимо перейти к выявлению сражений, значимых не только для всей войны, но и отдельно для Канады.

Как и европейские участники боевых действий, канадские солдаты, дислоцировавшиеся в бельгийском секторе Ипр весной 1915 года, столкнулись с ужасной реальностью позиционной войны. Столкнувшись с противником, находящимся всего в нескольких сотнях метров от них, в окопах, заполненных водой, под спорадическим обстрелом, канадцы столкнулись с формой ведения войны, которая радикально отличалась от того славного образа, который они создали или который им внушили.

Это боевое крещение в траншеях катастрофического Ипрского выступления в апреле 1915 года было тем более разрушительным, что канадцы попробовали новый вид «лекарства» – химическое оружие. 22 апреля, воспользовавшись благоприятным ветром, немцы сбросили около 160 тонн хлорного газа на позиции канадских и французских войск. Несмотря на панику, вызванную этим относительно неизвестным оружием, канадцы были вынуждены сражаться. Придумывая более чем примитивные средства защиты, солдаты 1-й дивизии сумели заткнуть более чем пятикилометровую брешь, которую противник открыл в первые часы сражения. Однако за это пришлось заплатить огромную цену: согласно официальным отчетам после сражения, потери составили почти треть пехоты 1-й дивизии.

Тем временем канадцы продолжали поступать на службу, пополняя ряды Экспедиционных сил. Мрачные новости из Ипра, которым удалось проскользнуть сквозь щели цензуры, не отбили у других канадцев желания записываться в армию. Настолько, что в начале 1915 года в Европу отправился второй контингент. Эти солдаты составили 2-ю пехотную дивизию. После обычной подготовки в Англии эта дивизия присоединится к 1-й во Франции в сентябре. Таким образом, наличие двух пехотных дивизий на фронте позволило бы провести тактическую подготовку Канадского корпуса, все еще находившегося под британским командованием, в данном случае генерал-лейтенанта Э. А. Х. Алдерсона, который до этого командовал 1-й дивизией.

Зима 1915 – 1916 годов была относительно «спокойной» для нового Канадского корпуса, все еще дислоцировавшегося в Ипрском солончаке. Однако холод, снег, дождь и скопившаяся грязь подрывали моральный дух бойцов. Тем не менее, Канадский корпус рос. В декабре к нему была добавлена 3-я дивизия, а в августе следующего года – 4-я.

Теперь корпус состоял из четырех пехотных дивизий под командованием британского генерал-лейтенанта Джулиана Бинга, когда в сентябре 1916 года для канадцев началась битва на Сомме. К тому времени тысячи из них уже погибли, были ранены или пропали без вести. Это не остановило генералов союзников, чьи армии росли как по численности, так и по количеству имеющейся техники, от желания прорвать фронт, измотав войска противника.

Битва на Сомме продолжалась с 1 июля, но существенных прорывов не было. На практике это наступление приняло форму череды локальных столкновений, растянувшихся на несколько недель. Признано, что первый день наступления был катастрофическим для британцев, которые потеряли почти 60 000 человек. Тем не менее, начиная с середины июля, был достигнут определенный прогресс, хотя последующие недели не принесли никаких обнадеживающих результатов, когда на сцену вышел Канадский корпус.

Даже в большей степени, чем на Ипре, именно на Сомме канадцы подтвердили свою репутацию ударных войск. Эта репутация преследовала их до конца войны. Во многих ожесточенных сражениях, в которых участвовали британские войска, канадцы часто возглавляли штурм. В конце 1916 года, когда канадцы были выведены с поля боя на Сомме, им представилась возможность подтвердить свою новую репутацию. Развернутые дальше на север, все еще во Франции, войска получили конкретное задание для следующего наступления весной 1917 года: захватить хребет Вими.

Битва за Вими-Ридж является уникальным символом военного вклада Канады в Великую войну. То огромное место, которое она занимает сегодня в памяти канадской общественности, вполне оправдано. А чтобы вникнуть в контекст, следует отметить, что на момент начала противостояния война продолжалась уже более двух лет в 1917 году. Сражения на истощение 1916 года, в свою очередь, принесли союзникам лишь несколько километров земли, не говоря уже о миллионах солдат, принесенных в жертву.

Как всегда, бои были жестокими. За три дня канадцы потеряли около 10 000 человек, в том числе почти 3600 убитыми. В очередной раз завершающееся сражение закалило войска. Победа канадцев стала достоянием союзной прессы, и можно с уверенностью сказать, что именно с этого момента за канадским корпусом буквально закрепилась репутация «ударных войск». Именно после Вими солдаты стали свидетелями назначения первого канадского командира во главе корпуса – им стал генерал-лейтенант Артур Карри, до этого командовавший 1-й дивизией.

31 июля британцы начали третье наступление на Ипрском выступе в Бельгии. Как и в случае с Соммой, канадский корпус был призван к участию в операции лишь позднее. Цель наступления была двойной. Необходимо было захватить вражеские железные дороги к востоку от солончака, а также возобновить переброску войск с конечной целью захвата военно-морских баз, где стояла часть немецкого подводного флота во Фландрии.

Несмотря на некоторые первые успехи, интенсивность британского артиллерийского обстрела в течение последующих недель предупредила немцев об очевидной необходимости продолжать наступление, но при этом превратила местность в настоящий океан грязи. Проливные дожди во Фландрии не облегчили канадцам задачу по освобождению британцев. Другими словами, канадцам пришлось атаковать именно в тот момент, когда исчез всякий элемент внезапности.

На этот раз план состоял в том, чтобы захватить то, что осталось от деревни Пашендейл, расположенной на небольшом возвышении в нескольких километрах к востоку от Ипра. Осознав масштаб задачи, а также физическое и моральное состояние своих войск, генерал-лейтенант Карри быстро понял, что продолжение наступления приведет к гибели его батальонов. Карри предсказал британским властям, что в ходе наступления он потеряет около 16 000

человек, и дал понять это, направив им официальный протест, под угрозой лишения командования и отправки обратно в Канаду.

Несмотря на эту напряженную борьбу, канадский генеральный штаб тщательно готовился к наступлению, которое должно было начаться 20 октября. В течение двух недель, до 11 ноября, под проливным дождем канадцы продвигались к деревне Пашендейл, которую взяли с большим трудом. В итоге оценка Карри оказалась верной, поскольку за весь период операции, с конца октября до середины ноября, канадский корпус потерял около 16 000 человек.

Особенностью битвы при Пашенделе было то, что впервые премьер-министр Канады Роберт Борден открыто заявил своему британскому коллеге Ллойд Джорджу: «Премьер-министр, я хочу сказать Вам, что если ожидается повторение битвы при Пашендейле, ни один канадский солдат не покинет берегов Канады до тех пор, пока канадские граждане не доверят мне полное управление своей страной» [6, Р. 207]. Поэтому мы можем выдвинуть гипотезу о том, что после Вими, но в еще большей степени после Пашендейла, мы стали свидетелями, как с военной, так и с политической точки зрения, постепенной «канадизации» участия Канады и ее вооруженных сил. Эта канадскость проявлялась как в манере ведения войны, так и в формировании собственной национальной идентичности по мере приближения зимы 1917 – 1918 годов.

Зима 1917 – 1918 гг. была довольно спокойной для канадцев. Фактически, именно в марте немцы взяли на себя инициативу начать свои последние крупные наступательные операции в войне, используя подкрепления, полученные с Восточного фронта в условиях революции в России. Новый верховный главнокомандующий союзными войсками маршал Фердинанд Фох ждал подходящего случая, чтобы перехватить инициативу у немцев.

Именно в начале битвы при Амьене, в августе, канадцы начали серию сражений, известную как кампания «Сто дней». С середины августа по 11 ноября канадцы возглавляли британские наступательные операции. Всего за три месяца солдаты Карри преследовали отступающих немцев, которые нанесли им большие потери благодаря хорошо организованным арьергардным действиям. Почти не отдыхая, канадцы прошли от Амьена, сражались к востоку от Арраса, отвоевали Камбрей и Валансьенн, и это лишь несколько эпизодов стремительной кампании. Именно в ходе этой серии наступлений канадцы в нескольких местах сокрушили страшную немецкую оборонительную линию, известную как «линия Гинденбурга».

От Амьена до Монса в Бельгии канадцы потеряли около 40 000 человек за три с лишним месяца боев, иногда в окопах, иногда на открытой местности. Боевой дух немцев был подорван, и 11 ноября они согласились подписать перемирие. После окончания боев канадцы перешли германскую границу, где заняли плацдарм в районе Бонна, пока весной 1919 года войска не были репатриированы.

Для Канады, участие в интервенции не принесло никаких экономических выгод, но свой вклад в становление Канады как политической силы на международной арене укрепило ее международный статус. Этот факт способствовал увеличению будущей роли страны как в международных отношениях, так и в отношениях с метрополией [5, С. 88].

В этом немалую роль сыграл сам премьер-министр Р.Л. Борден, способствуя созданию Имперских военных кабинетов и проведению Имперских конференций во время войны.

В ходе первого Имперского военного кабинета и Имперской военной конференции, Р.Л. Борден смог получить всю необходимую информацию о планах и стратегии военных действий. Так, например, об этом Р.Л. Борден писал: «Нам дали ознакомиться с конфиденциальными и секретными отчетами Имперского генерального штаба и Главного командования по театрам различных военных операций...» [6, Р. 205].

Как канадские солдаты уверенно и стойко сражались на Западном фронте, также уверенно чувствовал себя и Р.Л. Борден во время проведения Имперских военных кабинетов. Не боясь громких слов и критических высказываний, в одной из своих речей перед всеми доминионами, Индией и метрополией, призывал страны более ответственно подойти к войне: «Мы пересекли океан, чтобы сражаться со всей серьезностью, и Канада будет сражаться до самого конца. Но серьезность ведения войны должна выражаться в организованности, предусмотрительности и подготовке. Позвольте прошлому похоронить погибших, но ради Бога, давайте сконцентрируемся и приложим все усилия, чтобы удержать наши позиции до тех пор, пока не придут американские войска и не помогут нам победить врага до конца» [8, Р. 19].

Речи и активность Р.Л. Бордена, пользовавшегося всеми возможностями, которые мог предоставить Имперский военный кабинет, влияли на колониальную политику метрополии и являлись одним из шагов в процессе перехода на новый уровень в отношениях между Великобританией и Канадой. Так, эпизод июня 1918 г. восхитил и произвел огромное впечатление на Д. Ллойда Джорджа, и, в последствии, как пишет П. Бертон, вполне возможно, что именно этот случай привел к принятию Декларации Бальфура 1926 г. и Вестминистерскому Статуту 1931 г., которые гарантировали Канаде и другим доминионам равенство с Великобританией [6, Р. 207].

Следующим этапом на пути к международному признанию в начале XX в., безусловно, являются послевоенные конференции. Здесь необходимо отметить, что достижением Канады после окончания войны, было как само независимое участие в мирных конференциях, так и результаты этих конференций [5, С. 90].

После окончания войны, правительство Р.Л. Бордена стал интересовать вопрос о представительстве североамериканского доминиона в урегулировании и установлении нового международного порядка. Так, перед Парижской мирной конференцией, Р.Л. Борден настаивал на представительстве для Канады двух мест, США были явно против данного требования и настаивали на одном месте для доминионов, чтобы сдерживать влияние Великобритании на конференции. Р.Л. Бордена возмутило такое положение дел, и он требовал, по крайней мере, не меньшего представительства, чем имели Португалия и Бельгия, аргументируя тем, что Канада «потеряла во Франции людей больше, чем вся Португалия смогла послать на поля сражений» [9, Р. 150].

В итоге, страны-лидеры пошли на встречу доминиону, и Канада смогла получить два места для своих представителей на предстоящей конференции [7].

Особое значение Р.Л. Борден придавал Версальской конференции, ведь на ней решались вопросы, затрагивающие будущий статус и положение Канады на международной арене, а именно, канадский премьер-министр хотел, чтобы Канада стала одной из стран учредительниц Лиги Наций и полноправным членом Международной организации труда [5, С. 92].

Участвуя в обсуждении Устава Лиги Наций, Канада и ее представители резко критиковали десятую статью, согласно которой «члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства» [1, С. 7 – 15]. По мнению министра юстиции Канады, Ч.Дж. Дохерти, эта статья означала, что «Канаду, не будучи более автоматически вовлеченной в Британскую войну, теперь заставят защищать Францию, Италию и, в один день, даже Германию» [9, Р. 153].

В ответ на это, Р.Л. Борден в своей речи от 2 сентября 1919 г. отмечал, что «тридцать два государства разных и иногда противоположных идеалов и стремлений, сильно отличающихся по статусу, мощи и политическому развитию... в конце концов дали свое единодушное

одобрение», ведь именно этот договор, «какими недостатками он не обладал, был составлен со всей искренностью дабы обеспечить будущий мир на земле» [7].

Изначально, Устав Лиги Наций не представлял для доминионов полноправного членства. Решению этой проблемы поспособствовали активные действия доминионов империи. Они настаивали, что если они представлены на конференции в статусе равном малым странам, то и в Лиге Наций они должны получить равное членство. После обсуждений, данное предложение было принято, и необходимые корректировки были внесены в Устав Лиги Наций [5, С. 93].

С такой же проблемой столкнулся Р.Л. Бorden в вопросах утверждения Международной организации труда. На сессии 11 апреля 1919 г., премьер-министр Канады предложил внести изменения такие же, как и в Устав Лиги Наций, обеспечивающие равное с другими странами членство для всех доминионов империи. Благодаря влиянию Р.Л. Бордена, данное предложение было принято, а Канада смогла добиться для себя всех привилегий, предоставляемых ее членам.

Версальский мирный договор включал все ключевые моменты, каких добивался для себя североамериканский доминион, и Р.Л. Бордену осталось добиться от Парламента Канады его ратификации, что и произошло 12 сентября 1919 г.

Заключение. Канада вступила в войну с зарождающейся профессиональной армией, поддерживаемой разрозненными иррегулярными силами. К весне 1915 года на Западном фронте сражалась первая из четырех пехотных дивизий. Она прибыла во Францию для усиления Британских экспедиционных сил. Более того, 1-я канадская дивизия стала первым формированием такого рода, состоявшим по большей части из гражданских солдат.

По мере роста Канадских экспедиционных сил во Франции рос и профессионализм их солдат и командиров. Главным подвигом, который сегодня хранит официальная общественная память, является взятие Вими-Ридж, где четыре канадские дивизии сражались одновременно, бок о бок.

Но, как и во многих других сражениях, на Вими произошла резня, в которой канадская история была написана кровью. В этих условиях несомненно, что солдаты Канадского корпуса вышли из этого сражения более сплоченными, еще более «канадскими». Они вышли из него преобразенными и действительно стали одним из элитных формирований на континенте. За «Вими» последовали и другие тяжелые сражения, сделавшие вклад Канадского корпуса в победу союзников само собой разумеющимся.

Канада вышла из войны с возросшей репутацией и, прежде всего, с новым правовым статусом на международной арене. Подписание Версальского договора, хотя и символическое, стало первым шагом к полной автономии. С самого начала Канада вступила в войну как простая колония Британской империи, не имея права голоса в своей собственной внешней политике, не говоря уже о политике империи. Подписание договора в 1919 году стоило Канаде более 65 000 убитых солдат.

Учитывая все вышесказанное, можно сказать, что война 1914 – 1918 годов дала Канаде начало «международной личности». В то же время, как отмечает А.В. Сагимбаев «процесс «встраивания» Великобритании в складывавшуюся по итогам Первой мировой войны международную систему отражал стремление большей части британской правящей элиты обеспечить сохранение основ своего колониального могущества. При этом Лига Наций, а также учрежденная в её рамках мандатная система рассматривались представителями британского истеблишмента в основном как практические инструменты реализации своих политических целей, в том числе и в сфере колониальной стратегии» [3, С. 206].

Библиографический список

1. Версальский мирный договор. Под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, – 1925. – 198 с.
2. 2. Сагимбаев А. В. Концепция Британского Содружества в деятельности группы "Круглого стола" в начале XX века / А. В. Сагимбаев // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 449 – 462.
3. 3. Сагимбаев, А. В. Влияние системных изменений в сфере международной политики на формирование колониальной стратегии Великобритании после завершения Первой мировой войны / А. В. Сагимбаев // *Studia internationalia: Материалы VIII международной научной конференции*, Брянск, 02–03 июля 2020 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2020. – С. 198 – 206.
4. 4. Симоненко Е.С. Канада в Первой мировой войне (1914–1918). Политика правительства и реакция общества. – СПб.: Евразия, 2024. – 432 с.
5. 5. Чухловин А.П. Борьба Канады за автономию и признание международным актором в период Первой мировой войны и послевоенный период // 150 лет Канадской Федерации: от Британского доминиона к глобальному игроку: Материалы Шестых Канадских чтений, СПб., 7 – 8 апреля 2017 г. / Под ред. Ю. Г. Акимова и К.В. Минковой – СПб.: СКИФИЯ-принт, 2017. – 307 с.
6. 6. Berton P. *Marching as to War. Canada: Doubleday Canada print*, – 2001. – 632 p.
7. 7. *Canada and the Peace. Speech Delivered by the Rt. Hon. Sir Robert Laird Borden on the Treaty of Peace. Delivered in the Canadian House of Commons on Tuesday, September 2, – 1919.*
8. 8. Cook T. «Our first duty is to win, at any cost». Sir Robert Borden during the Great War // *Journal of Military and Strategic Studies*. – 2011. Vol.13. No 3. – 24 p.
9. 9. Granatstein J., Morton D. *Canada and the two world wars*. Toronto: Key Porter Books Limited, – 2003. – 360 p.
10. 10. Granatstein J. L., Oliver Dean F.: *The Oxford companion to Canadian military history*, Don Mills; New York 2011: Oxford University Press. – 514 p.
11. 11. Iarocci Andrew: *Shoestring soldiers. The 1st Canadian Division at war, 1914 – 1915*, Toronto; Buffalo 2008: University of Toronto Press. 362 p.
12. 12. Oliver Dean F.: *Warfare 1914 – 1918 (Canada)* in: 1914 – 1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*, ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin 2017-01-26 https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/warfare_1914-1918_canada (дата обращения 20.04.2024).

Сведения об авторах:

Гольцов Андрей Николаевич, аспирант кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: goltsov1@yandex.ru

УДК 94(410).083+94(567)

Н.О. Гришин

БРИТАНСКИЙ МАНДАТ В МЕСОПОТАМИИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ИРАКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье анализируются основные этапы исторического процесса появления иракского государства. На основе анализа эволюции мандатной системы Великобритании на Ближнем Востоке предпринимается попытка определить факторы, способствовавшие складыванию позиции британских элит относительно создания королевства Ирак.

Ключевые слова: Подмандатная Месопотамия, Каирская конференция, становление иракской государственности.

Grishin N.O. The British Mandate of Mesopotamia. Impact on Development of the State of Iraq

Abstract: In the article It's analyzed the main stages of the historical process of the emergence of the Iraqi state. Based on research of the British mandate evolution in the Middle East, an attempt is made to determine the factors that contributed to the formation of the British elite's position regarding the creation of the Kingdom of Iraq.

Keywords: The Mandate for Mesopotamia, the Conference held in Cairo and Jerusalem, foundation of Iraq statehood.

Ближний Восток представлял из себя место столкновения традиционных интересов Великих держав в рамках «Восточного вопроса» в эпоху, предшествующую складыванию Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. С началом XX века научно-технический прогресс, способствующий промышленному и экономическому развитию стран «Западного мира», положил начало новому витку роста мирового потребления нефти и производимых из нее продуктов. В месте с тем он же предоставил новые способы сырьевой добычи и поиска потенциальных месторождений. Данные открытия в области геологоразведки, определившие последующее обнаруженных новых сырьевых запасов, превратили данный регион в один из главных нефтяных центров планеты, тем самым подняв его значение на уровень геополитического масштаба.

Со вступлением мира в эпоху «интербеллума», фундамент которой был выстроен соглашениями в Версале и Вашингтоне, Великобритания, обладавшая долгосрочными интересами на Ближнем Востоке, сумела расширить свое присутствие по итогам Парижской мирной конференции 1919-1920 г., длительность которого к этому моменту времени насчитывала более пятидесяти лет. Существенно дополняет понимание сути британских интересов концепция лорда Дж.Керзона о необходимости создания непрерывного пояса британских владений. Упрочившееся положение главной политической силы в ближневосточном регионе, позволило реализовать предложение Керзона в форме создания Мандатной системы на арабских территориях прекратившей существование Османской империи.

Статут Лиги Наций, формально провозглашая целью существования данного образования: содействие народам в развитии, пока еще не способным управлять собой в условиях современного мира, скрывал истинную – колониальную природу учрежденной Мандатной системы в статье, закрепляющей право за мандатарием самостоятельно определять момент предоставления независимости.

Главным объектом изучения является процесс социально-политической трансформации Месопотамии, будущего Ирака, начавшийся в 1920-х в контексте проводимого курса внешней и внутренней политики Великобритании на Ближнем Востоке. Рассмотрению и последующему анализу подвергаются основные этапы данного явления, действия и роль основных действующих лиц, предыстория и предпосылки, необходимые для установления причинно-следственных связей.

В процессе исследования были использованы общенаучные и специализированные методы, среди которых следует выделить историко-системный подход, факторный анализ, методы диалектической аргументации.

Первая попытка очертить границы потенциальных новых территориальных приобретений на Ближнем Востоке была сделана Великобританией 16 мая 1916 г. в рамках заключения тайного соглашения Сайкса-Пико. Договоренность между тремя великими державами: Великобританией, Францией и Россией и позднее присоединившейся Италии представляла из себя план разделения ближневосточных территорий на сферы влияния, на тот момент существующей Османской империи. В соответствии с ним в зону контроля Великобритании включалась большая часть исторических регионов Месопотамии и Палестины.

Геополитические соображения, изложенные в этом договоре, в последствие стали достоянием мировой общественности, равно как и договор потерял статус секретного. Обстоятельство подобного рода, как и другие обстоятельства, к которым можно отнести изменения в балансе сил в мире стали причиной пересмотра британских прелиминарий.

Несмотря на то, что противодействие со стороны США представляло, значительную часть времени, потенциальную угрозу успешной реализации целей внешней политики Великобритании на Ближнем Востоке, итогом в силу совокупности многих факторов стало осуществление нового и более выгодного проекта, перераспределения «наследства» фактически прекратившего существование Османского государства.

Версальский мир стал основополагающим договором международного права, но не мыслился единственным и окончательным в деле урегулирования споров. Обращаясь к его содержанию, обнаруживаются указания на неизбежную необходимость разрешения оставшихся противоречий в форме будущих совместных соглашений. Первыми в этой череде договоров, рассматривавшими вопрос об итоговой форме Мандата и об урегулировании англо-французских противоречий стали резолюция, подписанная по итогам конференции в Сан-Ремо и Севрский договор.

Конференция в Сан-Ремо, проходившая в период с 19 по 26 апреля 1920 г., предоставила решение нескольких проблем, важных для понимания процесса образования будущего государства Ирак.

Официальная передача мандата класса «А» в руки Великобритании означала возникновение на территории Ближнего Востока британской Месопотамии и самой Мандатной системы, с появления которой разумно отсчитывать начало истории государства Ирак. На данной же основе было осуществлено окончательное урегулирование межсоюзнического спора между Великобританией и Францией по вопросу определения границ новых владений. Итогом которого стало включение, следуя логике, обозначенной в соглашении Клемансо-Ллойда Джорджа от 1 декабря 1918 г., в зону британского мандата Мосульского вилайета, иначе части исторической области Курдистан. Ценой этого приобретения – стало итоговое нефтяное соглашение в Сан-Ремо, заменившее пакт Лонга-Беренгера; оно определяло передачу 25% доли в активах «Тёркиш Петролеум Компани» в собственность французской «Компаний Франсэз де Петроль» [1, p.208].

Оттеснив Францию от столь важного экономического региона как Мосул, Великобритания должна была обратить внимание на последнее внешнеполитическое препятствие на пути к обеспечению безопасности Месопотамского Мандата – позицию формально существующей, но фактически исчезнувшей Османской империи.

Османская империя с момента подписания Мудроского перемирия 30 октября 1918 г. и на момент подписания Севрского договора 10 Августа 1920 г. являла собой пример такого

политического образования, как государство-обрубок или используя более современный термин «фрэкчурэдстэйт» - расколотое государство.

Свершившийся коллапс предоставил Великобритании и Союзникам, в условиях наибольшего благоприятствования, возможность юридически закрепить в форме международного договора, которым должен был стать договор в Севре, новый статус ее бывших территорий, следовательно и ее распад.

Однако, созданное в Анкаре 23 апреля 1920 г. Великое турецкое национальное собрание объявило себя правопреемником Османской империи. Возглавив Войну за Независимость, Временное правительство выступило консолидатором внутренних сил в Анатолии, тем самым нарушило прежние политические соображения Союзных сил своим категорическим отказом ратифицировать положения Севрского договора.

Формируемая на основе идей набирающего силу национализма, впоследствии конституирующихся в кемализм, республика Турция была официально провозглашена 29 февраля 1923 в условиях упраздненного Османского султаната в 1922 году. Продемонстрировав устойчивость и жизнеспособность, Турция вынудила британское руководство в силу ослабления потенциала для интервенции возобновить переговорный процесс, как наиболее адекватную сложившимся условиям инициативу.

На основании того, что турецкая внешняя и внутренняя политика выстраивалась на национально-ирредентистском базисе, который не позволял согласиться с тем положением, что заняла Великобритания на Ближнем Востоке, в особенности на приграничных территориях; в 1922 году происходит новое столкновение по поводу Мосульского вопроса.

События 20 ноября 1922 года открывала конференция в Лозанне. Делегация от Турции, возглавляемая Исметом Инёню, выдвигала требование о проведении плебисцита в Мосуле. Исходя из представления о тождественности турецкого и курдского народов, турецкое представительство на конференции заявляло о неизбежности выбора местным населением того пути, которое считало истинно верным. Британская делегация, возглавляемая лордом Дж. Керзоном парировало эти факты противоположенной статистикой. Исходя из соображения о принадлежности курдов к иранской группе народов, утверждалось, что количество турецкого населения в регионе составляет не более 1/12 от общего числа.

Дополнительным фактором, придававшим устойчивости позиции Турции, стали британо-французские разногласия, так как «он (Исмет) был вооружен знанием того, что Союзники были далеки от единства в своих целях, несмотря на видимость единения, присутствовавшего во вступительной речи» [2, p.73]. Ультиматум Дж. Керзона, подразумевавший обязательное включение в проект итогового договора положения о слиянии мосульского региона с королевством Ирак и его предложение по казе Амадя, выдвинутое им 26 декабря привели к единственному закономерному результату.

Им стало вступление в силу второй части третьей статьи итогового договора Лозаннской конференции: граница между Турцией и Ираком должна проходить в соответствии с обоюдным соглашением, заключаемым между Турцией и Великобританией в течение 9 месяцев. В случае не заключения соглашения между государствами в указанный срок, вопрос передается в Совет Лиги Наций [3, p.962].

Наступление этого этапа предвляло проведение Стамбульской конференции 1924г., что была отмечена следующим важным обстоятельством. В рамках тянувшегося обсуждения Великобританией было выдвинуто предложение отодвинуть ирако-турецкую границу дальше на север. Таким образом, чтобы половина вилайета Хаккяри была включена в зону британского Мандата [4, p.48]. Накал дипломатического противостояния абортiroвал целесообразность проведения дальнейших переговоров в Стамбуле.

История Курдского восстания 1922-1924 г., произошедшего в границах современной мухафазы Сулеймания, представляет из себя другую сторону дипломатии большой политики на Ближнем Востоке. Она являет собой пример попытки взаимного давления Великобритании и Турции в отношении друг друга. Последствия которой вышли за пределы области планирования и ожиданий, которые каждая из сторон возлагала на курдский фактор.

«В сентябре 1922 г. Великобритания простила и отозвала обратно Шейха Махмуда Барзани для того, чтобы разобраться с турецкой угрозой. Этот безусловно циничный политический акт был вызван необходимостью использовать в качестве бастиона против турецкой угрозы распространяющуюся идею курдского национализма» [5, p.159]. Так как безусловные факты свидетельства активно ведущейся турецкой пропаганды на территории курдского анклава ставили своей задачей призыв к совместной борьбе двух, по мнению кемалистов, родственных народов против английского колониального господства.

Кризис для проводимой британской политики заключался в размахе, которые приняли действия шейха Махмуда. Провозглашение создания королевства Курдистан, а себя королем этого государства угрожало потерей промышленной и экономической инфраструктуры. Подавление этого восстания, означавшее преодоление этого кризиса, заставило британскую администрацию пересмотреть свою позицию по курдской автономии в рамках Ирака.

Возвращаясь к теме Мосульского вопроса, предзаключительной стадией его урегулирования явилось проведение собрания Совета Лиги Наций в Брюсселе и Женеве с 1924 по 1925г.

Действия текущих представителей двух стран в Брюсселе лорда Пармура (Ч.Криппс) от Великобритании и Фетхи Бей (Фетхи Окьяр) от Турции повторяли действия своих предшественников. Так Пармур возражал против инициативы проведения плебисцита, используя старый аргумент Керзона. Бей заявлял, что что все население Мосула страстно желает присоединиться к Турции [6, p.154]. К окончанию сентября Совет Лиги Наций счел разумным, на основании другого предложения лорда Пармура, учредить специальную комиссию для расследования.

По итогам ее работы была определена предварительная демаркационная линия между Подмандатным Ираком и Турцией, впоследствии названная «брюссельской». И на этом же основании, Совет Лиги Наций заключил, что условием в пользу которого территория бывшего Мосульского вилайета в соответствии с предварительной границей будет включена состав Ирака будет выполнение следующих двух условий. Первое устанавливало необходимость нахождения Ирака под эффективным мандатным управлением на срок в 25 лет. Второе обязывало обеспечить предоставления курдам политических прав и признать курдский язык в статусе государственного.

В рамках следующей сессии Совета, переместившегося в Женеву, место дипломатических представителей заняли два других лица, ими стали: от Соединённого королевства – Л. Эмери, от Турецкой республики – Мунир Бей (Мунир Эртегун). Прения данного этапа были дополнены результатами комиссии Лайдонера, созданной для расследования предполагаемых инцидентов депортации христианского и иного населения в зоне «брюссельской линии». Подтвердив выдвинутые против Турции обвинения, она нанесла серьезный удар по ее дипломатической позиции. Аргументация турецкой делегации была построена на попытке донести до Совета мысль о фабрикации истинных результатов расследования, осуществленной Великобританией [6, p.171]. Но ни ее доводы, ни ее позиции не были приняты к сведению.

Итоговая резолюция была принята Советом Лиги Наций 12 декабря 1925г. Она закрепляла окончательное право Великобритании на включение территории Мосульского вилайета, в соответствии с получающей официальный статус «брюссельской линией». Турция

восприняла это как очередной акт национального унижения со стороны Запада. Волна национального подъёма прокатилась по стране, а призывы вернуть потерянные территории Родины, подобно тому, как это было сделано в период Войны за Независимость, не сходили со страниц прессы [6, p.174].

Однако, реальных действий, которые могли разжечь новую войну на Ближнем Востоке, совершено не было. Турция была вынуждена смириться с неизбежным, чему все время столь упорно противилась. Заключительным этапом в этом восьмилетнем противостоянии стало подписание договора о Границах или Анкарского мирного договора в 1926г. Статья четырнадцатая, данного договора гласила следующее: турецкое правительство будет обеспечено со стороны иракского 10 процентами дохода в форме роялти от прибыли Турецкой нефтяной компании и ее концессий от 14 марта 1925 г., от подобных компаний и лиц, подпадающих под действие статьи шестой данного договора, от субсидиарных(дочерних) компаний, что могут возникнуть в соответствии с положениями 33 статьи [7, p.146]. Таким образом, Великобритания сочла разумным профинансировать турецкие нужды, а кемалистское правительство неохотно сочло благоразумным принять эту компенсацию за утрату Мосула.

Завершая разговор о внешнеполитическом аспекте процесса складывания Подмандатного Ирака, следует рассмотреть ту составляющую британской внутренней политики, что ответственна за переход его от стадии мандатной территории до стадии протектората в рамках Мандатной системы.

Источник стойких антибританских настроений в среде арабского населения – есть британские действия в международной политике, рассматривавшие арабов как ее инструмент. Первыми обещаниями, которым суждено было стать нарушенными, стали те, которые были даны в рамках дипломатической переписки между верховным комиссаром в Египте Г.МакМагоном и шерифом Мекки (Хеджаза) Хуссейном ибн-Али аль-Хашими с июля 1915 по март 1916 года.

Верховный комиссар от лица правительства Великобритании сообщал в письмах вторым и четвертым следующее: правительство Его Величество готово приветствовать восстановление халифата его истинным потомком, как и в последующем признать и поддержать независимость арабов на территориях в границах, которые определялись шерифом и эмиром Хуссейном [8, с.109-116]. Текст переписки подробно освещает, что в силу обстоятельств текущего момента, требовалось найти дополнительные возможности для ослабления Османской империи в ведущейся Первой мировой войне. Лейтмотивом англо-хиджазских переговоров стала тема будущего преобразования османских арабских провинций между Анатолией и Синайским полуостровом в одно единое или несколько арабских королевств. Вторым не менее важным обстоятельством стало обсуждение начала арабского восстания.

Окончание войны принесло арабам понимание истинного положения вещей. Обнародование соглашения Сайкса-Пико представителями партии большевиков в России в 1917г, события Парижской конференции и конференции в Сан-Ремо показали, что воплощение идеи о создании суверенных арабских государств на ближневосточных территориях Османской империи не предвидится возможным, так как ее место должна занять идея мандатного «попечительства» Великобритании и Франции.

Подмандатная Месопотамия, ставшая монументом пренебрежения арабскими интересами со стороны британских правящих кругов, первоначально, как и вся территория Британского Мандата должна была управляться на принципах, которые красноречиво описывает существование Администрации оккупированных вражеских территорий под руководством фельдмаршала Э.Алленби. Заменившая ее военно-гражданская администрация сохраняла

основные ее черты, подготавливая основу для события, которое послужит основанием для пересмотра положения будущего государства Ирак в рамках Мандатной системы.

Данным событием стало арабское восстание на территории британской Месопотамии 1920г. Начавшееся с инцидента в Аль-Руматии, оно обнажило не способность британского командования к организации быстрого его подавления на начальном этапе. Введение дополнительных пехотных батальонов и частей КВВС Великобритании обеспечило решающее превосходство и помогло восстановить контроль над основными узлами транспортного сообщения и ключевыми стратегическими пунктами – городами Кербела, Наджаф, Куфа, Шахрабан, Казелербат. Спорадические очаги подавленного восстания вспыхивали до 1922г.

Полковник Т.Лоуренс в своем докладе отмечает: «наше правительство хуже, чем старая Турецкая система. Они держали четырнадцать тысяч призывников, размещаемых здесь, и ежегодно убивали в среднем двести арабов в целях поддержания мира. Мы держим девяносто тысяч человек вместе с самолетами, бронированными машинами, канонерскими лодками и бронированными поездами. Этим летом во время восстания мы убили около десяти тысяч арабов. Мы не можем надеяться на поддержание такого показателя: это бедная, малонаселенная страна; но Абдул-Хамид рукоплескал бы своим хозяевам, если бы увидел нас за работой. Нам говорят, что цель восстания была политической, нам не говорят, чего хочет местное население. Это может быть тем, что обещало им Правительство» [9].

Позиция, в которую была поставлена Великобритания по итогам восстания 1920 г., привела британское правительство к необходимости пересмотра принципов управления Подмандатной Месопотамией. В меньшей степени для Великобритании стало важным «обрести центр стабильности в будущем новом государстве, источник силы на который она могла опереться» [10, p.79].

Главным архитектором этих инициатив стал У. Черчилль, сменивший в 1921 г. А.Милнера на должности государственного секретаря по делам колоний. В этом же году была проведена реформа административного подчинения Мандатных территорий, прежде предполагавшее разделение полномочий между двумя министерством иностранных дел и колониальным, ныне упразднившая юрисдикцию Форин Оффиса с выделением Ближневосточного департамента.

Как отмечается в статье «Каирская конференция 1921 г. как рубежный этап в формировании ближневосточной политики Великобритании после окончания I мировой войны», возникла идея созыва представительного форума, призванного окончательно утвердить и детализировать основные направления британской ближневосточной политики [11]. Глава колониального офиса сэр У. Черчилль поставил своей целью глубокое изучение специфики ближневосточной ситуации. Первоначальная повестка включала проведение встречи с П. Коксом на территории Подмандатной Месопотамии, обсуждения планов создания иракской монархии и графика эвакуации британских войск, обеспечение контроля над ситуацией в стране [11]. Обстоятельства, проявившие себя в обсуждении ситуации с сэром П. Коксом, сподвигли государственного секретаря изменить первоначальную форму проведения конференции.

Ближневосточная конференция Каира и Иерусалима, проходившая с 12 по 24 марта 1921 г. в Каире, явилась одним из самых представительных собраний в истории Британской империи. Ее участниками стали верховные комиссары: Месопотамии – П. Кокс и Палестины – Х. Самуэль, британские резиденты в Адене и Персидского залива, губернатор Сомали – Дж. Арчер, командующий британскими войсками в регионе, многие известные специалисты в области. Общее количество собравшихся представителей, в итоге превысило 40 человек

В соответствии с текстом секретного доклада на имя Его Британского Величества известно, что работа конференции, осуществлялась в рамках функционирования двух

подразделений: Политического и Военно-экономического. Политической возглавил У. Черчилль, тогда как на роль председателя Военно-экономического подразделения был определён генерал-лейтенант У. Конгрив, командующий британскими войсками в Палестине и Египте.

Первый вопрос, вынесенный на обсуждения в рамках Секции Второй, Агенды по дискуссии о Месопотамии, был сформулирован следующим образом: общепризнано, что нельзя добиться приемлемого состояния Месопотамии, не заплатив цену созданием местного правительства подлинного престижа и авторитета. Следовательно форма, которую это правительство примет, должна обсуждаться и исходя из следующих оснований, принимаемых в рассмотрение [12, p.37]. Наиболее важные среди них: будет ли являться правитель арабом; если да, следует ли обратиться к династии шерифов Мекки; следует ли рассматривать точку зрения населения Месопотамии; должно ли назначение правителя быть назначен Британским Правительством или Арабским Государственным Советом.

В ходе первого заседания, состоявшегося 22 марта 1921г., П. Коксвыдвинул предложение о рассмотрении альтернативных кандидатур наряду с рассматриваемым ранее эмира Фейсала из Хашимитской династии. Среди них Накиб-Абд ар-Рахман аль-Гайлани; СайидТалиб, Шейх Муххамары-Кхаз'аль ибн Джабир, Ибн Са'уд, Ага Хан, Буркхан Эд Дин (турецкий принц). В силу несоответствия сложившейся политической конъюнктуры, все альтернативные претенденты были отклонены.

Верховный комиссар в Месопотамии, аргументировал основываясь на предпочтениях, что единственное решение – назначение главой создаваемого государства Ирак представителя из династии Хашимитов, которым должен стать эмир Фейсал, имевший долгий опыт сотрудничества с Великобританией [12, p.107]. По итогам данного обсуждения в рамках Секции о Месопотамии было принято решение, которое в западной историографии принято называть Хашимитским или Шарифитским.

Заключительные вопросы, вынесенные на обсуждение в период с 13 по 24 марта в рамках отдельных заседаний Политического и Военно-экономического подразделений, а также их совместных заседаний, затрагивали специфику бюджетных ассигнований на содержание и развитие военной инфраструктуры. На основе обсуждений, подвергавшихся взвешенной критике со стороны разных представителей двух подразделений, было выработано следующее.

Программа вывода индийско-британских контингентов будет проходить в две фазы. Первая фаза, должна привести к сокращению наличных в регионе сил до 23 батальонов, вторая – до 12. Оценочный уровень расходов военного ведомства Великобритании должен будет продемонстрировать снижение с 31 до 27,25 миллионов фунтов стерлингов. Решение проблемы осуществления контроля над территорией, связанное с уменьшением размера армейского контингента, было предложено со стороны Маршала Королевских ВВС Х.Тренчарда в форме расширения области полномочий командования КВВС в Месопотамии: размещение 12 воздушных эскадрилий и создание вспомогательных аэродромов в ключевых точках под защитой арабских контингентов [13, p.111].

Вывод

Формирования Ирака происходило в условиях острого политического и социально-экономического кризиса внутри Британской империи. Первая мировая война стала катализатором перемен в которых Великобритания нашла себе беспомощной в возможности сохранить прежний уклад управления своими обширными владениями, над которыми «никогда не заходит солнце». Следование британским правительством концепции «мягкой силы» открыло перед Ираком возможность ускоренного обретения окончательной независимости, но не избавило его от экономической и политической эксплуатации на всем его протяжении.

Библиографический список

1. Helmreich P. C. From Paris to Sevres: the partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919-1920. Columbus.: Ohio State University Press, 1974. 376p.
2. Mears E.G. Modern Turkey.N.Y.: The Macmillan Company, 1924. 846p.
3. Lawrence M. Treaties of Peace 1919-1923. Vol.2. N.Y.: Carnegie Endowment for International Peace, 1924. 447p.
4. McDowall D. A Modern History of The Kurds. L., N.Y.: I.B.Tauris& Co Ltd, 2007. 494p.
5. La Question de Mossoul à la 35me Session du Conseil de la Societe des Nations (Geneve). Laussane: Imprimerie de la Societesuisse de publicite, 1925. 124p.
6. Foster H.A. The making of modern Iraq: a product of world forces. N.Y.: Russell & Russell, 1972. 319 p.
7. Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East: A Documentary Record.Vol.2. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1956. 427p.
8. Переписка Мак-Магона– Хуссейна 1915-1916 и вопрос о Палестине: документы и факты. М.: Рос-спэн, 2008. 216 с.
9. Global Policy Forum: [сайт]. - 2024. - URL: <https://archive.globalpolicy.org/security/issues/iraq/history/1920arabia.htm> (дата обращения: 7.05.2024). - Текст: электронный
10. Main.E. Iraq from Mandate to Independence. L.: George Allen & Unwin Ltd, 1935. 267p.
11. Сагимбаев А.В. Каирская конференция 1921 г. как рубежный этап в формировании ближневосточной политики Великобритании после окончания I мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. – 2006.– №2. – С. 76-80.
12. Report on Middle East Conference held in Cairo and Jerusalem. Printed for the Colonial Office, June 1921
13. Klieman A. Foundations of British Policy in the Arab World: The Cairo Conference of 1921. Baltimore and London, the Johns Hopkins Press, 1970. 327p.

Сведения об авторе:

Гришин Никита Олегович - аспирант, Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, e-mail: krechetoff.v@yandex.ru

УДК 942.080.1

Я. Е. Гунько

РАДИКАЛЬНАЯ КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА АТКИНСОНА ГОБСОНА

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа основных аспектов критики империализма в творчестве Джона Аткинсона Гобсона. Отдельное внимание уделяется концепции «антиимпериализма», недостаткам империалистической системы.

Ключевые слова: империалистическая идеология, «антиимпериализм», позитивизм, Британская империя.

Gunko Y.E. Radical criticism of imperialism in the works of John Atkinson Hobson.

Abstract: The article attempts to analyze the main aspects of criticism of imperialism in the works of John Atkinson Hobson. Special attention is paid to the concept of “anti-imperialism” and the shortcomings of the imperialist system.

Keywords: imperialistic ideology, “anti-imperialism”, positivism, British empire.

Джон Аткинсон Гобсон, британский экономист, социолог и публицист, родился 6 июля 1858 года в английском городе Дерби. Он получил образование в Университете Оксфорда, изучая классическую филологию и историю. В начале своей профессиональной деятельности работал журналистом, а позднее интерес к экономике и социологии привел его к изучению и публикации работ в этих областях.

Гобсон стал известен своими теориями и публикациями о экономике, социальной справедливости и империализме. Его основная работа «Империализм» стала наиболее известным трудом, в котором он разработал теорию экономических и политических аспектов империализма [6]. Своими сочинениями он активно критиковал политику колониального завоевания и эксплуатации ресурсов других наций. Его работы вызвали широкий резонанс как среди сторонников, так и противников его взглядов в то время.

Гобсон был активным участником политических и социальных движений своего времени, выступая за права женщин, поддерживая социальные реформы и выступая за мирное разрешение международных конфликтов. Его вклад в область экономики, социологии и политики остается значительным, а его труды по критике империализма оказывают влияние на современные исследования и дискуссии.

Гобсон жил в период, когда Британская империя достигла своего апогея, и вопросы империализма, социальной справедливости стали ключевыми в общественном дискурсе. Значительное влияние на формирование его взглядов оказала работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, а также социальных реформаторов своего времени, таких как Уильям Моррис.

Конфликт между Британской империей и бурскими республиками в Южной Африке оказал значительное воздействие на общественные настроения в Британии. Война вызвала серьезные социальные и нравственные раздоры в обществе, поскольку она шла в условиях серьезного кризиса, массовых потерь, что в свою очередь спровоцировало шквал критики в адрес политики правительства.

В соответствии с распространенной в историографии точкой зрения, «антиимпериализм» представлял собой реакцию приверженцев традиционных либеральных ценностей на оформление в конце XIX в. новой «империалистической» либеральной доктрины [15, р. 223]. В то же время, существует мнение о том, он явился в большей степени индикатором

формировавшейся в начале XX в. радикальной критики империализма, чем следствием эволюции прежней либеральной традиции [11, р. 27].

В современных исторических исследованиях присутствует достаточно популярная точка зрения, согласно которой дискуссия вокруг перспектив имперской экспансии в данный период представляла собой взаимодействие двух взаимосвязанных позиций. Одна из них была представлена сторонниками идеи «процветания английской конституции», вторая – приверженцами концепции «процветания империи» [16, р. 21].

Процесс формирования колониализма, обозначенный в ней термином «империалистическая экспансия», характеризовался как результат влияния ряда социально-экономических факторов, связанных с развитием капиталистической системы [7, р. 95]. При этом популярная в тот период в Великобритании имперская идея, по мнению Дж. А. Гобсона, не соответствовала многим базовым моральным критериям и оказывала пагубное влияние на состояние британского общества [7, р. 110].

Данная точка зрения во многом основывалась на возникшей ещё в середине XIX в., в период восстания в Индии, концепции английских позитивистов, подробно анализировавших морально-этические основы внешней политики Великобритании. Идеи, сформулированные Дж. А. Гобсоном, явились важной интеллектуальной основой критики взглядов консерваторов-юнионистов, связанных с продолжением активной колониальной экспансии. Данная критика основывалась на сочетании элементов пацифизма и социал-реформизма, предполагавших переориентацию основной части государственных расходов на социальные нужды [12, р. 100].

В конце XIX века, на пике империализма, существовали несколько ключевых теорий, объясняющих мотивацию и последствия колониального завоевания. Одна из них, представленная Жюлем Ферри в его работе «История французских колоний и экспансия Франции в мире», утверждала, что колониальные державы, в основном европейские, выполняют роль цивилизаторов. Эта теория аргументировала, что распространение своей культуры, технологий и цивилизации на другие народы является благотворным процессом, способствующим повышению уровня развития и благосостояния этих наций.

Другие теории рассматривали империализм как экономический импульс, мотивированный стремлением к расширению и увеличению прибыли. Колониальные державы искали доступ к новым ресурсам, рынкам и источникам сырья, чтобы обогатить свои нации.

Третья теория предполагала, что империализм проистекал из стремления наций к национальному превосходству. Считалось, что сильные нации имеют право и обязанность управлять менее развитыми.

Четвертая теория утверждала, что империализм был мотивирован геостратегическими интересами, такими как контроль над стратегическими территориями, морскими путями или важными географическими регионами [10].

Данные империалистические теории были распространены в эпоху Дж. Гобсона и послужили основой для обсуждения и анализа политики колониальных держав. Гобсон активно критиковал некоторые из этих теорий в своих работах и разработал собственную модель империализма, в которой выделялся экономический и моральный аспекты этого феномена.

Одним из главных теоретико-методологических оснований «антиимпериализма» на рубеже XIX-XX вв. являлась также и философия позитивизма. Позитивисты настаивали на том, что моральные законы должны быть в равной степени применимы как к отношениям между людьми, так и отношениям между нациями. Основываясь на этом тезисе, они утверждали о необходимости упразднения существующей колониальной системы, как «противоречащей принципам мира, любви и гуманизма» [13, р. 100]. С 1880-х гг. среди британских позитивистов утверждается идея о необходимости покинуть Индию как «военное, экономическое и

политическое бремя» [2, р. 68]. При этом сроки и конкретные формы реализации этого шага не оговаривались. Отмечалось только, что он должен быть осуществлён в силу некоего «морально-религиозного импульса» [9, р. 123]. Классический вариант данной концепции был изложен в работе британского позитивиста К. Дигби «Процветающая Британская Индия» [5].

В британском «антиимпериализме» идеи либерального гуманизма тесно переплетались с позитивистской философией О. Конта. Его сторонники сходились в необходимости поддержания всеобщего мира и расширения внешних экономических отношений, что требовало от Великобритании «воздерживаться от активной политической интервенции, в первую очередь, в обширные регионы Востока» [8, р. 167].

Для «антиимпериалистов» первой трети XX в. важнейшим являлось моральное основание критики колониальной экспансии, с позиций которого они характеризовали политику консерваторов-юнионистов как «беспринципную и эгоистичную» [14, р. 156]. Имперская стратегия, в её прежнем виде рассматривалась в данном контексте как «аморальная, устаревшая и дорогостоящая» [14].

Британская социалистическая идеология начала XX в. отличался тесной взаимосвязью идей космополитизма и интернационализма, а также острой критикой различных версий националистических взглядов. Существовавшая на тот момент система колониального управления рассматривалась его представителями как «в целом ошибочная», поскольку «экономические выгоды, получаемые от колоний заметно меньше, чем прибыль от торговли со свободными государствами» [4, р. 15].

В немалой степени развитию «антиимпериалистического» тренда в британской политической мысли способствовали идеи, изложенными в известной работе экономиста Дж. А. Гобсона «Империализм» [6], явившейся, по словам британского историка Г. Клэса, «исследованием, атомизировавшим характерные черты агрессивного национализма в его джингоистской форме» [3, р. 169].

Характеризуя причины колониальных захватов, Дж. А. Гобсон использовал близкую к марксизму концепцию, увязывая имперскую экспансию с борьбой за власть и влияние, а также необходимостью захвата новых территорий как рынков сбыта для товаров и сфер вложения излишних капиталов [7, р. 95]. По мнению британского исследователя Э. Дж. П. Тэйлора, труд Гобсона внёс «решающий вклад в развенчание имперской идеи в течение последующего десятилетия» [12, р. 100].

Джон Аткинсон Гобсон в своём подходе к империализму имел как сходства, так и различия с марксистами.

В плане сходств можно отметить следующие аспекты. Как и марксисты, Гобсон придавал большое значение экономическим факторам в анализе империализма, подчеркивая, что корни империализма лежат в экономических интересах и стремлениях капитала. Оба подхода видели в империализме форму эксплуатации ресурсов и труда колониальных народов в интересах капитала. Также Гобсон, подобно марксистам, критиковал социальную и экономическую несправедливость, вызванную империализмом, рассматривая её как причину социальных дисбалансов.

Однако, были и различия. Марксисты обычно вписывают империализм в рамки классовой борьбы, утверждая, что это инструмент буржуазии для укрепления своей власти. Гобсон, хоть и акцентировал внимание на экономических аспектах, не столь ярко выражал классовую борьбу и видел империализм как результат давления узких экономических интересов. Марксисты подчеркивали необходимость объединения рабочего класса для борьбы против капиталистической эксплуатации, тогда как Гобсон, хотя и выступал за социальные реформы, не всегда выдвигал идею солидарности рабочего класса как ключевой фактор в

противодействии империализму. Наконец, марксисты, такие как Владимир Ленин, видели империализм как последний этап капитализма, характеризующийся мировым разделением и мировыми монополиями. Гобсон в большей степени сосредотачивался на влиянии империализма на отдельные нации и их политику.

Джон Аткинсон Гобсон был известен своей радикальной критикой империализма, считая его аморальным и вредным как для колоний, так и для метрополий. В своей моральной критике он активно выступал против теорий, оправдывающих империализм как "цивилизующий" процесс. Гобсон утверждал, что империализм основывается на идеях надменности и дискриминации, видя в нём проявление моральной деградации, при которой метрополии угнетали и эксплуатировали колониальные народы.

Основной экономический аргумент Гобсона заключался в том, что империализм часто приводит к экономической эксплуатации как в колониях, так и в метрополии. Он утверждал, что экономический выигрыш от империализма не распределяется равномерно: беднейшие слои населения страдают от его последствий, тогда как элиты получают большую прибыль.

Политическая критика Гобсона включала предостережения, что империализм способствует авторитаризму и милитаризму и может быть источником международных конфликтов. Он видел в империализме угрозу миру и стабильности.

Гобсон также выделял слабости и недостатки империализма, акцентируя внимание на социальных неравенствах, вызванных этим процессом. Он считал, что империализм усиливает разрывы между богатыми и бедными как в метрополии, так и в колониях, приводя к социальным неравенствам и лишению народов их собственных ресурсов. Гобсон видел в империализме угрозу для долгосрочной экономической устойчивости, аргументируя, что эксплуатация ресурсов колоний может привести к их истощению и ухудшению экологической ситуации. Кроме того, он предостерегал, что империализм несет национальные затраты как в экономическом, так и в моральном смысле, считая, что ресурсы, затрачиваемые на ведение империализма, могли бы быть направлены на улучшение социальных условий и жизни населения в метрополии.

Модель империализма, разработанная Дж. Гобсоном, представляет собой радикальное исследование явления империализма, основанное на его труде «Империализм» [6]. Эта модель обобщает его взгляды на природу, мотивацию и последствия империализма.

Гобсон придавал первостепенное значение экономической мотивации империализма. Он считал, что империализм был мотивирован стремлением к экономическому расширению и увеличению прибыли. Колониальные державы искали доступ к новым ресурсам, рынкам и источникам сырья, чтобы обогатить свои нации. Эксплуатация экономических ресурсов колоний играла центральную роль в его модели.

Кроме того, империализм, по модели Гобсона, сопровождался политической экспансией. Колониальные державы стремились установить контроль над новыми территориями и нациями, чтобы обеспечить защиту своих экономических интересов. Экономическое доминирование и эксплуатация часто поддерживались военной силой и политическим влиянием.

Гобсон подчеркивал, что империализм обосновывается идеологией, которая считает колонизируемые народы менее ценными и менее развитыми. Эта идеология служила легитимацией колониальной экспансии, призывая к миссии «цивилизовать» или «спасти» другие нации.

Модель Дж. Гобсона отмечает, что империализм приводит к социальным неравенствам как в колониях, так и в метрополии. Экономическое доминирование и эксплуатация приводят к разрывам между богатством и бедностью, как в колониальных обществах, так и в обществах

колонизаторов. Эти социальные и экономические последствия часто сопровождались социальными конфликтами.

Гобсон также предостерегал, что империализм может быть источником международных конфликтов. Конфликты могут возникать из-за конкуренции между колониальными державами за контроль над ресурсами и рынками [1, с. 168].

В своей модели Дж. Гобсон также обращал внимание на экологические последствия империализма. Он аргументировал, что эксплуатация природных ресурсов колоний может привести к их истощению и разрушению окружающей среды.

Подводя итоги, стоит отметить, что англо-бурская война выявила не только проблемы внешней политики, но и привела к внутренним разногласиям и дискуссиям относительно этики имперской экспансии и колониального правления. Этот конфликт оказал негативное воздействие на общественные убеждения, вызывая обострение моральных и психологических вопросов в обществе, что, в свою очередь, стимулировало широкие дебаты о роли имперской политики и этике внешней экспансии Британской империи. Идеи, выраженные в работах экономиста Дж. А. Гобсона, в значительной мере способствовали развитию «антиимпериалистического» направления в британской политической мысли.

Дж. А. Гобсон высказал критику империалистических теорий, основываясь на своем анализе экономических и моральных аспектов империалистической экспансии. В своих работах он подчеркивал, что колониальные захваты были обусловлены борьбой за власть, необходимостью открытия новых рынков сбыта и мест для инвестирования излишних капиталов. Важно отметить, что Гобсон видел имперские идеи как несоответствующие базовым моральным принципам и как фактор, оказывающий отрицательное влияние на британское общество.

Идеи, выдвинутые Гобсоном, стали важным интеллектуальным фундаментом для критики стратегий, связанных с дальнейшей колониальной экспансией. Эта критика опиралась на элементы пацифизма и социального реформизма, которые предлагали перераспределение государственных расходов на решение внутренних социальных проблем и изменение подхода к управлению колониальными территориями.

Библиографический список

1. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018. 527 с.
2. Browne. H. J. Chamberlain. Radical and imperialist. Extracts from Letters. L., 1959. P. 68.
3. Claves G. Imperial Skeptics: British Critics of Empire: 1850-1920. Cambridge, N.Y., 2010. P. 169.
4. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. N.Y., 2009. P. 15.
5. Digby K. Prosperous British India, L., 1901.
6. Hobson J. A. Imperialism. L., 1902. Перевод на русский: Гобсон Дж. А. Империализм. Л., 1927.
7. Hobson J. Problems of a New World. L., 1921. P. 95.
8. Howe S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford, 1993. P. 167.
9. Levine Ph. The British Empire: from sunrise to sunset. L., 2007. P. 123.
10. Mahan, A. T. (Alfred Thayer). The Influence of Sea Power Upon History, 1660-1783. Boston: Little, Brown, and Company, 1890.
11. Matikkala M. Op. cit. P. 27.
12. Taylor A.J.P. The Troubles-Makers. L., 1957. P.100.
13. The Concept of Empire, 1774-1947. Oxford, London, 1962. P.386.
14. The Earl of Oxford and Asquith. Memories and Reflections 1852 to 1927. Vol. 2. Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. P. 156.

15. Thornton A.P. Doctrines of Imperialism. N.Y., L., Sydney, 1965. P. 223.
16. Vernon B. Devolution in the U.K. Oxford, N.Y., 1999. P.21.

Сведения об авторе:

Гунько Ярослав Евгеньевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: gunyaruslav@gmail.com

УДК 93/94;903

В. Ю. Назин

ГОЛОС ИМПЕРИИ: ПЕРВАЯ БРИТАНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВТОРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В данной статье анализируются первые реакции и интерпретации на события Второй англо-бурской войны (1899–1902) британскими авторами. В работе рассматриваются произведения таких журналистов и писателей, как Джулиан Ральф, Артур Конан Дойль и Эмили Хобхаус. Особое внимание уделяется тому, как эти авторы формировали общественное мнение, подчеркивая патриотизм и героизм британских солдат, а также оправдывая британскую агрессию как миссию по распространению цивилизации. В то же время в статье приводятся примеры критических взглядов, таких как работа Эмили Хобхаус, которая обратила внимание на жестокость британской военной политики и страдания мирного населения. Это исследование помогает понять, как формировались ранние нарративы и каким образом они повлияли на последующее восприятие войны в британском обществе.

Ключевые слова: Вторая англо-бурская война, империализм, общественное мнение, пропаганда, Британская историография.

V. U. Nazin. The Voice of Empire: Early British Interpretations of the Second Anglo-Boer War

Abstract: This article analyzes the early reactions and interpretations of British authors to the events of the Second Anglo-Boer War (1899–1902). It examines the works of journalists and writers such as Julian Ralph, Arthur Conan Doyle, and Emily Hobhouse. Special attention is given to how these authors shaped public opinion, emphasizing the patriotism and heroism of British soldiers while justifying British aggression as a civilizing mission. At the same time, the article highlights critical perspectives, such as the work of Emily Hobhouse, who drew attention to the brutality of British military policy and the suffering of the civilian population. This study helps to understand how early narratives were formed and how they influenced the subsequent perception of the war in British society.

Keywords: Second Anglo-Boer War, Imperialism, Public Opinion, Propaganda, British Historiography.

Вторая англо-бурская война (1899–1902 гг.) была ключевым конфликтом между Британской империей и двумя бурскими республиками Южной Африки – Южно-Африканской Республикой (Трансвааль) и Оранжевым Свободным Государством. Эта война, отличавшаяся жестокостью и значительными потерями, сыграла важнейшую роль в формировании британской имперской политики и более широких исторических представлений об империализме.

Изначально в британских рассказах о войне преобладали взгляды журналистов, офицеров и писателей, которые часто изображали конфликт в патриотических и империалистических терминах. Такие произведения, как боевые мемуары Уинстона Черчилля [5], журналистская работа корреспондента и участника событий Джулиана Ральфа [15] и империалистическая апологетика Артура Конан Дойла [2], прославляли британские цели и демонизировали буров. Что, как мы это увидим, было вполне объяснимым курсом британской политики. К тому же Британская администрация во многом была вынуждена реагировать на вызовы со стороны других европейских держав, к примеру Германия и Франция, также активно следила за развитием конфликта. Германия под руководством кайзера Вильгельма II выражала симпатии к бурам, что часто отражалось в немецкой прессе. Во Франции мнение было разделено, но общий скептицизм в отношении британских мотивов был широко распространен. Эти междонародные реакции подчеркивают важность войны не только как колониального конфликта, но и как значимого события в международных отношениях того времени.

К тому же характер этого конфликта был абсолютно иной. В отличие от зулусов или индийских повстанцев, буры были европейцами, что создавало особую моральную дилемму для британской общественности. Это усложняло оправдание войны и требовало более тонкой

пропаганды. Последних конечно же старались переформатировать и описать как такие же племенные неорганизованные силы, но полностью отождествить эти силы было нельзя.

Несмотря на это, такое время, которое историк Фернан Бродель называл “коротким” создавало и отдельные голоса, которые в будущем станут даже более важными для рассмотрения историками. Так, книга британской активистки Эмили Хобхаус “The Brunt of the war and where it fell” [11], вышедшая в 1902 году, стала одной из первых серьезных современных критических работ, раскрывающих ужасающие условия содержания бурских военнопленных и гражданских людей в британских концентрационных лагерях, а ирландский республиканец Майкл Девитт изменил оптику этой войны в своей книге “The Boer fight for freedom” [9], показав буров прямыми жертвами этого конфликта.

Данное исследование посвящено эволюции британских повествований о Второй англо-бурской войне и прослеживает переход от непосредственных, эмоционально окрашенных реакций к более тонкому и критическому историческому анализу.

Говоря об этом периоде, кажется особенно интересным начать с работы “Towards Pretoria”, написанной журналистом Джулианом Ральфом в 1900 году. Рожденный в Нью-Йорке, он, тем не менее, является ярким примером того, под какой призмой этот конфликт видели в Великобритании. Ральф прибывает на этот конфликт в качестве специального военного корреспондента газеты Daily Mail. Будучи американским журналистом, прикомандированным к британским войскам, Ральф передавал депеши, которые превратились в этот рассказ из первых рук, повествующий о походе Британии на захват бурской столицы. В этом смысле, следует обратить внимание на то, как в нескольких главах автор специально указывает, что некоторые части из его текста были подготовлены в Лондоне газетой “Daily Mail” под его личным контролем [15, р. 35], что видимо позволяет нам говорить о том что, некоторая часть его работы была написана непосредственно группой авторов и отражает не простой взгляд одного журналиста, а взгляд целого издательского коллектива.

Первая часть книги, “Историческое предисловие”, создана в попытке увидеть корни этого конфликта. Ральф кратко описывает географические характеристики Южной Африки. Затем он приводит исторические сведения о голландской колонизации Южной Африки, включая основание Кейптауна в 1652 году и конфликт между голландскими поселенцами и коренными племенами. Он так же видит в Британской колонизации благо, отмечая следующее: “Южную Африку, или Африку к югу от Замбези, можно описать в нескольких словах, так, чтобы выявились ее внешние особенности и стало ясно, что это практически одна страна по своей природе и должна быть единой по управлению” [15, р. 1].

Уже отсюда видно, как невероятно наглядно эта работа демонстрирует про британский империалистический образ мышления и приемы, которые будут использоваться в дальнейшем при изображении буров и истоков англо-бурской войны. Цитаты неоднократно рисуют буров в почти первобытном свете, как отсталых, жестоких по отношению к туземцам, упорно сопротивляющихся современности и британскому способу управления. Такие фразы, как “застой в течение двух столетий” [15, р. 10] или “уклад семнадцатого века” [15, р. 11], выставляют их безнадежно архаичными изгоями. А “Великий трек” буров представлен как бегство людей “возмущенных освобождением своих рабов” [15, р. 13] в противовес морально честного шага британцев по отмене рабства. Это рисует всю их миграцию как злобный, регрессивный акт.

Ральф так же рассматривает всю дальнейшую политику буров как нескончаемую экспансию, особенно замечая войны с зулусами, происходившими после пересечения Оранжевой реки. Он прямо обвиняет Бурские республики в развязывании войны с племенем Зулусов на этих новых территориях, не учитывая, что они возникли в основном из-за миграции буров и создания новых поселений. В этом смысле уместно вспомнить важную для Буров битву на

“Кровавой реке” 1838 года, когда зулусский вождь (инкоси) Дингане, решил обманом заманить безоружную бурскую делегацию в долину реки Инколе (Нколе) и под предлогом заключения соглашений о выделении бурским поселенцам территорий истребил всех прибывших делегатов. Конечно, за этим последовала немедленная, и это надо признать, кровавая акция возмездия. Тем не менее, даже благодаря этому случаю становится очевидно, как Зулусские вожди воспринимали этих переселенцев [1]. Поэтому, хотя буры, безусловно, применяли насилие в отношении зулусов, представление этого как части целенаправленной политики буров по завоеванию и разжиганию войны, скорее всего, является чрезмерным упрощением со стороны Ральфа. Конфликты были более органично порождены близостью, напряженностью и конкуренцией за ресурсы между мигрирующими поселенцами и коренным населением региона. В этом смысле Ральф старается избежать усложнения своего повествовательного нарратива, ведь дальше он постарается объяснить необходимость или неизбежность военных действий со стороны Британии.

Собственно, показав экспансионистскую настроенность переселенцев, автор видит в этом угрозу для самой Британской империи. Ральф пишет, как бы в противовес этим государствам, что британцы “гарантировали будущую независимость страны и ее правительства, запретили держать там рабов и, как и в случае с Трансваалем, предложили новым людям право покупать участки в британской колонии, а также пошли на либеральные уступки в отношении импортных пошлин” [15, р. 17]. Скорее всего он пишет эти строки специально, чтобы уже после показать контраст, который он видит со стороны бурских республик, где “Даже после этого они [буры] продолжали частые и жестокие войны с туземцами, которые сопровождались страшными убийствами с одной стороны и дикими ответными действиями с другой. Других туземцев они подвергали насильственному рабству, которое трудно отличить от рабства. Они не хотели платить налоги, прибегали к примитивным способам бартера из-за почти полного отсутствия денег и не осознавали ни возможностей, ни пользы от импровизированной конструкции, которую они называли правительством. Казна вскоре опустела, и практически каждый бур сделал свое удовольствие своим законом” [15, р. 17].

В завершение этой главы Ральф приводит две основные причины, которые стали спусковым крючком к этому конфликту: неудача рейда Джеймсона и ущемление прав жителей уитлендеров в республике Трансвааль. По этим темам следует сделать особое отступление.

Во второй половине XIX века на территории Трансвааля находят обширные залежи алмазов и золота, которые начинают привлекать искателей драгоценностей за всего мира, это время становится важным для будущего основателя монополии на всю алмазную добычу, магната Сесила Родса, который начинал свою карьеру с аренды водяных насосов для шахтеров и уже к концу XIX века смог построить огромную монополию по добыче алмазов названную в честь одной из шахт по добыче De Beers [13]. Родс был заинтересован в расширении своего влияния на бурские территории по разным причинам. Широко известной станет цитата, произнесенная им к началу Англо-Бурской войны: “Если есть Бог, я думаю, он хотел бы, чтобы я окрасил как можно большую часть карты Африки в британский красный цвет и сделал все возможное в других местах, чтобы способствовать единству и расширению влияния англоговорящей расы” [6, р. 137].

По мере того, как все больше британских и других европейских шахтеров и предпринимателей устремлялись в новые районы алмазной и золотой добычи, росла напряженность внутри государства, из-за отсутствия у переселенцев политических прав или гражданства в республике Трансвааль. Количество уитлендеров (переселенцев) со временем начало превышать само население Бурских республик. Из-за страха потерять суверенитет и контроль над своей территорией бурское правительство отказалось предоставить этой группе

избирательное право, что внутри Британии вызывало прямое недовольство. Об этом пишет и Ральф, он ссылается на грубое и вульгарное непонимание правящими верхушками “разумных требований” уитлендеров, особенно отмечая их навязывание преподавания по голландским учебникам [15, р. 28]. Что несомненно было правдой (буры официально закрепили преподавание на языке африкаанс) однако не учитывало сложные социально-экономические причины “наплыва новых поселенцев”, в этом ключе политика сохранения бурской культурной идентичности рассматривается противоположной стороной как оскорбительная несправедливость. Этот нарратив будет так же подогреваться в самой Британии. Так известная британская газета The Times будет описывать эти притеснения ссылаясь на слухи среди уитлендеров, следующим образом: “беженцы... рассказывают истории на все лады о жестокости и насилии буров, ведущих себя как полудикари. Они врываются на стоянки, давят, хватают и бьют беженцев, не жалея ни женщин, ни детей, направляют на них винтовки и трясут рожками с патронами у их лиц” [3].

Напряженность нарастала на протяжении 1890-х годов по мере того, как в горнодобывающие районы, где преобладали переселенцы, вливался инвестиционный капитал и прибыло все больше британских мигрантов. Так, в конце 1895 года британские шахтеры-уитлендеры из Йоханнесбурга якобы обратились за военной помощью к элитным лидерам Капской колонии, таким как, уже упомянутый, горнодобывающий магнат Сесил Родс и его лейтенант Леандер Старр Джеймсон. Воодушевленный империалистическими амбициями Родса и его заявлением о желании организовать восстание уитлендеров, Джеймсон повел свои частные военизированные силы из Родезии через границу Трансвааля в дерзкой попытке спровоцировать захват власти повстанцами против правительства бурской республики.

Однако, дерзкий рейд Джеймсона оказался плохо спланированным. Его отряд был быстро разбит хорошо организованными бурскими силами и после коротких столкновений сдался, а его лидеры арестованы за нарушение суверенитета Трансвааля путем незаконного вторжения в страну, признанную международным правом, независимым государством. Это фиаско было осуждено во всем мире как безрассудное нарушение территориальной целостности буров.

Тем не менее, Ральф рассматривает незаконное вторжение на территорию буров как часть понятного ему процесса восстания угнетенных, лишенных прав британских жителей Уитленда. Он отбрасывает серьезные нарушения суверенитета Трансвааля, чтобы вместо этого связать их с более широкими “обидами”, которые, подталкивали переселенцев к восстанию. Таким образом, Ральф считает этот “рейд” предвестником неизбежных “попыток британского правительства утвердить сюзеренитет” [15, р. 26] над регионом.

В конечном счете картина Ральфа систематически лишает буров каких-либо связанных политических мотивов, помимо прямой общей варварской воинственности. Напротив, он возвышает Британию как факелоносца цивилизационного прогресса, чья интервенция была одновременно рационализирована и романтизирована через эту особую моральную призму.

Перенесем наш анализ на труды и взгляды Уинстона Черчилля, еще одного влиятельного представителя британских империалистических нарративов, связанных с англо-бурской войной. Будучи одновременно военным участником и автором воспоминаний о конфликте, Черчилль предлагает уникальную точку зрения на то, как современная британская риторика определяла происхождение, ведение и предполагаемые оправдания войны против бурских республик.

Непосредственно к началу войны, в октябре 1899 года 24-летний Черчилль, уже опытный военный и журналист, отправился в Южную Африку в качестве военного корреспондента газеты The Morning Post. Его связи позволили ему прикрепиться к войскам британской армии,

мобилизованным для борьбы с бурскими республиками. Собственно, с этого и начинается его работа.

К сожалению, повествование Черчилля о роли Британской империи в годы этого конфликта несколько размыто вдоль общего изложения, автор очень быстро переходит в боевые столкновения и интересно замечает, что “первые отчеты, содержание которых очень тщательно контролировалось – ибо мы воюем пером, ровно как и мечом – рассказывали только о храбрости наших войск, о штурме позиций буров и о взятии пленных. То, что наши войска понесли большие потери, а буры отступили на следующие рубежи позади первых, прихватив с собой все пушки, и что после победы (а, с тактической точки зрения, это была несомненно, победа) генерал Юл форсированным маршем отступил к Ледисмиту – все это просачивалось в колонию лишь постепенно” [5, С. 341] уже разительно отделяло этот текст от повествования Ральфа. Черчилль старается избегать понятного для Ральфа разделения на черное и белое. Несмотря на то, что он позволяет себе описывать их как “невежественных крестьян” он так же вынужден заметить, что “мужество, выдержка врага и его уверенность в своих силах не менее удивительны” [5, С. 352].

Первый боевой опыт на этой войне Черчилль получил, когда бронепоезд, в котором он ехал, попал в засаду бурских бойцов в ноябре 1899 года которые взяли его в плен. В ночь на 12 декабря он совершил знаменитый побег из лагеря и бежал в Португальскую Восточную Африку, расположенную почти в 300 милях от лагеря. Его дерзкий побег через вражескую территорию попал в заголовки газет всего мира, когда он передал информацию о побеге в Лондон. Тем не менее, даже будучи в плену, Черчилль был во многом удивлен, что к нему и его товарищам буры относились так же, как к себе, например он был удивлен что он мог сидеть с ними за общим костром и совместно питаться [5, С. 362]. Конечно, он не перестает относиться к новостям о победах буров на поле боя не иначе как “потрясающем сплетении лжи” [5, С. 380], однако он вынужден признать, что буры оказались вполне серьезными противниками со своей мотивацией и целями в этой войне.

Интересно, как в одном из последующих боевых столкновений Черчилль описывает следующую картину: “Буры, однако, небыли столь невинны в других грехах. Один офицер Восточного Суррейского полка, узнав меня, подошел и показал расширяющуюся пулю особенно жесткого действия. Кончик ее был надрезан, обнажая мягкий сердечник, и вниз от него шли по сторонам четыре надреза. Были найдены целые ящики таких патронов. Офицер, который делал подсчеты, сказал мне, что соотношение запрещенных пуль к обычным составляло один к пяти. Я не думаю, что их было так много, но в любом случае – более чем достаточно... Я пытался воздать должное патриотическим добродетелям буров, но теперь необходимо заметить, что характер этих людей обнажает, в моменты стресса, темную и злобную изнанку. Мужчина – я употребляю это слово в полном его смысле никогда не захочет мучить своего противника, как бы горячо он ни жаждал его жизни” [5, С. 450].

В этом смысле достаточно странно то, что Черчилль, так долго описывает попавшуюся ему находку и не говорит, что перед ним типичная для того времени пуля типа дум-дум, которая была впервые создана на британской королевской оружейной фабрике в рабочем пригороде Калькутты. Ведь будучи участником подавления восстания пуштунских племен на территории современного Пакистана и Афганистана, в 1897 году, он был прекрасно знаком с этим типом патрона и писал своей бабушке: “Интересно, имеют ли люди в Англии хоть какое-то представление о войне, которая ведется здесь? Она настолько отличается от всего того, что мы привыкли ожидать, что, я не сомневаюсь, есть много людей, которые не понимают, например, что здесь никогда не просят и не дают четверти. Соплеменники пытаются раненых и калечат мертвых. Войска не щадят ни одного человека, попавшего в их руки, независимо от того, ранен

он или нет. Полевые госпитали и конвои с больными - особая цель врага, и мы уничтожаем цистерны, из которых только и можно достать [воды] для лета, и применяем против них пулю - новую пулю «Дум-Дум», о которой вы, возможно, слышали, - ее разрушительное действие просто ужасает. На самом деле я считаю, что ни одна такая пуля никогда не применялась против людей, а только против дичи - оленей, тигров и т. д. Картина ужасная, и, естественно, у нее есть сторона, о которой не принято упоминать в печати» [8, р. 810].

На самом деле, эта проблема требует более серьезного погружения в контекст. Ведь еще в 1868 году в Российском городе Санкт-Петербург Россия, Англия, Австро-Венгрия и фактически все государства Европы подписали соглашение «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль». Это соглашение, помимо закрепления единственно законной целью войны поставило цель в ослаблении сил неприятеля, так же постановило что отныне государства, подписавшие конвенцию, обязуются не использовать снаряды весом менее 400 граммов со свойствами взрывчатости, ударным или горючим составом [4]. Британские официальные лица пытались всячески обойти эту конвенцию при использовании пуль «Дум-Дум», начиная с того что эти пули на самом деле не взрываются, а «разворачиваются» после попадания и заканчивая тем, что враги, с которыми столкнулась Британия, не были армиями европейских стран, подписавших декларацию, а были «фанатичными туземцами», «дикарями» и «варварами» на которых эти требования, по мнению британской юриспруденции, не распространялись [16, р. 7]. Таким образом эти патроны попали в Африку.

Это конечно, не снимает обвинений с буров, которые сами использовали этот вид патронов и в самой бурской войне каждая сторона обвиняла другую в использовании пуль с мягким наконечником в нарушение правил ведения войны. Тем не менее, обе стороны, по-видимому, использовали значительное количество этих патронов в Южной Африке, прежде чем решили, что от них стоит отказаться [17, р. 32]. Хотя Уинстон Черчилль критикует буров за использование таких боеприпасов, в этом есть притворство, учитывая, что британцы активно использовали такие же боеприпасы в колониальных конфликтах. Этот двойной стандарт отражает имперское мышление того времени, которое проводило различие между европейскими и неевропейскими участниками войны.

Таким образом, исторический анализ переживаний Уинстона Черчилля во время англо-бурской войны раскрывает сложности и противоречия британских империалистических взглядов. Черчилль, который был одновременно участником и летописцем конфликта, предлагает уникальный взгляд на британскую риторику, оправдывающую войну против бурских республик. Его рассказы, подчеркивая храбрость британских солдат, также признают грозный характер противника.

По мере развития историографии англо-бурской войны вклад сэра Уинстона Черчилля и журналиста Ральфа уже был отмечен нами должным образом. Тем не менее, повествование остается неполным без включения в него еще одной яркой фигуры - сэра Артура Конан Дойла. Писатель, наиболее известный как создатель культового детектива Шерлока Холмса, в своей деятельности, связанной с бурской войной, вышел за рамки художественной литературы и перешел в сферу исторической документации и анализа. Повествование Конан Дойла не просто хроника сражений и стратегий. Он стремится понять точку зрения буров, часто вступая с ними в интеллектуальные внутренние беседы, чтобы понять их политические и военные взгляды. Его труды не только освещают события англо-бурской войны, но и позволяют задуматься об империалистическом подтексте эпохи. И конечно же его авторитет как популярного писателя придавал особый вес его интерпретации событий, влияя на мнение образованной части британского общества.

Конан Дойл начинает свою работу с обращения к истории колонизации мыса Доброй Надежды голландцами, отдавая им должное в том, как они смогли заселить эти территории через “сотни миль ядовитых болот” и “кровожадных туземцев” [2, С. 12]. Тем не менее, Дойл все же считает, что несмотря на голландских поселенцев на этих территориях, права Британии на эти земли неоспоримы, основываясь на праве завоевания (основываясь на захвате этих территорий в 1806 году) и покупке этой земли (по итогам Англо-голландской конвенция 1814 года). Дойл подчеркивает, что хотя сделка по приобретению территорий была совершена возможно слишком поспешно, в итоге она принесла как пользу, так и ущерб, включая “Кафрские войны”, открытие алмазных и золотых месторождений, а также конфликты с местным населением. Он также затрагивает проблему неопределенности границ, указывая на отсутствие четкого определения территорий, расположенных вглубь от прибрежной полосы. Это упущение, по мнению Дойла, стало источником многих последующих проблем, включая вопросы о праве голландцев на продвижение вглубь континента и создание новых государств [2, С. 12-13].

Анализируя это описание в контексте британской империалистической политики, можно увидеть, что Дойл признает как положительные, так и отрицательные аспекты британского колониализма. Он отмечает важность стратегического положения Кейптауна как пункта захода на пути в Индию, но также признает, что британское владение этими территориями сопровождалось конфликтами и кровопролитием.

Конечно же, Дойл не отходит от проблемы рабства и отношения к коренным народам. Он признает, что британское правительство стремилось защищать права аборигенов и поддерживать закон, но также указывает на разрыв между идеалистическими принципами и реальностью их применения. Конечно, сегрегация не была формализована во всех колониях одинаково, но во многих местах, включая Южную Африку, существовали законы и практики, которые ограничивали права коренных народов и других неевропейских групп. И конечно же одно дело заявлять программную декларацию о невозможности сегрегации на территории Британских колоний и совершенно другое открыть работу 1915 года “Native Life in South Africa”, южноафриканского журналиста Соломона Плааки и увидеть в самом начале книги следующий текст: “Проснувшись в пятницу утром, 20 июня 1913 года, уроженец Южной Африки обнаружил, что на самом деле он не раб, а изгой на родине. 4 500 000 чернокожих южноафриканцев проживают следующим образом: один и три четверти миллиона - в населенных пунктах и резервациях, более полумиллиона - в населенных пунктах или в городских районах и почти миллион - в качестве скваттеров на фермах, принадлежащих европейцам. Оставшиеся работают либо на дорогах общего пользования, либо на железнодорожных линиях, либо в качестве прислуги у европейских фермеров, получая квалификацию, то есть благодаря упорному труду и сбережениям, чтобы начать заниматься сельским хозяйством самостоятельно” [14, р. 17].

Уходя в корни конфликта, Дойл так же упоминает аннексию Наталя, первую республику Буров на которую в 1843 году Британия предъявила свои права вдоль побережья Капской колонии. Фактически, это было вступление в Бурские войны, которые произойдут после. Удивительно, но несколькими страницами ранее, утверждая важность сохранения прав коренных народов, Конан Дойл оправдывает британскую аннексию Наталя как необходимый шаг для подавления “кровожадных зулусов”, подразумевая “цивилизаторскую миссию” империи. Он признает, что аннексия Наталя стала причиной обиды и напряженных отношений с бурами, вынужденными покинуть эти земли. Однако, отмечает, что это предотвратило возможность создания новой “грозной морской державы” буров [2, С. 20-21]. Собственно, в этом риторика Дойла схожа с уже описываемой нами риторикой Джулиана Ральфа, нарратив о британской цивилизаторской миссии и необходимости наведения порядка среди разрозненных племен и общин объединяет две эти работы.

Далее Конан Дойль отмечает, что Капская колония процветала под британским правлением, что было примером успешного колониального управления, сочетавшего либеральную политику метрополии с учетом интересов голландского большинства колонистов. Что, конечно, было не так, особенно последние экономические исследования справедливо указывают на то, что примерная территория ЮАР под голландским контролем приносила доход и имела ВВП на уровне с Европейскими странами (без колоний), но после перехода этих земель под протекцию англичан, ВВП стал неуклонно снижаться и снижался вплоть до 50% от своего первоначального состояния до начала 1870 года, когда были найдены крупнейшие золотые и алмазные залежи, положившие начало экономическому росту на этой земле [10].

Очевидной причиной этих событий мог служить уже упомянутый “Великий трек”, уход Буров с территорий британского управления и основание своих республик. Но Дойл использует этот нарратив специально, ведь контрастом для него выступает ситуация в Трансваале, где буры мало того, что не допускали британцев к муниципальному управлению, так еще и дошли, по его мнению, до полной дезорганизации казны, занимаясь открытым раздором и расточительством [2, С. 22-23]. Благодаря этому у Британии, считал Конан Дойл, не было явного “эгоистического интереса” в аннексии, кроме желания навести порядок, ведь полученная ими земля требовала бы огромных дотаций из центра.

Конечно, это были не все причины. Дойл вновь возвращает в обсуждение проблему уитлендеров и перечисляет основные проблемы, связанные с ними. Например, обложение этих жителей высокими налогами или отсутствие у них избирательного права, словом, все то, о чем говорилось при разборе изысканий Ральфа. Конан Дойль так же видел уитлендеров как угнетенных и поддерживал идею, что британское вмешательство было оправданным для защиты их прав. Он также считал, что конфликт был неизбежен из-за коммерческих и политических интересов, связанных с контролем над золотыми приисками [2, С. 33-34]. Тем не менее, удивительно, что не упуская из внимания вторую важнейшую причину этого конфликта, рейд Джеймсона, Конан Дойль откровенно, хотя и двояко, признается, что: “На нас [Британии] лежит ответственность за рейд Джеймсона, осуществлённый англичанами под руководством офицеров, состоявших на королевской службе, на нас и вина за неполноценное расследование этого, не имеющего оправдания дела. Вот спички, которые помогли разжечь большой огонь, и именно мы держали их в руках. Однако вязанки хвороста, оказавшиеся столь огнеопасными, сложили не мы. Они представляли из себя притеснения, чинимые половине сообщества, неизменную решимость меньшинства облагать налогами и держать в черном теле большинство, стремление народа, лишь два поколения которого жили на южноафриканской земле, настаивать на том, что она принадлежит только им. За всем этим, вероятно, стояло желание голландцев доминировать во всей Южной Африке. Таким образом, Британия сражалась за серьёзное дело” [2, С. 81].

Наверное, в чем Конан Дойл был, несомненно, прав, так это в том, что конфликт происходит между двумя разными обществами, контакт между которыми, очевидно, повлиял на друг друга. В этом смысле, хочется отметить верным заключение научной статьи “Idealism and realism: Conan Doyle, imperialism and the Anglo-Boer War”, где автором отмечено следующее: “Вероятно, наиболее очевидный вывод, который можно сделать из работ Конан Дойла о Южноафриканской войне, заключается в том, что существовала дихотомия между его идеализацией британского дела как героического (важность моральной формы империализма для выживания нации и ее ценностей) и реальностью, с которой он столкнулся из первых рук...” [7, р. 39].

И, конечно, это исследование не было бы полным без рассказа об Эмили Хобхаус, британской активистки, сыгравшей значительную роль в разоблачении ужасающих условий в

британских концентрационных лагерях, созданных во время Второй англо-бурской войны. По мере того, как война затягивалась, британские военные начали проводить жесткую политику выжженной земли, уничтожая бурские фермы и насильственно переселяя тысячи бурских гражданских лиц, в основном женщин и детей, в концентрационные лагеря. Перенаселенность, плохие санитарные условия и нехватка продовольствия привели к безудержному распространению болезней и росту смертности в лагерях, особенно среди детей.

В 1900 году гуманитарный кризис в лагерях привлек внимание общественности, когда Эмили Хобхаус, финансируемая Южноафриканской женской комиссией, отправилась в Южную Африку и лично посетила некоторые лагеря. Она была в ужасе от условий, свидетелем которых стала, и по возвращении в Великобританию стала ярким критиком обращения правительства с гражданским населением буров. Собственно, на этом фоне появляется уже упомянутая нами работа Хобхаус *“The Brunt of the war and where it fell”*. Уже во введении автор сразу же указывает цель своей работы: “На этих страницах в мои намерения не входит возлагать вину на кого-либо отдельно взятого, но я стремилась просто изобразить страдания слабых и молодых людей правдиво и умеренно” [11, p. 16 (xvi)].

Интересно, каким именно образом Эмили Хобхаус подходит к написанию исследования, первая глава книги называется “Разрушенные дома”. В ней рассказывается о процессе разрушения ферм и домов в конце XIX века в Южной Африке и об эвакуации многих местных жителей в концентрационные лагеря. Однако, сам рассказ об этом сопровождается официальными документами, что делает эту работу в полном смысле исследовательской. В самом начале этой главы приводится Прокламация Лорда Робертса, которая была издана в конце января 1900 года после того, как британскими войсками была захвачена столица Южно-Африканского Союза - Претория. Так звучало начало этой прокламации: “Введя наши британские войска в Оранжевое свободное государство под моим командованием, я чувствую ответственность проинформировать всех граждан о причине нашего прибытия, а также сделать все, что в моих силах, чтобы остановить разрушения, вызванные этим конфликтом. Если война продолжится, граждане Оранжевого свободного государства должны делать это не по неведению, а с полным пониманием своей ответственности перед Богом за жизни, потерянные во время кампании” [11, p 1].

Повторяя уже упомянутые ранее тезисы о желании “культивирования мира и дружбы” с народом Оранжевого свободного государства, эта прокламация, как будет видно после, не оправдала себя. Ведь сразу за ней описывается реакция и настроения местных жителей на этот текст. Некоторые из них присоединились к британской стороне, другие продолжили сопротивление. В результате британские войска начали серию боевых действий с бурскими повстанцами, что привело к разрушению городов и деревень, а также к затяжным боевым действиям. В этом смысле характерно одно письмо, которое приводит Хобхаус: “Официальные уведомления из разных мест оказывали сильное давление на людей, и некоторые из них поддались ему. Тем, кто придерживается противоположной точки зрения, важно помнить на будущее, как трудно было этим людям сопротивляться. Вот пример записки, адресованной тихой, изолированной женщине, живущей на своей ферме в Трансваале, с тремя детьми и мужем, находящимся в сотнях миль отсюда на военной миссии и больным. «От коменданта Паардекопа фельдкорнету Францу Баденхорсту», - говорится в записке. «Я хотел бы обратить ваше внимание на настоятельную необходимость немедленной капитуляции. Если вы сдадитесь добровольно сейчас, к вам будут относиться снисходительно и, вероятно, не будут перевозить. По окончании войны вам будет разрешено вернуться к вашей жене и ферме. Однако я предупреждаю вас, что, если вы не подчинитесь, ваша ферма будет сожжена, а ваш скот конфискован в течение двух недель»” [11, p. 16-17].

Так же показано как британские войска оставляли целые города из-за партизанской войны и невозможности прокормить в этих городах население. Например, из письма 1900 года, под подписью генерала Брюса Гамильтона, которое приводит Хобхаус, можно узнать следующее: “В городе Вентерсбург не хватает продовольствия, он частично сожжен, а фермы в его окрестностях разрушены из-за частых нападений на железную дорогу в этом районе. Бурским женщинам и детям, оставшимся в лагере, следует обратиться к бурскому командованию за продовольствием, поскольку они обеспечат их, если не хотят, чтобы они страдали от голода. С железнодорожной станции в город не будут доставлены никакие припасы” [11, р. 17]. При этом Хобхаус удалось получить признания рядовых солдат, которые признавались, что получали приказы на целенаправленное сжигание ферм и домов. Так, она приводит показания рядового Морриса, проходившего службу под командованием генерал-майора Ральфа Артура Клементса от сентября 1900 года: “С тех пор как мы стали работать с Клементсом, у нас появилось много хлопот по сжиганию ферм. Иногда это очень тяжело. В прошлое воскресенье шесть человек отправились с имперским офицером в прекрасный фермерский дом, дав жильцам пять минут на то, чтобы вынести все свое имущество и убраться самим. Там были старая бабушка, три замужние дочери и несколько детей, которые плакали и просили пощады, но нет, по истечении времени мы сожгли его дотла” [11, р.18].

Кроме того, Хобхаус приводит многочисленные факты перевозки людей в лагеря и тот факт, как женщины и дети страдали от отсутствия медицинской помощи и пищи. Поток этих писем, которые были найдены Хобхаус, впечатлял ее, после цитирования нескольких писем она вынужденно констатировала: “Поток семей для депортации, который казался нескончаемым, поддерживался разрушениями, стремительно нараставшими в последние месяцы [1900] года. С октября по декабрь серия телеграмм из разных районов повторяла печальные новости” [11, р. 40]. Иногда масштаб этих явлений был особенно ужасен, так капитан Марч Филиппс писал в одном из своем отчете, который приводит Эмили: “Теперь мы поворачиваем на запад вдоль южной части [реки] Ваала. Сжигание ферм продолжается, и наш путь через страну, как и в доисторические времена, отмечен столбами дыма днем и огня ночью. Обычно мы сжигаем от шести до дюжины ферм в день; это почти все, что встречается в этой малонаселенной стране. Мне не кажется, что в отношении сожженных ферм утверждается или доказывается какая-то особая причина или повод. Если ферму использовали буры; если владелец находится в командос; если линия в пределах определенного расстояния была взорвана; или даже если поблизости есть буры, которые упорно продолжают воевать — вот некоторые из этих причин. Конечно, люди, живущие на фермах, не имеют права голоса в этих вопросах и совершенно бессильны вмешаться в планы сражающихся буров. Как бы то ни было, мы обнаруживаем, что та или иная причина, как правило, охватывает почти все фермы, на которые мы приезжаем, и поэтому, чтобы избежать неприятностей, мы сжигаем их без лишних вопросов; если, конечно, что иногда случается, перед утренним маршем не называются некоторые имена ферм, которые будут сохранены” [11, р 41-42].

Отдельно Эмили Хобхаус волнует судьба женщин на этой войне. Вторая глава ее работы “Женщины в 1900” содержит очень многие подробности относительно того, как женщины переживали время наступления британских войск и конфликт Второй-Бурской войны в 1900 году. Она состоит из нескольких разных рассказов и писем от женщин, которые попали в лагеря, где они столкнулись с трудными жизненными условиями и отсутствием ресурсов. Вся эта глава пропитана тяжестью того, как женщины были вынуждены покидать свои дома из-за конфликта и наступления британских войск и уезжать на старых, переполненных вагонах, в отсутствии пищи, воды и медицинской помощи. В этом блоке приводится много писем из лагерей, в которых находились женщины. Вот пример такого письма из Питермарицбурга,

написанного женщиной, которая, к несчастью, оказалась в таком лагере: “В лагере находится более 1000 мужчин, женщин и детей. У них довольно большие удобные палатки, но они горько жалуются на нехватку мяса и хлеба и на то, что у них совсем нет одежды. Я не уверена, что это относится к женщинам из Хейделберга, но о большинстве других я знаю, что во многих случаях после мгновенного предупреждения их дома со всем, что в них находилось, сгорали дотла у них на глазах, а им не разрешалось даже взять лишнего из одежды, которая была при них. Некоторые из них находятся в ужасном положении...” [11, р. 41-42]. Ключевым моментом, подчеркиваемыми Эмили, является то, что женщины и дети были главными жертвами войны, не имевшие никаких прав на голос в данной ситуации и вынужденные просто выживать каждый день. Многие женщины и дети были вынуждены покинуть свои дома и жить на улице, в палатках и хижинах. Их гнетущее положение было тем более остро в зимнее время года, когда не было достаточного укрытия и тепла.

Конечно, в течение войны были созданы небольшие комитеты, вроде добровольческого отряда Красного Креста, которые пытались предоставлять помощь, но масштабных государственных действий, направленных на решение проблем женщин и детей, не было. Это вызывало сочувствие и в Капской колонии. В третьей главе “Ощущения в Капской колонии” были собраны мысли тех, кто видел войну со стороны. Важно, что Эмили поднимает проблему семейных и религиозных связей между воюющими сторонами, ведь фактически местные жители капа и местные жители бургских республик недавно были соседями в одной колонии. Как замечает Хобхаус: “Семейные и религиозные узы связывали жителей старой колонии с представителями их расы в молодых штатах. Так было не только на границах, где постоянно встречались члены одной семьи, живущие по обе стороны границы, но и во всей Капской колонии не было семьи, не имеющей кровных родственников, которые поселились на севере и стали полноправными жителями одной или другой из двух республик... Новости было трудно получить, и напряжение было сильным: случайное письмо, путешественник с севера или рассказ солдата - все это приносило обрывки новостей, которые по своему воздействию были хуже, чем полное знание правды. По мере того, как шли месяцы, чувства уже невозможно было сдерживать, и женщины Капской колонии были вынуждены переступить через свои обычные домашние привычки, организовывать собрания и высказывать свое мнение. С июня по август было проведено шестнадцать собраний, и за ними последовали новые” [11, р. 90].

В ноябре 1900 года эти собрания переросли в целый конгресс из 1500 голландских и английских женщин, которые требовали отказаться от практики сожжения, разграбления и уничтожения частной собственности, депортации и заключения в тюрьму незащищенных женщин и детей без следствия. При этом первоначально английская колониальная администрация выступила с одобрением этого движения, однако, когда дело дошло до создания фонда помощи жертвам войны, по воспоминаниям Хобхаус: “Практически все [влиятельные люди] отказались назвать свои имена и помочь делу, если только они не принадлежали к партии, которая на протяжении всего времени выступала против войны... Отказы, однако, были характерны для английских настроений того времени. Один видный священнослужитель считал, что сохранение жизни бургских женщин и детей может «продлить войну». Другой видный проповедник опасался, что такой благотворительный фонд отразится на «чести наших солдат», а разве лорд Робертс не сказал, что все они джентльмены? Такова была суть полученных ответов” [11, р. 94]. Тем не менее, какую-то помощь все же удалось начать поставлять населению, и, хотя она “значительно уступала помощи других стран”, с тех пор из доков стали выходить судна, на борту которого находился один или нескольких “тюков с вещами и одеждой для жертв войны” [11, р.94].

В целом сюжеты описанных глав сохраняются на протяжении всей книги. Так одна из глав “Разрушено больше домов”, показывают разрушения за 1901 год что продолжается главами о посещении лагерей, условиях жизни женщин в этих лагерях и дает картину того, как жители реагировали на эти события.

Надо сказать, что в целом британское общество в целом поддерживало имперскую экспансию, рассматривая ее как естественное и положительное явление. Преобладала вера в цивилизаторскую миссию Британии, которая якобы несла прогресс в отсталые регионы мира. Экономические интересы, связанные с контролем над богатыми ресурсами Южной Африки, особенно золотыми и алмазными месторождениями, также играли важную роль в формировании общественного мнения. И в этом смысле интересно то, какую реакцию произвела эта работа, ведь поначалу британская общественность не знала об истинных условиях содержания в лагерях и откровения Хобхаус об ужасающих условиях содержания буров, вызвали серьезные споры. Неоднозначность заключалась в том, что Эмили Хобхаус была одной из немногих людей, которые оказывали помощь бурским преследуемым. В то же время как её критики считали, что она навлекает дискредитацию на Британскую и имперскую власть.

Тем не менее до осени 1901 года большинство британской общественности продолжало верить в военные и дипломатические обоснования, которые использовались для объяснения “необходимости” войны и обращения с бурскими пленными. Более того, колониальные администраторы начали использовать риторику, которая использовала общественные предрассудки, чтобы смягчить потенциальную политическую опасность, которая могла исходить от “сторонников буров”.

Многие военные и дипломатические контраргументы были также расово окрашены, поскольку некоторые британские чиновники считали, что критики войны добивались особого отношения к тем, кто, казалось, находился на низших ступенях цивилизации. К примеру, лорд Герберт Китченер написал такое объяснение того, почему он считает, что всех военнопленных и их семьи необходимо депортировать из Южной Африки: “[нужно] Поселить буров на каком-нибудь острове или в стране, где мы сможем безопасно обосноваться, например, на Фиджи, или заставить какую-нибудь иностранную державу забрать их, например, Францию, чтобы заселить Мадагаскар. Отправьте туда всех военнопленных и позвольте их семьям присоединиться к ним; больше никаких добровольных капитуляций и отправляйте всех, кого поймают, в новое поселение. У нас останутся только сдавшиеся буры, и страна будет безопасной и доступной для белых колонистов... Эти Буры - нецивилизованные африканерские дикари с тонкой белой оболочкой” [12, p.152].

Более того, были и те, кто представлял другую версию событий, что Хобхаус использовала концлагеря в своих политических целях, утверждая, что главной её целью была не помощь родственникам заключённых, а просто продвижение своей политической карьеры. К июню 1901 года о работе Хобхаус и проблемах концлагерей узнали даже парламентарии. Например, Дэвид Ллойд Джордж сообщил своим коллегам в Палате общин, что “английская леди” раскрыла то, что “правительство боялось показывать” [12, p. 153]. Признав очевидное лишь к концу войны в лагеря были отправлены огромные ресурсы и огромное количество персонала, а уровень смертности резко снизился. К несчастью, время было упущено.

Тем не менее в Южной Африке Хобхаус стала культовой фигурой, которую помнят, как борца за мир, который помог положить конец Англо-бурской войне. Документы, добытые ей из первых рук, и ее активная деятельность заставили переосмыслить последствия войны для гражданского населения и повлияли на общественное мнение в Великобритании. В целом эта работа пока не явно, но сместила акцент с исключительно военных побед на человеческие

издержки войны, особенно для гражданского населения. В настоящее время эта точка зрения занимает центральное место в понимании бурской войны.

Первоначальная эйфория от победы постепенно сменилась более критическим осмыслением конфликта и его последствий. По мере поступления информации о жестокостях войны, особенно о концентрационных лагерях, в обществе росла озабоченность гуманитарными аспектами конфликта. Война также обнажила недостатки британской военной системы, что привело к призывам к реформам и переоценке военной стратегии. В обществе началось более критическое осмысление методов управления колониями и ведения колониальных войн. Возросла озабоченность международным имиджем Британии, что привело к более осторожному подходу к имперской политике. К тому же война длилась дольше и была более интенсивной, что потребовало значительных финансовых ресурсов для поддержания военных операций.

Таким образом, Первые интерпретации Второй англо-бурской войны, созданные британскими авторами, отражают атмосферу патриотизма и империалистических устремлений, которые доминировали в общественном сознании того времени. Работы таких журналистов и писателей, как Джулиан Ральф и Артур Конан Дойль, формировали образ войны, подчеркивая героизм британских солдат и необходимость британского вмешательства для поддержания порядка и цивилизации в Южной Африке.

В этих ранних отчетах война представлялась как неизбежное и правомерное действие против народов которых следовало “цивилизовать”. Они отражали убежденность в моральной правоте британской империи и выполнению миссии по распространению цивилизации и прогресса. Эти произведения создавали идеализированный и героический образ войны, направленный на поддержку имперских устремлений и воодушевление британской публики.

Однако, несмотря на доминирование империалистических взглядов, уже в этот период появились критические голоса, такие как Эмили Хобхаус. Её отчеты о тяжелых условиях в британских концентрационных лагерях и жестоких методах ведения войны бросили тень на официальные нарративы и поставили под сомнение моральное обоснование британской политики. Работа Хобхаус стала важным шагом в направлении более объективного и критического осмысления конфликта.

Первоначальная британская историография была в значительной степени сформирована господствующей империалистической идеологией и мотивами, направленными на оправдание роли Великобритании в конфликте против бурских республик. Рейд Джеймсона и провокации против буров часто преподносились как вполне объяснимые выступления угнетенных британских мигрантов, чьи права нуждались в защите. Нарушения Великобританией суверенитета буров игнорировались, в то время как их империалистические действия рационализировались и романтизировались через призму достижения прогресса. Первоначально общественность была в значительной степени склонна к военным и дипломатическим объяснениям, откровения о страданиях гражданского населения поднимали неудобные вопросы и впервые в британском дискурсе сместили акцент на человеческие издержки конфликта.

Таким образом, начальная британская интерпретация Второй англо-бурской войны представляла собой смесь героических и патриотических образов с зарождающимися критическими нотами. Эти ранние нарративы заложили основу для последующих исследований и обсуждений, которые впоследствии привели к более глубокому пониманию и переосмыслению этого сложного и противоречивого конфликта.

Библиографический список

1. Воеводский А. В. Кечвайо - последний независимый правитель зулусов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. №18 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kechvayo-posledniy-nezavisimyy-pravitel-zulusov-1> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Конан Дойл А. Англо-бурская война: 1899–1902. - СПб: Азбука, 2018.
3. Новичков А. В., Резников А. А. Пропаганда как инструмент воздействия на общественное мнение Великобритании в годы второй англо-бурской войны // Манускрипт. 2017. №8 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-instrument-vozdeystviya-na-obschestvennoe-mnenie-velikobritanii-v-gody-vtoroy-anglo-burskoj-voyny> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Санкт-Петербургская декларация 1868 г. об отмене взрывчатых и зажигательных пуль // Международный комитет Красного Креста URL: <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnuu> (дата обращения: 26.02.2024).
5. Черчилль У. С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. - М.: Эксмо, 2004.
6. Beard S. Can we Work with God? // The Herald of the Golden Age. Vol. 4. - 1899. - 15 december.
7. Bradlow E. Idealism and realism: Conan Doyle, imperialism and the Anglo-Boer War // Kleio. - 2003. - Vol. 35, Iss. 1.
8. Churchill, R. S. Winston S. Churchill: Companion volume I, part 2, 1896-1900. - Boston: Houghton Mifflin Company, 1967.
9. Davitt M. The Boer fight for freedom. - London and N. Y.: Funk & Wagnalls Company, 1902.
10. Fourie J., Zanden J. L. GDP in the Dutch Cape Colony: The National Accounts of a Slave-Based Society // South African Journal of Economics. - 2013. - Vol. 81.
11. Hobhouse E. The Brunt of the war and where it fell. - London: Methuen & Co., 1902.
12. Marouf H. The “hysterical” Emily Hobhouse and Boer War concentration camp controversy // Western Journal of Communication. - 2003. - Vol. 67, Iss. 2.
13. Our history // De Beers Group URL: <https://www.debeersgroup.com/about-us/our-history> (дата обращения: 19.02.2024).
14. Plaatje S. T. Native Life in South Africa: Before and Since the European War and the Boer Rebellion. - London: P.S. King & Son, Limited, 1915.
15. Ralph J. Towards Pretoria. - N. Y.: Frederick A. Stokes Company, 1900.
16. Spiers E. M. The use of the Dum Dum bullet in colonial warfare // The Journal of Imperial and Commonwealth History. - 1975. - Vol. 4, Iss. 1.
17. Van Hartesveldt F. R. The Boer war: historiography and annotated bibliography. - Westport: Greenwood Press, 2000.

Сведения об авторе:

Назин Валерий Юрьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, БГУ. E-mail: Jordan9000@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(574,19) «1941/1945»

В.С. Ешпанов

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945

Аннотация: В статье исследован исторический аспект организации, становления и развития отечественной нефтяной промышленности в суровые годы. В хронологическом порядке освещены наиболее значимые исторические события и события в истории топливной индустрии в военное время. Обозначены основные направления и результаты технического перевооружения нефтяной промышленности. В работе рассмотрена нефтеперерабатывающая отрасль СССР в обеспечение нефтепродуктами регионов страны. Характеризуется эксплуатационное и разведывательное бурение нефти, обосновываются простои скважин, излагаются недостатки, приведшие к снижению выработки топлива. Определена роль в развитии стратегии ресурсного обеспечения военных действий и тыла страны. Изучены формы и методы управления нефтяной отраслью в эти годы. Показана роль советских нефтяников в решении задач оперативной эвакуации и восстановления предприятий отрасли страны в условиях военного времени. Акцентируется внимание на мало изученных проблемах отрасли, способных стать основой дальнейших изысканий.

Ключевые слова: нефтяная отрасль; Великая Отечественная война; эвакуация; нефтедобыча; нефтепереработка.

V. S. Yeshpanov. Mobilization of Resources Fuel Industry of the USSR during the Great Patriotic War 1941-1945

Abstract: The article explores the historical aspect of the organization, formation and development of the domestic oil industry in harsh years. The most significant historical events and events in the history of the fuel industry during wartime are covered in chronological order. The main directions and results of technical re-equipment of the oil industry are outlined. The work examines the oil refining industry of the USSR in providing oil products to the regions of the country. Production and exploration drilling of oil is characterized, well downtime is justified, and shortcomings that led to a decrease in fuel production are outlined. The role in the development of a strategy for resource support for military operations and the country's rear has been determined. The forms and methods of managing the oil industry in these years have been studied. The role of Soviet oil workers in solving the problems of prompt evacuation and restoration of the country's industry enterprises in wartime conditions is shown. Attention is focused on little-studied problems of the industry that can become the basis for further research.

Keywords: oil industry; The Great Patriotic War; evacuation; oil production; oil refining.

Начало Великой Отечественной войны стало большим испытанием для экономики советского государства. В героической летописи Великой Отечественной войны достойное место занимает небывалый подвиг советских нефтяников. Одной из драматических страниц в истории Отечества стал период Великой Отечественной войны, когда нефть стала сырьем стратегического значения. Нефть являлась важнейшим стратегическим ресурсом, позволявшим решать многие проблемы. С начала 20-го века в мировом хозяйстве всё большую роль начинает играть нефть и связанная с ней политика. Военные события требовали усиления государственного управления нефтяной отраслью в условиях войны [1, с.118]. Перестройка работы нефтяной промышленности СССР в соответствии с военным временем не заставила себя долго ждать. Нефтяная промышленность фактически являлась одной из базовых отраслей, определявших обороноспособность страны в целом. С началом войны перед нефтяниками страны была поставлена задача в кратчайшие сроки увеличить добычу и

переработку нефти для обеспечения бесперебойной поставки горюче-смазочных материалов для нужд Красной Армии. Военные события побудили объединиться всех для решения одной главной цели - победить врага. Страна стала в годы войны единым боевым лагерем. Природные богатства, поставленные на службу государству, сыграли свою особую роль в разгроме агрессора.

Немало в исторической литературе статей о роли нефтяного хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Опыт работы нефтяников в военные годы нашел отражение в работах отечественных исследователей, но, к сожалению, сравнительно мало внимания уделено вопросам разведки, добычи и переработки нефти в годы великих испытаний. За прошедшие десятилетия появились работы по нефтяной индустрии, в которых делаются акценты либо на ресурсную базу, либо на уровне технологий и технических средств отдельно представленных регионов. На пути историков прошлого, конечно, стояла, с одной стороны, идеология и цензура, а с другой — всеобъемлющая секретность. Одним из важнейших аспектов, которые отмечают историки в ходе Великой Отечественной войны, является несопоставимый нефтяной потенциал противоборствующих сторон.

Со второй половины 1940 года в стране начинается существенный рост добычи нефти.

Таблица -1. Добыча нефти в СССР 1940 году в % [2, с.49]

Наименование	Продажи
Грознефть	7,5
Майннефть	7,03
Второе Баку	5,64
Среднеазиатские тресты	2,49
Эмбанефть	2,02
Прочее	1,69
Азнефтедобыча	73,63

Между тем в 1940 году в СССР было произведено 889 тыс. тонн авиабензинов всех марок, но для большой войны качественного авиабензина было недостаточно. К началу Великой Отечественной войны в стране открыли 49 нефтяных месторождений.

1 июля 1941 года было принято постановление об образовании Государственного Комитета Обороны (ГКО). Под эгидой Наркомата нефтяной промышленности был организован специальный оперативный штаб, ответственный за поставки топлива на фронт, который возглавил Н.К.Байбаков. Великая Отечественная война изменила развитие нефтяной отрасли, которая стала работать на фронт. В первые годы войны нефтяной комплекс страны пережил ряд сложных и противоречивых моментов [3, с.76].

По отдельным районам СССР добыча нефти в 1940 году менялась весьма неравномерно. В июле 1941 года в Уфу был направлен Наркомат нефтяной промышленности СССР.

Первым успехом башкирских нефтяников было открытие нефти в районе деревни Кинзебулатово. В последний год войны Башкирия достигла довоенного уровня добычи нефти.

Таблица -2. Динамика добычи нефти в Башкирии в военные годы 1941-1945 (млн. т) [4, с.52]

Военные года	1941	1942	1943	1944	1945
Добыча нефти	1316	1023	779	835	1333

30 июля 1941 года было принято постановление ГКО о необходимости увеличения добычи нефти и ее переработки в восточных районах СССР. В Киргизии нефтедобыча в значительных масштабах началась лишь в 1937 году, а уже в 1940 году давала 23, 8 тыс. т нефти в год. Нефтяное географическое название в военные годы “Майли-Суу -4” было известно не только жителям Киргизии, но и всему СССР [5, с.78]. Успешное развитие нефтяной промышленности Узбекистана началось в годы Великой Отечественной войны. В военный период в Узбекистане добыча нефти увеличилась в 4 раза. В 1940 году на заводе была оборудована лаборатория, повысилось качество технологического процесса. Объёмы производства достигли 176 тыс. тонн нефтепродуктов в год. Был осуществлен ввод в эксплуатацию Палваиташского, Южно-Аламыштикского, Шарихан-Ходжабадского месторождений, что позволило существенно увеличить масштабы добычи на территории Узбекистана в суровые годы военных лет [6, с.386]. В 1941 году трест «Дагнефть» добился больших успехов. За 9 месяцев 1941 года контора бурения треста пробурила 37 707 м и сдала в эксплуатацию 20 скважин. Трест “Дагнефть” в 1945 году увеличил добычу нефти по сравнению с 1944 годом на 43%.

По состоянию на 1 января 1938 года промышленные запасы нефти в Туркмении исчислялись в 2,6 млн. т., предполагаемые запасы были равны 18,0 млн. т. К 1941 году здесь добывали до 624 тысяч тонн нефти в год. С весны 1943 года, введен в эксплуатацию нефтеперерабатывающий завод на базе оборудования эвакуированного в Туркмению Туапсинского нефтеперерабатывающего завода. В 1945 году добыча нефти составляла уже 629.000 тонн против 587 000 тонн в 1940 году.

До войны в Чеченской Республике было три крупных нефте- и газоперерабатывающих завода суммарной мощностью 19 млн. т. в год. Если к началу 1941 года «Грознефтекомбинат» имел в наличии 70 укомплектованных буровых станков, то на 1 января 1944 года он располагал только 33 станками. К концу 1942 года среднесуточная нефтедобыча «Грознефти» составляла всего лишь 80 тонн. В 1943 году на промыслах Грознефтекомбината было добыто около 0,81 млн т нефти, а общая добыча нефти в СССР в тот год составила 17,9 млн т.

В предвоенный период основной нефтяной базой СССР оставался Азербайджан, дававший 70% всей добываемой в стране нефти. Нефтяная промышленность Азербайджана на протяжении Великой Отечественной войны обеспечивала почти 3/4 всей нефтедобычи СССР. Следует обратить внимание, с середины 1942 года нефтедобыча на Бакинских промыслах, главном нефтедобывающем районе страны, снизилась примерно вдвое. Вся нефтяная промышленность Азербайджана была переведена на двенадцатичасовой рабочий график без выходных дней и отпусков до окончания войны. В период с 1942 по 1943 годы проводилось бурение и наклонно-направленное бурение скважин с использованием турбинного способа (Баку, Краснокамское месторождение) под руководством бригады мастера А.А.Аббекирова.

Таблица -3. Добыча нефти в Бакинском районе за период 1941-1945 гг. (млн. т.) [7, с.127].

Добыча нефти	23,5	15,7	12,7	11,8	11,5
Военные годы	1941	1942	1943	1944	1945

В годы Великой Отечественной войны значение нефтеносных районов Средней Азии значительно выросло. Нефтедобывающие предприятия Казахстана увеличили добычу нефти для обеспечения фронта. Транспортировка нефти осуществлялась через Гурьев в Урал и Сибирь. Был построен нефтепровод «Пешной – Гурьев – Орск». Огромная работа была проведена в нефтеперерабатывающей промышленности. До Великой Отечественной войны нефтепромышленность Казахстана была представлена трестами «Эмбанефть» и «Актюбнефть» в составе группы «Восточных нефтяных трестов». В 1936 – 1940 годах объемы бурения выросли до 421 тыс. метров, включая 154 тыс. метров разведочных скважин. За этот период была демонтирована большая часть нефтезаводов и почти вся машиностроительная база. В 1939 году была введена в эксплуатацию магистраль нефтепровод Гурьев – Кандагач – Орск, для экспорта добытой нефти. В 1939 году производство нефти выросло на 21,3% по сравнению с 1938 годом. С началом войны существенно ухудшилось снабжение нефтяной отрасли буровыми станками, техникой, оборудованием. В 1940 году объемы бурения достигли 100 тыс. метров были открыты и введены в эксплуатацию новые нефтяные месторождения. В 1942 году добыча нефти в Казахстане составила около 700 тыс. тонн, что было больше, чем в 1937 году. Вторичная разработка нефтяных месторождений Доссор вступила в строй в 1943 году. В годы Великой Отечественной войны геологические исследования были концентрированы в Урало-Эмбинской нефтеносной области [8, с.150].

Мобилизация в Красную армию вызвала острую нехватку квалифицированных кадров. Тяжелая военная обстановка потребовала от руководства страны дополнительной рабочей силы. Привлечение рабочей силы в нефтяную промышленность было более затруднительным по сравнению с другими сферами. В нефтяной промышленности с первых дней войны резко обострилось положение с рабочей силой. На фронт ушли квалифицированные нефтяники. На смену ушедшим нефтяникам в армию пришли женщины, молодёжь и дети. На нефтепромыслах Эмбы в Казахстане трудилось около 4,7 тысяч женщин, или 42,5% общего числа рабочих. Главным источником пополнения рабочего класса в нефтяной отрасли продолжало оставаться сельское население. 28 июля 1941 года СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Таким образом ушедшие на пенсию, вновь возвращались за рабочие места. Рабочие нефтяной промышленности СССР участвовали во всесоюзном социалистическом соревновании страны. Рост трудовой активности происходил в тяжелых жизненных условиях. Трудовой героизм рабочих нефтяников позволил создать условия для превращения нашей страны в могучий военно-промышленный арсенал. Число рабочих нефтяной промышленности страны за годы военных лет увеличилось почти в 2 раза, несмотря на мобилизацию населения в Красную армию. На предприятиях нефтяной промышленности СССР была распространена форма комсомольско-молодежных фронтовых бригад, которые вступили между собой в социалистическое соревнование. Но все же в годы войны предприятия нефтяной отрасли не смогли решить полностью проблему кадров [9, с.85].

Таблица - 4. Добыча нефти в основных нефтяных районах СССР (млн. т.) [10, с. 364]

Регион	1940 г.	1945 г.
СССР	31.000	19.500
Азербайджан	22.321	11.495
Краснодарнефть	2.242	0.753
Грознефть	2.229	0.871
Башнефть	1.452	1.330
Куйбышевнефть	0.220	1.033
Пермьнефть	0.147	0.185
Оренбургнефть	0.029	0.275
Казахстан	0.505	0.752

На Краснокамском месторождении в 1942 году специалисты из Баку и местные буровики начали применять для бурения на крепких породах турбинный метод, а также наклонно-направленное бурение. Буровым, шахтам требовались специалисты. Напряженные творческие поиски инженерно-технических работников давали свои плоды. В 1943 году инженером К.И. Лошкаревым был разработан первый отечественный испытатель для пластов. В том же 1943 году инженер А.Г. Алексеев нашел решение для изготовления высококачественной термостойкой резины, предназначенной для облицовки деталей буровых насосов и турбобуров. В 1943 году был построен газопровод, который проходил от Бугуруслана до Куйбышева. [11, с.281].

Строительство газопровода Бугуруслан - Куйбышев, протяженностью 160 км., стало отправной точкой в развитии теории и практики в СССР. В 1944 году было обнаружено самое крупное нефтяное месторождение в девонских отложениях Туймадинского месторождения. В 1945 году было осуществлено резкое увеличение геолого-поисковых работ. Выявлено 63 структуры геологическими методами и 32 структуры с использованием геофизических методов. Было пробурено 1374 разведочных скважины, что привело к открытию 47 месторождений нефти и газа. Финансирование геологоразведочных экспедиций осуществлялось под непосредственным руководством СНК СССР.

Таблица - 5. Финансовое вложение в нефтедобывающую промышленность в (%) [12, с.148]

Наименование работы	1941	1942	1943	1944	1945
---------------------	------	------	------	------	------

Оборудование для бурения	9	3	5	8	8
Бурение эксплуатационное разведочное	21	16	19	17	10

Первые промышленные эксперименты по закачке воды в нефтяные пласты начались в 1943-1944 годах на месторождениях Доссор и Макат. Закачка воздуха в нефтяной пласт (Краснокамское месторождение) в 1944 году. Во время войны нефтяное хозяйство СССР применяло как новые, так и забытые способы добычи нефти. В результате применения данных методов, доля бензина в конечной продукции увеличилась с 20% до 30-35%. Несмотря на снижение объема добычи нефти, нефтяное хозяйство СССР достигло значительных результатов [13, с.62].

Таблица - 6. Статистика непроизводительности труда на нефтепромыслах СССР в (%) от общего рабочего времени [14, с.96]

Наименование	1941	1942	1943	1944	1945
Технические аварии	6,1	6,4	9,8	8,3	8,5
Простои	7,9	9,2	6,2	7,2	8,1

В период с 1941 по 1945 год были обнаружены нижнепермские нефтяные месторождения и угольные залежи. Удивительно, но поиски нефти и газа в Западной Сибири не прекращались даже в разгар Великой Отечественной войны. Удельный вес сахалинской нефти в общей добыче по стране в годы Великой Отечественной войны был незначительным. На Сахалине, как и в других районах, развитие нефтедобычи шло медленными темпами. Для советского нефтяного хозяйства в годы войны было характерно сочетание как новых технологий, так и давно забытых способов. На заключительном этапе произошёл качественный сдвиг в нефтяной отрасли промышленности СССР, обеспечивший её прорыв позднее. Бесперебойное обеспечение фронта и тыла нефтью и продуктами нефтепереработки явилось результатом огромных организационных усилий руководства страны. Многие нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия СССР, работавшие в годы Великой Отечественной, функционируют и сегодня.

Таблица - 7. Статистика добычи нефти союзными республиками 1941-1945 гг. (млн. тонн) [15, с.226]

Наименование союзной республики	1941	1942	1943	1944	1945
РСФСР	7 525,9	4 501,6	3 436,9	4 432,3	5 675,1

Азербайджан	23 541,0	15 739,2	12 715,4	11 871,2	11 540,5
Казахстан	864,9	867,8	981,7	799,6	788,0
Турмения	630,3	578,9	465,2	634,6	628,9
Украина	165,3	-	-	93,0	250,0
Узбекистан	196,3	189,7	280,3	339,9	477,8
Грузия	57,5	56,1	57,5	46,3	36,4
Таджикистан	29,1	26,3	21,7	22,1	20,0
Киргизия	27,7	28,3	25,0	22,0	19,4
Всего по СССР	33 038,0	21 987,9	17 983,7	18 261,0	19 436,1

Таким образом, нефтяная промышленность развивалась неравномерно, с большими трудностями и противоречиями. Трудным был путь к Победе, но он был пройден советскими нефтяниками с честью. Советское нефтехозяйство выдержало все трудности войны, внесла весомый вклад в общее дело победы над врагом. Нефть в годы войны стала главной артерией, без которой победа нашего народа была бы невозможной. Благодаря нефтяной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны был создан нефтяной комплекс, который обеспечивал фронт и тыл нефтепродуктами. За годы Великой Отечественной войны накоплен ценный опыт организации и управления топливной отраслью в экстремальных условиях.

Библиографический список

1. Бреннер М.М. Экономика нефтяной промышленности СССР. М., 1962. С.392.
2. Засядько А.Ф. Топливо-энергетическая промышленность СССР. М., 1959. С.166.
3. Будков А. Д., Будков Л. А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны/ Под ред. И. Я. Вайнера. М.,1985. 248 с.
4. Тимергазин К. Р. Очерки по истории Башкирской нефти-Уфа: БКИ, 1956 -88 с.
5. Джунушалиева Г.Д. Становление горнодобывающей промышленности в Кыргызстане. //Via in tempore. История. Политология.- 2012.- №4. – 68-84.
6. Бабаджанов Х. Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941—1945 годах / Х. Б. Бабаджанов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 384—400.
7. Иголкин А.А. Советская нефтяная политика в 1940 - 1950 годах. М., 2009. 324 с.
8. Ешпанов В.С. Состояние нефтяной промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны (на примере Актюбинской области) /В.С. Ешпанов, Н.К. Казманов // Известия вузов Кыргызстана. – 2017. – №6. – С. 148–151.
9. Борисова П.А., Злотникова. Производительность труда в нефтеперерабатывающей промышленности СССР. М., 1959. С. 119.
10. Лисичкин С. М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. — М.: Ин-т экономики АН СССР, 1958. — 428 с.

11. Кремс А. Я. История советской геологии нефти и газа. — Л.: Недра, 1964. — 379 с.
12. Нефть СССР (1917-1987 гг.) / под ред. В. А. Динкова. — М.: Недра, 1987. — 383 с.
13. Федорчук В. П. Геологи — фронту. — М. : Недра, 1985. — 182 с.
14. Башкирская нефть / под ред. С. Ш. Бикбова, Ю. З. Зайнетдинова. — Москва: Недра, 1982. — 271 с.
15. Соколов А. К. Советское нефтяное хозяйство. 1921-1945 гг. — М.: ИРИ РАН, 2013. — 279 с.

Сведения об авторе:

Ешпанов Владимир Сарсембаевич – доктор исторических наук, профессор, Казахский университет технологии и бизнеса г. Астана, WS-282@mail.ru

УДК 94(73)"1869/1886"

В.В. Прилуцкий

«ОРДЕН РЫЦАРЕЙ ТРУДА» В США: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАИВЫСШИЙ ПОДЪЕМ (1869-1886 ГГ.)

Аннотация: в статье рассмотрена деятельность «Ордена Рыцарей Труда» – одного из крупнейших профцентров Америки конца XIX в. Создание первой массовой национальной организации, защищавшей права трудящихся, стало знаковым событием в истории США. Пережив кратковременный подъем и достигнув расцвета в 1880-е гг., «Рыцари Труда», однако, вскоре раскололись и в итоге прекратили свое существование. Причиной раскола и распада профсоюза стали политические разногласия, приведшие к отделению социалистов и сторонников независимой деятельности в сфере трудовых отношений, а также поглощению части ордена «Американской федерацией труда».

Ключевые слова: трудовые конфликты в истории США, американское рабочее и профсоюзное движение, «Орден Рыцарей Труда» в США, «Американская федерация труда»

Prilutskiy V.V. «The Order of the Knights of Labor» in the USA: the emergence and the highest rise (1869-1886)

Abstract: the article examines the activities of the «Order of the Knights of Labor», one of the largest trade union centers in America at the end of the XIXth century. The creation of the first mass national organization to defend workers' rights was a landmark event in event in the history of the United States. Having experienced a short-term rise and reached its peak in the 1880s, the «Knights of Labor», however, soon split and eventually ceased to exist. The reason for the split and collapse of the trade union was political disagreements, which led to the separation of socialists and supporters of independent activity in the field of labor relations, as well as the absorption of part of the order by the «American Federation of Labor».

Keywords: labor conflicts in the history of the USA, American labor and trade union movement, «The Order of the Knights of Labor» in the USA, «The American Federation of Labor»

Профсоюзное движение в Соединенных Штатах Америки в XIX в. являлось важной частью борьбы рабочего класса за свои права и улучшение условий труда. Индустриальное развитие страны имело не только позитивные, но и негативные последствия. Вместе с развитием промышленности возрастала эксплуатация трудящихся. Работники сталкивались с длительным рабочим днем (10 и более часов), низкими зарплатами, неприемлемыми рисками для жизни и здоровья, а также отсутствием социального обеспечения. Подобные условия стимулировали их объединяться и бороться за свои права совместно. Первые профсоюзные организации (тред-юнионы) в США появились в первой половине XIX в. Как правило, они были ориентированы на отдельные профессиональные группы работников определенного города или района, например, плотников или каменщиков, и стремились защищать только их интересы.

Орден Рыцарей Труда («Благородный и Святой Орден Рыцарей Труда», «The Noble and Holy Order of the Knights of Labor», K of L) в США – крупный национальный профсоюз, который играл важную роль в защите интересов рабочих в различных отраслях промышленности и сферы услуг. Сформированный в конце 1869 г., данный профсоюз быстро стал одним из самых влиятельных и авторитетных в стране в 1880-е гг., представляя интересы более 750 тыс. наемных рабочих. В истории профсоюза можно выделить следующие периоды: 1) возникновение тайного ордена (1869-1878 гг.), 2) подъем и расцвет организации (1878-1886 гг.), 3) начало упадка (1886-1893 гг.), 4) расколы и распад профсоюза (1893-1910-е гг.).

В первый период деятельности профсоюза в приеме в него приоритет отдавался квалифицированным рабочим. Но позднее была сделана ставка на создание мощной массовой рабочей организации, и «Рыцари Труда» начали принимать в свои ряды всех желающих, в том числе неквалифицированных рабочих. В профсоюз вошли шахтеры, машинисты, плотники, железнодорожники, сталелитейщики, печатники, плотники, столяры, стекольщики,

текстильщики и др. [1]. Членами профсоюза могли быть также инженеры, учителя и представители других «интеллигентных» профессий.

Для членов данного союза (как и для многих политических радикалов) была характерна конспирология, т.е. вера в теорию заговора. «Рыцари Труда» не принимали в свою организацию юристов и адвокатов (подозреваемые в нечестности, крючкотворстве и политиканстве), врачи (по мнению радикалов, невежественные и алчные), банкиры, финансисты и биржевые маклеры (монополизировавшие деньги и кредит), производители и торговцы крепкими спиртными напитками (поддерживающие и провоцирующие аморальное поведение народа), земельные спекулянты, а также азартные игроки. «Рыцари Труда» являлись прогибиционистами, т.е. сторонниками принятия «сухого закона». Они даже принимали меры против своих членов, злоупотреблявших алкоголем и совершавших аморальные поступки.

В «Орден Рыцарей Труда» входили не только рабочие-протестанты, но и католики, преимущественно ирландцы. Орден стремился сотрудничать с радикальной организацией – Ирландской национальной земельной лигой, основанной в 1879 г. В конце 1870-х гг. к Ордену присоединился первый национальный женский профсоюз «Дочери святого Криспина» (The Daughters of St. Crispin) объединявший женщин-сапожниц и швей. С 1878 г. в профсоюз начали массово брать женщин, иммигрантов и афроамериканских рабочих, как правило, неквалифицированных, не являвшихся «рабочей аристократией». Подобный курс привел к столкновению «Рыцарей Труда» с руководителями американских цеховых профсоюзов (классических тред-юнионов), которые объединяли исключительно квалифицированных рабочих, как правило, урожденных белых американцев. Последние опасались притока в страну и в профсоюзы неквалифицированных наемных рабочих низкооплачиваемых профессий, которые могли бы составить серьезную конкуренцию на рынке труда.

Ассоциация «Рыцари Труда» была основана Юрайей Смитом Стивенсом (известным в ранних переводах на русский язык как Уриа или Урия Стефенс) (3 августа 1821 - 13 февраля 1882) и 8-ю его товарищами - портными в г. Филадельфия на двух собраниях в его доме: 25 ноября (в День благодарения) и 28 декабря 1869 г. [2]. Стивенс остается практически неизвестным в России радикальным американским общественным и политическим деятелем, реформатором-утопистом. Родился в штате Нью-Джерси, но впоследствии с семьей переехал в г. Филадельфия. Происходил из семьи верующих баптистов. Родители мечтали о том, чтобы он стал священнослужителем. Стивенс был неординарной личностью. В детстве стал учеником в портняжной мастерской. В юности путешествовал по Калифорнии и другим западным территориям США, Мексике, Центральной Америке и Европе. Впоследствии работал портным в Филадельфии, чтобы прокормить свою семью (у него было 4 детей). Включился в рабочее и профсоюзное движение. Являлся сторонником аболиционизма и утопического социализма. Выучил несколько западноевропейских языков. Много читал (в том числе и на иностранных языках) и занимался самообразованием. Вступил в несколько тайных мистических обществ: в масонский союз (в декабре 1864 г. – марте 1865 г. был принят в филадельфийскую ложу № 211), в «Рыцари Пифия» и в орден «Odd Fellows» («чудаков» или «странных товарищей») [7]. Впоследствии символика и ритуалы этих франкмасонских и околomasонских организаций легли в основу символов, обрядов и церемониалов «Благородного Ордена Рыцарей Труда». Также они были частично заимствованы у объединения башмачников и кожевников «Рыцари святого Криспина» (The Order of the Knights of St. Crispin), являвшегося крупнейшим тред-юнионом в стране в период между 1865 г. и 1875 г. Последний профсоюз был создан в 1867 г. Висконсине и назван в честь католического святого Криспина [4, р. 5–11]. Братья – святые Криспин и Криспиан занимались башмачным ремеслом в III в. н.э. в Суассоне; считаются покровителями сапожников и кожевников.

Стивенс стал одним из организаторов Филадельфийского союза портных-закройщиков (1862-1869 гг.), который боролся за улучшение условий труда и повышение зарплаты. Однако эта деятельность оказалась неудачной и в 1869 г. союз объявил о самороспуске. «Рыцари Труда» задумывались Стивенсом как «трудовое братство» цехового типа, но демократическое, открытое для вступления всех трудящихся: рабочих, механиков и ремесленников независимо от профессии, уровня квалификации, страны происхождения (т.е. как коренных американцев, так и иммигрантов), политических взглядов, партийной принадлежности, религиозной принадлежности и цвета кожи. Кроме того, допускалось принятие в профсоюз также представителей иных социальных групп и классов. Но все же по уставу 3/4 участников Ордена должны были составлять наемные рабочие, поэтому профсоюз можно назвать рабочей организацией. Членские взносы в данном добровольном объединении трудящихся не взимались. Но перед членами Ордена ставились задачи профессионального совершенствования и повышения квалификации на основе совместного «братского» труда. Данные ценности и установки противопоставлялись эгоизму, эгоцентризму, индивидуализму, жажде наживы, коррупции и вульгарному материализму американского «Позолоченного века» (1870-1900 гг.). Стивенс и многие «Рыцари Труда» отличались утопическими иллюзиями в отношении перспектив реформирования социально-экономической системы Америки [1]. Они полагали, что избавление от негативных проявлений капитализма было возможным путем создания кооперативных объединений трудящихся и поддержки развития кооперативного движения.

Увлечение Стивенса масонством способствовала тому, что профсоюз создавался в форме тайного «братства труда», предусматривавший клятвы на Библии при вступлении, специфические ритуалы при проведении встреч, степени посвящения в «тайны» Ордена, секретные знаки, пароли, особую символику и т.п. [7]. Создавалась некая «светская церковь». Первоначально тайная организация называлась «Пять звезд» или «Союз пяти звезд» («Five Stars»), но в ее документах встречается обозначение себя 9-ю звездочками (*****). Завеса тайны должна была привлечь дополнительное число членов. Режим секретности был также необходим в связи с участвовавшими случаями преследований и насилия со стороны предпринимателей, полиции и властей в отношении рабочих и участников профсоюзов в США в 1860–1870-е гг. «Рыцари Труда» избрали Стивенса первым в их истории местным (районным) Мастером (Магистром) Рабочим (Master Workman), первым окружным Мастером Рабочим (District Master Workman) и первым общенациональным руководителем организации – Великим Мастером Рабочим (Grand Master Workman, в 1878-1879 гг.). Еще в конце 1869 г. «Рыцари Труда» приняли в качестве основы своей деятельности небольшую по объему мистическую работу Стивенса «Adelphon Kruptos» (греч. «Тайное Братство») [3].

Труд (Работа или Ремесло) – это одна из главных добродетелей «вольных каменщиков» (франкмасонов), которые символически с помощью разнообразных инструментов строителей возводят духовный Храм. Они отражают этот процесс в своих тайных церемониях, мистериях, обрядах и ритуалах. По мнению основателя «Ордена Рыцарей Труда», труд и трудолюбие – это наивысшая ценность, творческий, созидательный процесс. Великий Архитектор Вселенной (т.е. Бог) благословил работу. Труд благороден, но не должен превратиться в наемное рабство, а существование монополий и чрезмерное накопление богатства – безусловное зло. Подобные идеи нашли отражение в секретных ритуалах Ордена, изначально созданного во многом по образцу масонского союза. Эмблема Ордена была сложным изображением, включавшим в себя равносторонний треугольник внутри круга, а также различные символы оккультно-мистических организаций, к которым принадлежал «отец-основатель» «Рыцарей Труда» [6, p. 25].

Первичной организацией «Рыцарей Труда» являлась относительно самостоятельная локальная (местная) ассамблея (Local Assembly, L.A.). Данные группы находились в подчинении окружных ассамблей (Distrikt Assemblies, D.A.), которые с 1873 г. начали создаваться в Филадельфии (штат Пенсильвания). Ассамблеям присваивались номера, что было характерно и для масонских лож. Они также часто носили имя популярного американского радикального политэконома, политического деятеля и публициста - левого либертарианца Генри Джорджа (1839-1897), который был тесно связан с «Рыцарями Труда». Часть женских собраний получала поэтико-мистические названия. В 1874 г. была создана первая локальная ассамблея вне Филадельфии – в штате Нью-Йорк. В 1874 г. также была учреждена первая окружная ассамблея вне Филадельфии – в г. Кэмден (штат Нью-Джерси), пригороде Филадельфии. Местные ассамблеи создавались по профессиональному (Trade Assemblies), национальному, расовому, географическому признакам, по признаку пола и другим принципам. Более 5-ти локальных ассамблей объединялись в окружную организацию и избирали в ее руководство по одному представителю от 100 членов. Ежегодно собиралась генеральная ассамблея (General Assembly), которое разрешало создавать ячейки на местах, направляло координаторов в рабочие союзы, занималось обсуждением политической и социально-экономической программы, принимало решения по текущим вопросам, связанным с деятельностью Ордена, а также могло изменить его устав (конституцию) (для этого требовалось 2/3 голосов собрания).

К 1878 г. в Ордене насчитывалось около 5 тыс. членов – как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих: портных, шахтеров, машинистов, плотников и др. 1–4 января 1878 г. состоялась первая генеральная ассамблея профсоюза в г. Рединг (Пенсильвания), на которой были приняты программа и устав («Конституции» и «Правила») организации. Ее руководство состояло из Великого Мастера Рабочего (им являлся Стивенс), Великого Достойного Мастера, Великого Секретаря, Великого Помощника Секретаря и Исполнительного Совета [6, р. 27]. Великий Мастер имел большие полномочия по руководству рабочей организацией. Ему помогали бюро, состоявшее из 12-ти секретарей, и наблюдательный комитет, контролировавший финансы профсоюза и следивший за соблюдением его органами и членами устава. Профсоюз выпускал собственное периодическое издание в Чикаго: сначала это был «Журнал объединенного труда» («The Journal of United Labor», 1880-1889), затем – «Журнал Рыцарей Труда» («The Journal of the Knights of Labor», 1889-1917).

3 января 1878 г. генеральная ассамблея приняла в форме «вводной части» или «декларации» программу и устав. Главной целью деятельности организации провозглашалось создание условий для участия рабочего класса в справедливом распределении благ и получении их надлежащей доли трудящимися. Необходимо было создать нормальные условия труда и достойный уровень жизни для всех членов профсоюза. Для этого необходимо было осуществить законодательным путем ряд мер: 1) создание органов, регулирующих трудовые отношения; 2) принятие мер на предприятиях в сфере охраны жизни и здоровья трудящихся; 3) страхование жизни и здоровья рабочих; 4) запрещение труда детей младше 15-ти лет; 5) введение 8-ти часового рабочего дня; 6) еженедельная выдача заработной платы наличными деньгами, а не их заменителями (чеками, особыми кредитными билетами, токенами, бонами или жетонами); 7) запрещение бизнесменам использовать несвободный труд заключенных; 8) запрещение контрактов с предпринимателями на проведение общественных работ; 9) прекращение передачи на Западе железнодорожным компаниям и спекулянтам «общественных земель», которые должны сохраняться за «действительными поселенцами», т.е. фермерами; 10) повышенное налогообложение «общественных земель», которые были уже переданы железнодорожным компаниям и спекулянтам; 11) национализация (выкуп государством у бизнеса) всех телеграфных, телефонных и железнодорожных компаний; 12) создание почтово-сберегательных касс

(сберкассы при почтовых отделениях); 13) введение прогрессивного подоходного налога; 14) запрет ввоза законтрактованной иностранной рабочей силы; 15) фактическая ликвидация частных банков и кредитных обществ; 16) повышение заработной платы рабочих; 17) установление равной оплаты труда для мужчин и женщин; 18) юридическое признание государством профсоюзов; 19) создание рабочими сети производственных и потребительских кооперативов и постепенная замена кооперативным строем системы эксплуатации наемного труда [6, 28–29].

Профсоюз пытался достичь заявленных целей, вовлекая в свои ряды как можно большего количества рабочих, убеждая собственников промышленных предприятий добровольно или с помощью третейского суда удовлетворить требования рабочих, поддерживая на выборах кандидатов, стремившихся продвигать программные установки Ордена. Профсоюз также поддерживал разного рода стачки, забастовки и бойкот предпринимателей и их предприятий [1].

В 1878 г. «Благородный Орден Рыцарей Труда» перестал являться тайной организацией и был официально легализован в правовом поле. Некоторые его члены поддерживали Партию гринбекеров (Greenback Party), выражавшую интересы фермеров и рабочих, существовавшую в 1874–1889 гг. Стивенс стал одним из инициаторов переименования Партии гринбекеров в конце 1870-х гг. в Гринбекерско-рабочую партию или Трудовую партию гринбекеров (Greenback-Labor Party). Партию, которая впоследствии вступила в политический союз с социалистами, переименовали с целью завоевания большей популярности среди широких масс. Стивенс пытался баллотироваться от гринбекеров в палату представителей Конгресса США на выборах в 1878 г., но неудачно (партия гринбекеров в то время получила 21 депутатский мандат, превратившись во влиятельную политическую силу федерального уровня). Стивенс был умеренным профсоюзным лидером, настаивал на сохранении секретности организации и проведении тайных ритуалов, содействии личностному и профессиональному росту членов Ордена, а также стремился к максимальному увеличению численности его членов и сторонников в стране. Он выступал против забастовок и других акций протеста на предприятиях, чем вызывал раздражение со стороны радикалов, которых было много среди рядовых членов. В 1879 г. Стивенс из-за разногласий внутри организации покинул пост руководителя профсоюза. Он умер в феврале 1882 г. Новым Генеральным Мастером Рабочим Ордена стал Тиренс Винсент Паудерли (1849–1924), занимавший эту должность до ноября 1893 г. Третьим Генеральным Мастером был Джеймс Ричард Соверен (1854–1928) (ноябрь 1893 г. – ноябрь 1897 г.) [2].

После прекращения состояния секретности в 1878 г. численность членов Ордена быстро росла: за 4–5 лет с 1880 г. количество его участников достигло 100 тыс. чел., а за 6 лет – почти 800 тыс. чел. В 1879 г. насчитывались 23 окружные ассамблеи и 1,3 тыс. локальных собраний. В 1880 г. в рядах союза насчитывалось 28 тыс. чел., в 1883 г. – 52 тыс. чел., в 1884 г. – 71 тыс. чел., в 1885 г. – 111 тыс. чел. В начале 1886 г. численность «Рыцарей Труда» достигла 200 тыс. чел. По состоянию на 1 июля 1886 г. профсоюз объединил в своих рядах 752 430 чел., что составляло по некоторым оценкам около 20% всех американских рабочих, занятых в промышленности.

Орден стал набирать популярность не только в Америке, но и в мире. Его первичные организации (ассамблеи) возникли в других государствах. В основном это были, конечно, страны англосферы, но не только. «Рыцари Труда» появлялись в Канаде, Великобритании (Англии, Шотландии, Уэльсе), Ирландии, Франции, Бельгии, Италии, Австралии, Южной Африке, Новой Зеландии [5, р. 13].

Для «Рыцарей Труда» было характерно противоречивое отношение к расам и нациям. Организация находилась на антирасистских позициях, но допускала расовую сегрегацию в своих ячейках в южных штатах. «Орден Рыцарей Труда» организовал крупнейшую в истории США забастовку рабочих, занятых на уборке сахарного тростника, в Луизиане в ноябре 1887

г. Но она была подавлена штрейкбрехерами, убившими до 50 рабочих-афроамериканцев во время «резни в г. Тибодо». После этих событий вплоть до 1940-х гг. прекратило существовать какое-либо организованное рабочее движение в данной отрасли сельского хозяйства. В то же время, профсоюз отличали антиазиатские (антикитайские) настроения, что свидетельствовало об ограниченности и непоследовательности их антирасистской платформы.

«Рыцари Труда» заявляли, что не выступают против иммиграции в США. Но они поддерживали принятие расистских по своей природе нормативных правовых актов: Закона 1882 г. об исключении китайцев (The Chinese Exclusion Act), который запрещал любому жителю Китая въезд в страну, а также Закона 1885 г. о трудовом контракте с иностранцами (The 1885 Alien Contract Labor Law), направленный против рабочей силы из Азии. В сентябре 1885 г. «Рыцари Труда» устроили «бойню в Рок-Спрингс» (территория Вайоминг) – кровавый погром, жертвами которого стали не менее 28 рабочих-китайцев. Выходцы из Китая являлись штрейкбрехерами, которых наняла за более низкую оплату труда для работы на угольных шахтах компания «Union Pacific Coal Department». В ноябре 1885 г. «Рыцари Труда» изгнали из г. Такома (штат Вашингтон) китайских рабочих, строивших железную дорогу (выходцы из Китая составляли около 10% населения города).

Профсоюз активно играл большую роль в движении за 8-часовой рабочий день. Члены его первичных организаций на местах активно участвовали в крупных забастовках на всей территории США. Несмотря на то, что многие руководители «Рыцарей Труда» были против стачек (они поддерживали свою утопическую программу кооперативного строительства), напор масс был настолько велик, что Орден был вынужден возглавить в середине 1880-х гг. стачечное движение в стране. Для борьбы с профсоюзами и забастовщиками бизнесмены-работодатели применяли локауты и составляли «черные списки», в которые вносили фамилии профсоюзных активистов (в отношении которых действовал запрет приема на работу и другие санкции). «Орден Рыцарей Труда» участвовал в знаменитой забастовке в Чикаго (1–4 мая 1886 г.), закончившейся кровавыми событиями, – демонстрацией на площади Хеймаркет («Хеймаркетская бойня»). Пика своего развития «Орден Рыцарей Труда» достиг в 1886 г., но затем его влияние из-за внутренних разногласий резко пошло на спад. Часть его членов влилась в «Американскую федерацию труда».

Таким образом, «Орден Рыцарей Труда» является неотъемлемой частью истории американского рабочего класса. Рабочее движение возникло из необходимости защиты интересов наемных рабочих, которые сталкивались с вредными и опасными условиями труда, низкими зарплатами и отсутствием социальной защиты. Профсоюз представлял интересы наемных работников и боролся с переменным успехом за их права. Возникновение Ордена относится к концу 1860-х гг. Это было время, когда с окончанием Гражданской войны в Соединенных Штатах начался расцвет промышленности, увеличилась численность пролетариата. Среди американских рабочих стало проявляться стремление к созданию самостоятельных массовых общенациональных организаций. Несколько лет подпольной деятельности профсоюза принесли свои результаты, а переход на легальное положение способствовал его популяризации. «Орден Рыцарей Труда» вскоре стал ведущей профсоюзной силой в США. Он содействовал созданию более равноправных отношений между работодателями и работниками, а также способствовало борьбе за лучшие условия труда и более справедливое распределение богатства в обществе. Оказалась несостоятельной идея «Рыцарей Труда» по ликвидации капитализма с помощью кооперации, поскольку созданные ими кооперативы либо распались, либо трансформировались в обычные капиталистические предприятия. Деятельность Ордена сыграла большую роль для последующего развития профсоюзного движения и формирования системы социальных гарантий в Америке. Значимым является вклад профсоюза в борьбу за

социальную справедливость и права трудящихся. Создание «Ордена Рыцарей Труда» остается и в наши дни важной вехой в истории американского и международного рабочего и профсоюзного движения.

Библиографический список:

1. Орден рыцарей труда. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://stoneforest.ru/look/allabout/political/orden-rycarej-truda/>. – Date of access: 11.05.2024.
2. Руководители Рыцарей труда (1869-1949). [Electronic resource]. – Mode of access: <http://istprof.ru/2874.html?ysclid=lv5i58ug3b984457375>. – Date of access: 10.05.2024.
3. Knights of Labor Illustrated: «Adelphon Kruptos». The Full, Illustrated Ritual Including the «Unwritten Work» and an Historical Sketch of the Order. Chicago: E.A. Cook, 1886. – 56 p.
4. Lescohier D.D. The Knights of St. Crispin, 1867–1874; a study in the industrial causes of trade unionism. Madison, Wis.: University of Wisconsin, 1910. – 101 p.
5. Parfitt S. Constructing the Global History of the Knights of Labor // Labor: Studies in Working-Class History of the Americas. 2017. March. Vol. 14. № 1. P. 13–37.
6. Record of Proceedings of the General Assembly of the Knights of Labor, Held at Reading, Pennsylvania, January 1-4, 1878. Reading, Pa.: The Assembly, 1878. – 42 p.
7. Uriah S. Stevens. [Electronic resource]. – Mode of access: https://freemasonry.bcy.ca/biography/stevens_u/stevens_u.html. – Date of access: 12.05.2024.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

Приложение

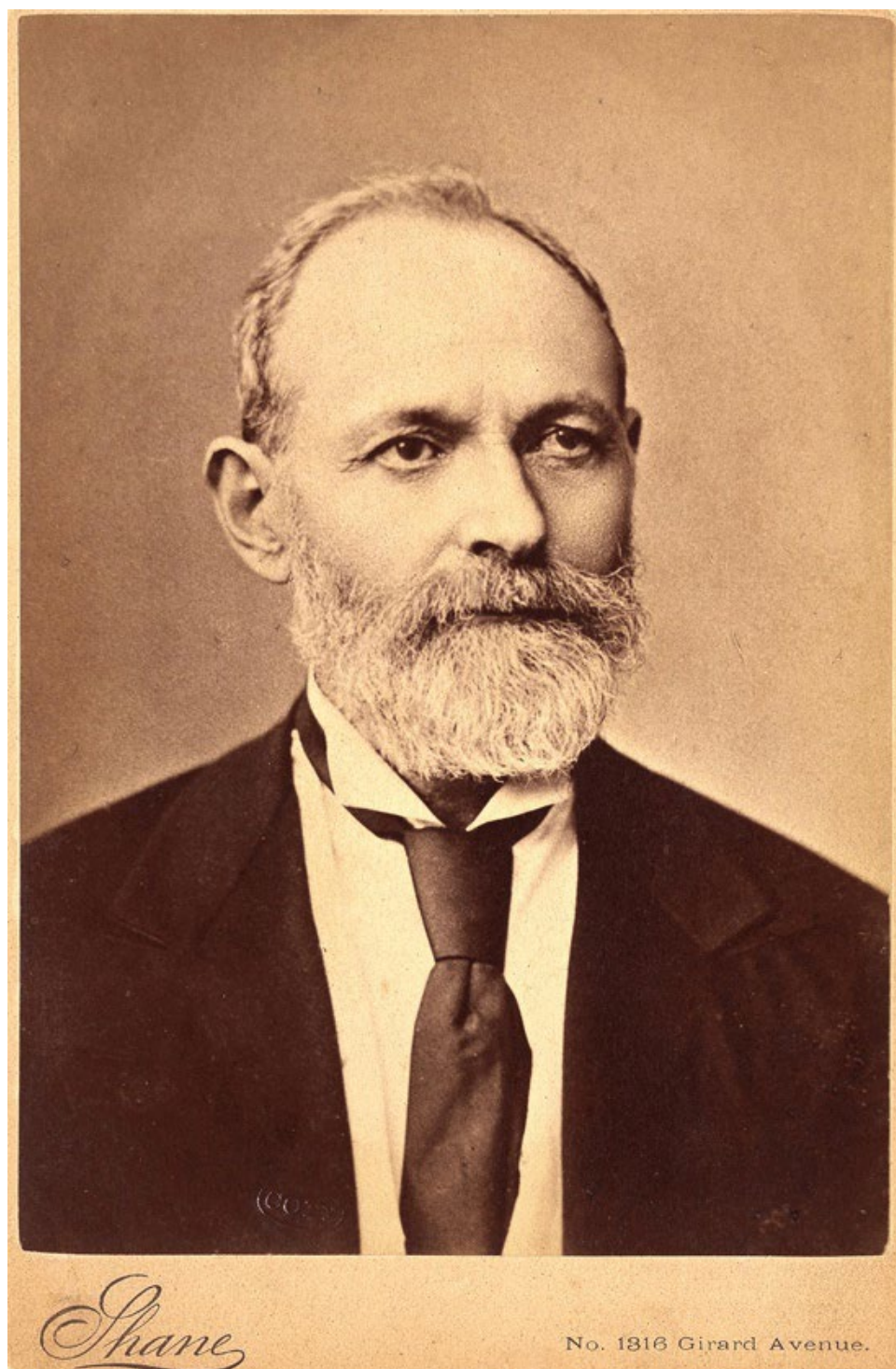

Рис. 1. Юрайя Стивенс, основатель «Ордена Рыцарей Труда», участник различных оккультно-мистических организаций, активист Партии гринбекеров в США. Фото. Источник: Uriah S. Stevens // URL:https://freemasonry.bcy.ca/biography/stevens_u/stevens_u.html

Рис. 2. Великая печать «Рыцарей Труда». Источник: The Great Seal of the Knights of Labor // URL: <https://www.are.na/block/7065928>

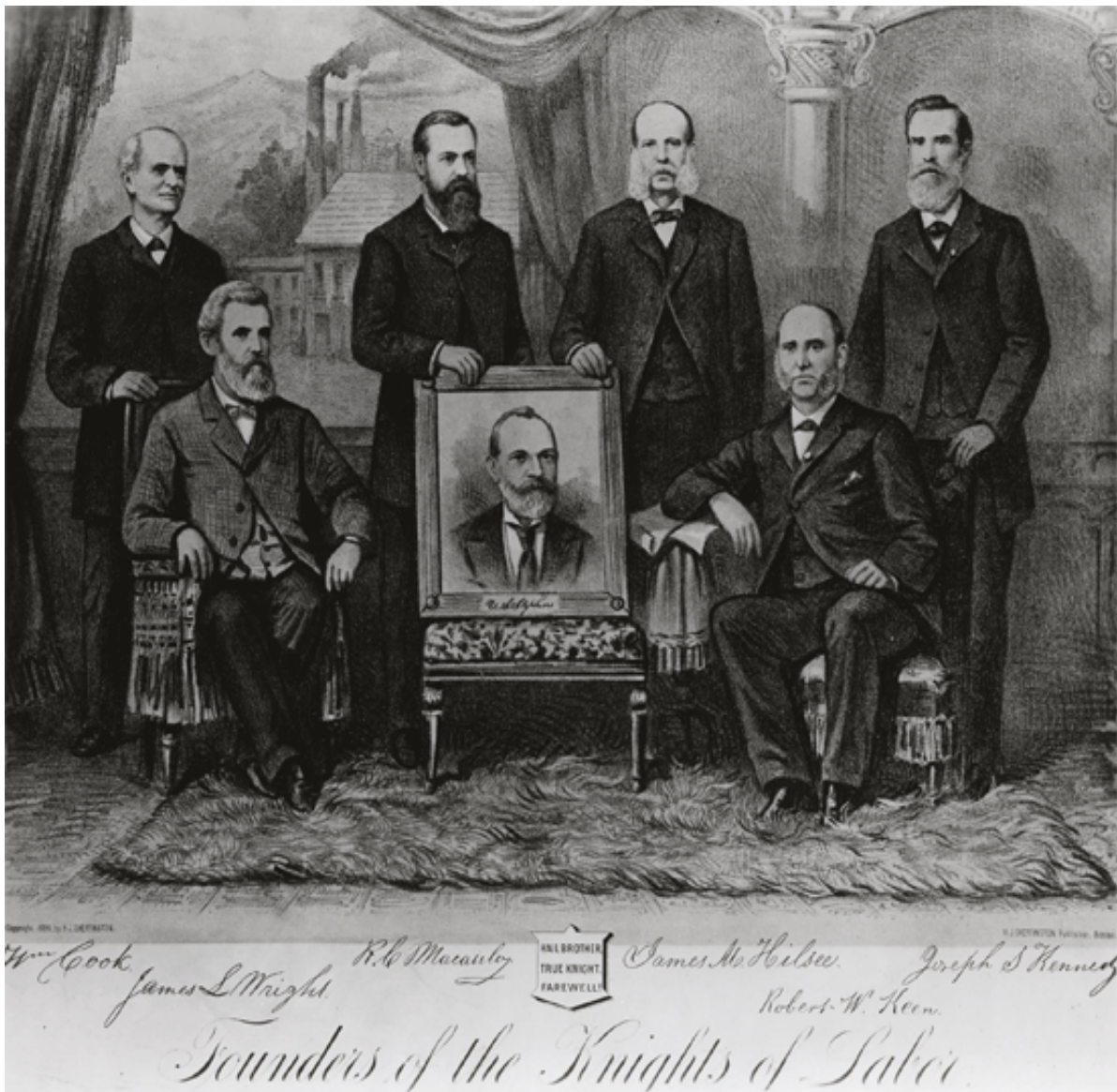

Рис. 3. Основатели «Ордена Рыцарей Труда». Фотогравюра. 1886 г. Изображены несколько основателей знаменитого профцентра. Слева направо: Уильям Кук, Джеймс С. Райт, Р.К. Маколи, Джеймс М. Хилси, Роберт В. Кин и Джозеф Кеннеди. В центре изображения – портрет в рамке Юрая Стивенса, основателя Ордена, умершего в 1882 г. Источник: The Founders of the Knights of Labor, 1886 <https://cuomeka.wrlc.org/exhibits/show/knights/item/18>

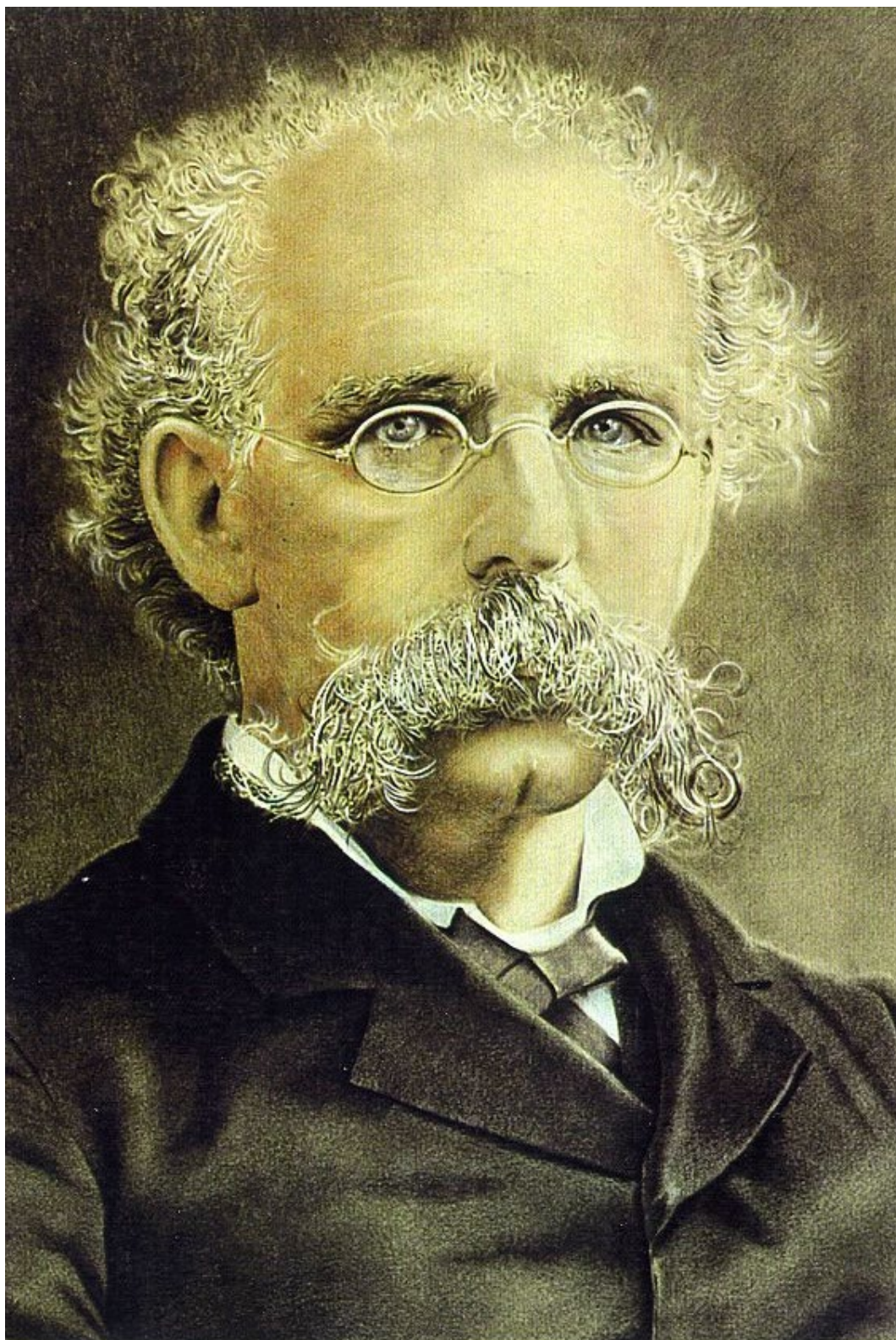

Рис. 4. Тиренс Винсент Паудерли (1849-1924). Второй Великий Магистр (Генеральный Мастер) Рабочий (General Master Workman) «Ордена Рыцарей Труда» (1879 г. – ноябрь 1893 г.). Источник: Руководители Рыцарей труда (1869-1949) // URL: <http://istprof.ru/2874.html?ysclid=lv5i58ug3b984457375>

Рис. 5. Джеймс Ричард Соверен (1854-1928). Третий Генеральный Мастер Рабочий (руководитель) «Ордена Рыцарей Труда» (ноябрь 1893 г. – ноябрь 1897 г.), один из руководителей радикальной политической партии популистов в США. Фото 1894 г. Источник: James Richard Sovereign (1854–1928) // URL: <https://encyclopediaofarkansas.net/entries/james-richard-sovereign-7907/>

СУДЬБЫ ИСТОРИКОВ

УДК 930.2

В.В. Ковеля

ПЕРЕПИСКА Н.Л. РУБИНШТЕЙНА И М.Н. ТИХОМИРОВА

Аннотация: Статья посвящена ярким представителям отечественной исторической науки первой половины – середины XX века Н.Л. Рубинштейну и М.Н. Тихомирову. Особое внимание сконцентрировано на характере взаимоотношений ученых в первой половине 1940-х годов, когда они были эвакуированы в разные города, вследствие чего утратили возможность близкого межличностного общения и были вынуждены обмениваться информацией друг с другом посредством писем. Статья имеет целью осветить содержание этих писем, что позволит открыть для широкого круга читателей не только новые биографические сведения о двух крупных ученых, но и покажет специфику их научной деятельности в период эвакуации.

Ключевые слова: М.Н. Тихомиров, Н.Л. Рубинштейн, переписка, источниковедение, историография

Kovelya V.V. Correspondence of N.L. Rubinstein and M.N. Tikhomirov

Abstract: The article is dedicated to the bright representatives of Russian historical science of the first half - mid-20th century N.L. Rubinstein and M.N. Tikhomirov. Particular attention is focused on the nature of the relationship between scientists in the first half of the 1940s, when they were evacuated to different cities, as a result of which they lost the possibility of close interpersonal communication and were forced to exchange information with each other through letters. The article aims to highlight the content of these letters, which will open up to a wide range of readers not only new biographical information about two major scientists, but also show the specifics of their scientific activities during the evacuation period.

Keywords: M.N. Tikhomirov, N.L. Rubinstein, correspondence, source study, historiography

В Архиве Российской Академии Наук (РАН), в личном фонде М.Н. Тихомирова, сохранились письма и телеграммы от Н.Л. Рубинштейна за период с 12 февраля 1942 г. по 22 марта 1954 г., в общей сложности 8 писем и 2 телеграммы[3]. Письма же от М.Н. Тихомирова содержатся в фонде Н.Л. Рубинштейна в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ) - 5 писем за 1942 г. [4]. Н.Л. Рубинштейн и М.Н. Тихомиров являлись знаковыми фигурами в отечественной исторической науке, внесшими большой вклад в ее развитие, ввиду чего переписка этих двух историков представляет значительный интерес.

Первый обзор этого комплекса источников дал С.О. Шмидт в статье, посвященной жизни и творчеству Н.Л. Рубинштейна [6]. Автор использовал их с целью показать крепкую дружбу, существовавшую между двумя учеными в 1930-40-е гг. Также С.О. Шмидт обозначил основные темы переписки, проиллюстрировал их яркими цитатами. Однако детального анализа каждого письма ученый не произвел, так как это не являлось предметом его исследования. Таким образом, имеет смысл представить и проанализировать переписку Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова более полно.

Дружба двух ученых началась в 1930-е гг., когда они оба преподавали в Московском государственном университете и Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ). М.Н. Тихомиров в 1934 г. устроился преподавать в МГУ, а Н.Л. Рубинштейн только переехал в столицу из Одессы. Оба были живо увлечены отечественной медиевистикой, ценили умение работать с источником, и, впоследствии, и один и другой серьезно занимались историей исторической науки. Таким образом, общих научных интересов было

предостаточно, и в то же время каждый из них находил друг в друге приятного собеседника. Не случайно спустя много лет М.Н. Тихомиров писал в мемуарах: «Весьма замечательную фигуру на кафедре представлял собой Николай Леонидович Рубинштейн. С ним в те годы мы очень дружили» [1, л. 25]. Подтверждения этой дружбы находим и в письмах ученого: «Я не виделся с Вами только несколько месяцев, а уже очень соскучился. За последние годы я очень привык к Вам, и Ваши встречи для меня всегда были дорогими, так хотелось бы повидаться и поговорить о многих делах» [4, л. 1об.]. Схожие слова есть и у Н.Л. Рубинштейна: «Вы же знаете, что наша симпатия и дружба взаимны. Приятно будет, когда снова окажемся вместе и сможем по-старому поговорить друг с другом» [3, л. 1].

Начало переписки пришлось на 1942 г. В то время ведущие столичные вузы страны вместе с преподавательскими составами и студентами были эвакуированы в незатронутые войной территории Поволжья и Средней Азии. Этой участи не избежали Н.Л. Рубинштейн и М.Н. Тихомиров, оказавшиеся - один в Саратове, а другой в Ашхабаде. Отсутствие возможности непосредственного общения заставило ученых взяться за перо.

Оба ученых вели обширную и регулярную переписку. Так, в одном из писем М.Н. Тихомирову Н.Л. Рубинштейн отмечал: «Вы едва ли поверите, какую большую корреспонденцию я сейчас веду: но Вы знаете, мне дороги друзья, и письма сейчас единственное средство общения с ними» [3, л. 1об.]. Просмотрев переписку М.Н. Тихомирова за тот же период, можно отметить ее столь же значительную обширность и оживленность. Среди адресантов историка были С.В. Бахрушин, находившийся в Ташкенте, В.И. Лебедев (первоначально живший в Ашхабаде, а затем вернувшийся в Москву), В. И. Пичета, С.О. Шмидт (в тот период аспирант М.Н. Тихомирова), С.В. Юшков и многие другие.

Письма каждого из ученых имеют специфику. У М.Н. Тихомирова они краткие, но при этом чрезвычайно информативные. Такая манера письма в целом была характерна и для его научных работ. Совершенно иные письма Н.Л. Рубинштейна. Они пространные, очень подробные; автор часто описывал личные чувства и переживания. Вероятно, в этом проявлялась та манера общения, которая была присуща Н.Л. Рубинштейну. М.Н. Тихомиров вспоминал о ней в своих мемуарах: «Николай Леонидович очень любил со мной беседовать, но говорить с ним иногда было трудновато, так как он заводил длинный разговор на темы философского порядка, с которыми я был часто и совершенно не согласен» [1, л. 26-27].

Первое письмо принадлежит перу М.Н. Тихомирова и датируется 23 января 1942 г. Поводом к его написанию явилось известие о смерти матери Н.Л. Рубинштейна. М.Н. Тихомиров, вероятно, часто бывал у них в гостях и хорошо знал мать товарища. Поэтому не случайно, что он, тяжело перенесший смерть матери в 1917 г. и младшего брата в 1939 г., поспешил поддержать друга: «Я знаю по себе, как тяжело пережить потерю близких людей и даже от того, чтобы беречь незаживающие раны. Но Вы не посетуйте на меня за выражение Вам глубокой и искренней моей печали. Я редко встречал такого доброго, сердечного и умного человека, каким была Ваша покойная мать» [4, л. 1об.].

М.Н. Тихомиров попал в Ашхабад в качестве сотрудника МГУ и МИФЛИ. Вместе с ним сюда попали некоторые его коллеги: К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз, В. Ю. Лебедев, Г.А. Новицкий и другие. Однако многие из тех, с кем у историка были общие научные интересы, оказались либо в Ташкенте, как С.В. Бахрушин, либо в Алма-Ате, как А.М. Панкратова. М.Н. Тихомиров оказался в своеобразной изоляции, рядом не оказалось людей, близких ему по интересам. Так он писал: «...Очень много профессуры, у меня бывают очень часто, но далеко не все интересны» [4, л. 1об.]. Также отмечал М.Н. Тихомиров «средние» условия жизни, усугубляемые склоками из-за слияния МГУ и МИФЛИ. Дразгам из-за объединения вузов историк не

придавал особого значения, называл их «суетой». Свое спасение от нее он видел в работе, о чем и писал: «Я от суеты, от мира отложился и начал опять работать» [4, л. 1 об.].

Ответ Н.Л. Рубинштейна на письмо М.Н. Тихомирова датируется 12 февраля. Он благодарил друга за поддержку в трудной жизненной ситуации, отягощенной еще и тем, что ему была неизвестна судьба других родственников: «Родные все сейчас раскиданы во все концы. Не говорю уже о моей тёте и двоюродном брате, которые застряли в Одессе, — это горе одна из причин смерти матери и очень мучает меня. Не могу не волноваться о братьях, находящихся в Ленинграде, о состоянии их здоровья» [3, л. 1]. Единственное спасение от этих мыслей историк видел в работе, в которую ушел с головой. Примечательно, что в этот период Н.Л. Рубинштейн разрабатывал собственный курс источниковедения, ввиду чего ему было крайне интересно узнать мнение М.Н. Тихомирова по этому поводу как одного из крупных специалистов в этой области.

В это время сложная военная обстановка требовала от ученых работы, направленной на укрепление патриотизма среди населения, в связи с чем происходила реабилитация героев прошлого. Н.Л. Рубинштейн в этой ситуации не остался в стороне: «Написал сейчас работу о Суворове - примерно 2 листа. В основе научный заказ, который я здесь сделал и который очень понравился. А теперь работаю по борьбе с интервенцией и генезисом ополчения начала XVII в.» [3, л. 1об.].

М.Н. Тихомиров ответил 22 марта. В своем письме он постарался более подробно обрисовать картину жизни в Ашхабаде, о чем его просил Н.Л. Рубинштейн. Условия жизни эвакуированных историков стремительно ухудшились, многие оказались неспособны это пережить. «Смерти преследуют нас: из приехавших умерло уже 20 человек» [4, л. 6]. Среди умерших оказалась Евгения Леонидовна, супруга историка К.В. Базилевича. Церемония ее похорон оставила крайне тяжелое впечатление у М.Н. Тихомирова. «Я никогда не был близок к Константину Васильевичу, но его неподдельное горе было так трогательно, а чужое кладбище без зелени и множеством могил так печально, что невольно хотелось плакать» [4, л. 6].

Отдельно автор письма остановился на процессе работы университета. Он отмечал, что «вся недосчетливость нашего перевода в Ашхабад становится явной теперь, хотя об этом многие говорили и раньше. Мы живем в пограничном городе и раздуть здесь деятельность весьма трудно и малоцелесообразно, потому что мы, по-моему, не на месте» [4, л. 6об.]. Ввиду чего историк так же, как и его коллега, ушел по мере возможности в научную деятельность. Ученый устроился в местный архив, тогда же он начал работу над будущей монографией «Древнерусские города», помимо этого готовил статью об Александре Невском к 700-летию со дня Ледового побоища.

В заключительной части письма М.Н. Тихомиров писал о своем самочувствии: «Чувствую я себя здесь физически не очень ладно, главная причина недомогания – громадные расстояния и однообразное питание: отсутствие картофеля, капусты и огурцов» [4, л. 7]. Явно проступает тоска человека, вырванного из привычной обстановки: «Кроме того, здесь нет и того, что мы могли бы назвать природой, хотя и возвышаются вблизи горы. С одной стороны, - голая пустыня, с другой холмы без деревьев и кустов. И до всего этого надо идти, по крайней мере, час ходьбы, идти улицами однообразными, как витрины парикмахеров, мимо белых глиняных домов и бесконечных нескончаемых заборов» [4, л. 7-7об.]. В этих словах как нельзя лучше раскрывается любовь М.Н. Тихомирова к родной ему природе центральной части России.

Следующее письмо Н.Л. Рубинштейн написал 10 апреля 1942 г. Он по-прежнему был отягощен переживаниями за родных и близких, о судьбах которых мало что известно. Особенно тревожило его положение братьев в блокадном Ленинграде, один из которых «в феврале

хворал общей болезнью - дистрофией, с 1 марта должен был поступить для отправки в стационар» [3, л. 2]. Это была последняя весть о них, полученная Н.Л. Рубинштейном, и новыми сведениями он не располагал, а то, что они в марте не были эвакуированы из города вместе со своими институтами, еще больше беспокоило его.

В то же время в Саратов был переведен «сильно поредевший в своем составе Ленинградский университет» [3, л. 2]. Это оживило научную работу здесь, и Н.Л. Рубинштейн оказался вовлечен в нее: «Помимо бывшей лекционной работы по двум институтам, 3 аспирантам, обширной общественной лекционной работы, - умудрился немного поработать научно. Сделал несколько научных докладов. Сдал в печать брошюру о полководческом искусстве Суворова» [3, л. 3об.]. При этом бытовые условия в Саратове оставляли желать лучшего: «Что касается жизни в Саратове, то надо сказать, что в бытовом отношении, она тоже весьма нелегка, м[ожет] б[ыть], сложнее Вашего, трудностей много. Но я к этому притерпелся, вернее стараюсь на этом не останавливаться» [3, л. 3 об.].

Значительная часть письма посвящена ответу на послание М.Н. Тихомирова. Н.Л. Рубинштейн был также потрясен смертью жены К.В. Базилевича, которая запомнилась ему как «милый, приветливый, благожелательный к людям человек, о котором у меня осталось самое теплое воспоминание» [3, л. 2об.]. Не меньше Н.Л. Рубинштейна опечалило недомогание М.Н. Тихомирова и его уныние, вызванное оторванностью от родных мест и близких людей: «Признаюсь, мне часто издалека казалось, что вот хорошо товарищам в Ашхабаде, что они оказались все вместе, такой большой “семьей”. Но вот, читая Ваше письмо, я именно этого не почувствовал, - и стало грустно. Грустно и за Вас - пожалел, что Вы не очутились как-нибудь здесь со мной» [3, л. 2 об.]. Не меньшие волнения у историка вызывали судьбы других коллег и знакомых в Ашхабаде: Б.Б. Кафенгауза, о котором он «ничего не знает», Г.А. Новицкого, от которого «давно не имеет писем» и других.

30 апреля М.Н. Тихомиров написал очередное письмо Н.Л. Рубинштейну. Автор по-прежнему ощущал себя не на своем месте, что сказывалось на его расположении духа: «Всего лет 10 назад я был постоянно веселым человеком. Теперь я тоже могу шутить и развлекать, но сам развлекаюсь очень мало. И не то, что я нахожусь в подавленном состоянии, нет, но я хорошо знаю, что мои вкусы к рукописям, источникам, архивам стоят как-то одиноко» [4, л. 11]. Не особо располагало к веселью и состояние коллектива. М.Н. Тихомиров отмечал: «Конечно, мы узнали друг друга гораздо лучше, и это большой плюс в работе, но долгие годы суеты отразились на людях» [4, л. 11]. И это влияние, по мнению ученого, далеко не всегда было благоприятное.

Историк продолжал работу в местном архиве и получал от этого искреннее удовольствие: «Эти пыльные бумаги как-то прямо переносят в другой мир и часы работы в архиве стали для меня опять истинным наслаждением, точно мне 20 лет, когда я разбирал псковские материалы» [4, л. 11об.]. Но, не смотря на все это, он остро испытывал нехватку литературы и древних рукописей. «За последнее время я начал сомневаться в том, что Москва является основой для всех мечтаний. Вот одно только, рукописные собрания, а без них жить скучно» [4, л. 11об.]. В то же время начали ходить слухи о готовившемся переезде, пока что местом назначения предполагался Куйбышев (в настоящее время Самара). Завершил свое послание М.Н. Тихомиров очень проникновенными словами, еще раз подчеркивающими дружбу между двумя историками: «Я не так часто схожусь с людьми и еще менее просто забываю о них, не забывайте только и Вы обо мне» [4, л. 11об.].

8 мая М.Н. Тихомиров получил небольшую почтовую карточку от Н.Л. Рубинштейна, в которой тот в очень сжатой форме, непривычной для него, изложил последние новости своей жизни. По-прежнему, оставалась неизвестной судьба второго брата, покинувшего с семьей

Ленинград. Зато Н.Л. Рубинштейн получил известие о том, что в конце марта в Москве издали его книгу - «Русскую историографию». Единственной радостью оставался приезд ленинградских друзей, особенно «старого товарища» О.Л. Вайштейна. В конце письма историк подчеркивал, что не перестает надеяться на скорое возвращение в Москву.

21 мая Н.Л. Рубинштейн написал уже более обстоятельное письмо М.Н. Тихомирову. Историк надеялся пробудить у друга «некоторую бодрость, известную душевную энергию», причину же отсутствия таковых он видел в том, что «коллектив-то у Вас есть, но друзей среди них, по-видимому, не оказалось, и создалось какое-то чувство одиночества, при этом не только в ваших вкусах к архивам и рукописям» [3, л. 5]. Также Н.Л. Рубинштейн интересовался положением дел у К.В. Базилевича, Б.Б. Кафенгауза, Г.А. Новицкого. Судьба последнего особенно вызывала у историка беспокойство: «Ко всему другому еще его склонность увлекаться каждый раз какими-то новыми вопросами. Вот и сейчас он занялся изучением арабского языка. Я уже корил его за это в письме и уговаривал его не забрасывать своей диссертационной работы. Но получилось ли что-нибудь из этого!» [3, л. 5].

К этому времени проявилась судьба братьев Н.Л. Рубинштейна, находившихся в Ленинграде. В марте они все-таки были эвакуированы на Северный Кавказ, и опасность для их жизни миновала.

Далее историк рассказал о вновь прибывших в Саратов коллегах из Ленинграда и взаимоотношениях с ними, тем самым отчасти продублировал послание от 8 мая. Н.Л. Рубинштейн отмечал дружественные отношения и с некоторыми московскими знакомыми по МГУ и МИФЛИ, в частности с Г.М. Дерепковским, с которым он «особенно сдружился» [3, л. 5об.].

С конца мая 1942 г. наступил значительный перерыв в переписке между историками, продолжавшийся вплоть до декабря того же года. По крайней мере, письма за этот период не сохранились.

В конце июня М.Н. Тихомиров был переведен вместе с университетом из Ашхабада в Свердловск. Именно здесь он написал два последних послания Н.Л. Рубинштейну. Первое из них представляет собой краткое сообщение на листе плотной бумаги, размерами не превосходящем почтовую карточку. Письмо не датировано, но, исходя из содержания послания, можно установить приблизительные временные рамки его создания.

Из первых же строк узнаем, что М.Н. Тихомиров в тот день получил письмо от В.И. Лебедева. Именно послание старого товарища заставило Михаила Николаевича взяться за перо. В течение второй половины 1942 г. В.И. Лебедев написал два послания М.Н. Тихомирову и оба в ноябре: первое - от 13-го числа, второе - от 28-го. Чтобы определить о каком из посланий писал М.Н. Тихомиров, обратимся к содержанию его письма: «Он [Лебедев] щедро обещает мне покровительство, коего я у него не просил и в коем не нуждаюсь. Не понимаю, зачем его нужно посылать на 1-1 ½ месяца в Свердловск. Общий курс будет читать Кафенгауз (с Петра I), а организаторскими способностями Вл[адимир] Ив[анович] известен» [4, л. 3]. Подобные по содержанию предложения находим во втором письме В.И. Лебедева: «У меня сейчас много работы, но я дал согласие С.Д. Сказкину, что если имеется потребность, то я с удовольствием поеду в командировку (1-1 ½ м) в Свердловск для прочтения спец. курса или ист[ории] СССР XVIII в. в общ[ем] курсе. Это даст Вам возможность в это время выехать в Москву. Словом я готов сделать для Вас все желаемое» [2, л. 4об.]. Такое сопоставление позволяет нам утверждать, что письмо М.Н. Тихомирова было написано не ранее 28-го ноября 1942 г.

Эта приблизительная датировка дает нам возможность сопоставить ее с почтовыми штемпелями на одном из конвертов, сохранившихся в материалах дела [4, л. 2]. Дата на конверте указывает на то, что письмо покинуло Свердловск 2 декабря 1942 г. Сопоставив данные

почтового штемпеля и время создания письма Лебедева, можно сделать вывод, что письмо М.Н. Тихомирова было написано не ранее 28-го ноября и не позднее 2-го декабря 1942 г.

Все несколько строк этого письма проникнуты негодованием автора в адрес В.И. Лебедева. М.Н. Тихомиров не разъяснил, почему так резко изменилось его отношение к этому человеку, хотя в Ашхабаде они долгое время были вместе и тесно общались. Теперь же он оценил письмо недавнего товарища по эвакуации так: «Его письмо по мне образец лукавства и неискренности по отношению к товарищам» [4, л. 3]. В.И. Лебедев, вероятно, и сам не в полной мере понимал, чем вызвал гнев М.Н. Тихомирова. Так, оба его ноябрьских письма содержат извинения и просьбу ответить на эти послания. В самом начале первого ноябрьского письма (от 13-го ноября) читаем: «Во имя наших дружеских отношений прошу написать мне. Может быть, я и виноват в чем-либо, но полагаю, что и Вы и другой кто-либо, поступили на моем месте так же» [2, л. 3]. По всей видимости, М.Н. Тихомиров оставался непреклонен, и во втором ноябрьском письме (от 28-го ноября) В.И. Лебедев писал: «Я до сих пор недоумеваю, почему Вы сохраняете молчание. Никакого зла я Вам не причинил...» [2, л. 4]. Но, как нам уже известно, это послание не только не примирило ученых, но и вызвало еще большее возмущение М.Н. Тихомирова.

К декабрю 1942 г. Н.Л. Рубинштейн уже был в столице, о жизни в которой он и поспешил сообщить М.Н. Тихомирову в письме от 6 декабря. Поводом к написанию этого послания послужила открытка, полученная Н.Л. Рубинштейном от М.Н. Тихомирова. Ее содержание остается неизвестным, но оно явно не обрадовало Н.Л. Рубинштейна: «Открытке Вашей был рад - факту ее получения, но не ее содержанию» [3, л. 6.]. Однако каких-либо других, более определенных сведений о содержании этого тихомировского послания Н.Л. Рубинштейн в своем письме не упомянул.

В Москве он восстановился на прежнее место службы в МГУ, хотя и здесь были свои неприятные моменты: «В работе меня несколько тяготит обилие административной работы. Ведь пришлось мне принять замдеканство по научной части и аспирантуре. Затем нагроулили мне временно заведование кафедрой музееведения, а я, как Вы знаете, не умею быть пассивным... Наконец, я снова заместитель [И.И.] Минца на кафедре и прежде всего хочу внести большую организованность в научную и аспирантскую работу» [3, л. 6].

Постепенно начала приходить в норму и повседневная жизнь: «Живу сейчас со своими. Кроме службы сейчас мало где бываю. Впрочем, вчера выбрался в Третьяковку на выставку картин Великой Отечественной войны. Есть интересные вещи, и я не пожалел, что пошел» [3, л. 7]. В конце письма историк высказал надежду на то, что М.Н. Тихомиров в скором времени приедет в командировку в Москву, «подобно большинству “свердловцев”» [3, л. 7].

7 декабря М.Н. Тихомиров написал ответ на телеграмму Н.Л. Рубинштейна, текст которой не известен, но из слов Михаила Николаевича следует, что она касалась статьи о Ледовом побоище. Эта статья была сдана М.Н. Тихомировым в редакцию Исторического журнала, но так и не была напечатана, поэтому ученый надеялся, что Н.Л. Рубинштейн, находясь в Москве, сможет ускорить ее опубликование. Так, он писал: «Я был бы рад, если бы Вы у них (у редакции - прим. В.К.) справились, и целиком оставляю на Вашу волю, где ее печатать» [4, л. 4]. М.Н. Тихомиров сообщал, что хочет вернуться в Москву, и предполагал «поставить вопрос о командировке с 1 марта» [4, л. 4].

Его жизнь, по его же собственному мнению, стала после переезда из Ашхабада лучше: «Теперь в Свердловске жизнь стала для меня более легкой, так как я хожу на факультет только по делам и стою в стороне от тамошних дразг и глупостей» [4, л. 4-4об.]. Бытовые условия тоже оказались приемлемыми: «В комнатах тепло и не надо затемняться». Единственным недостатком оставалось то, что «с литературой совсем плохо: многих и многих книг просто нет»

[4, л. 4об.]. В целом свою жизнь в Свердловске историк охарактеризовал так: «Пишу, читаю лекции, хожу обедать и исполняю общественные функции» [4, л. 4].

В то же время историк продолжал работать над своим трудом о древнерусских городах, строил планы по чтению курсов лекций по источниковедению и палеографии в МГУ. Тем самым, заметно, что намечался своеобразный творческий подъем. Здесь же М.Н. Тихомиров сообщил, что еще в Ашхабаде купил книгу по русской историографии Н.Л. Рубинштейна, однако «отдал ее Б.Д. Грекову, заявившему, что этой книги в Ташкенте нет» [4, л. 4]. М.Н. Тихомиров не был полностью согласен со всеми положениями, выдвинутыми Н.Л. Рубинштейном, но при этом высоко оценил значение этого труда: «Книга уже вошла в науку при всей спорности отдельных вопросов» [4, л. 4].

Также историк писал об организации учебного процесса в МГУ, расквартированного в Свердловске. «На лекции пока ходят все наличные студенты первого курса», при этом «большинство студентов работает на оборонных заводах» [4, л. 4об.]. Это все, конечно, осложняло работу, но главное то, что не останавливало ее.

Важным событием были выступления на заседании кафедры приехавших из Москвы Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина и И.И. Минца. Если первых два докладчика вызвали приятное впечатление у М.Н. Тихомирова, то насчет И.И. Минца он написал следующее: «Опоздал ... [на] 1 ½ часа и держался как-то весьма странно, точно хотел сказать: я - Москва, Вы - кто вас знает, кто вы такие?» [4, л. 4об.].

16 декабря 1942 г. Н.Л. Рубинштейн написал ответное письмо М.Н. Тихомирову. Он был в Москве, но его оторванность от друзей сохранялась: «Сейчас в Москве мне особенно не хватает моих друзей: из основного небольшого круга моих ближайших друзей сейчас ведь никого в Москве нет. В этом отношении у меня сейчас даже в Саратове было куда больше друзей - довольно большой и хороший круг товарищей» [3, л. 8]. Поэтому Н.Л. Рубинштейн и ждал с таким нетерпением возвращения старого друга. Пока же единственным утешением для историка было то, что его семья была рядом с ним: «здесь у меня теперь братья, а затем я все-таки “дома”!» [3, л. 8].

Далее историк делился собственными впечатлениями о И.И. Минце, тем самым дополняя ту характеристику ученого, которую ранее в письме дал М.Н. Тихомиров. Н.Л. Рубинштейн признавал большое значение И.И. Минца как историка: «Вы знаете, что я его очень ценю, и это неизменно» [3, л. 8]. Однако он отмечал и те негативные черты, которые были присущи И.И. Минцу: «Он как-то еще больше замкнулся в своем кружке» [3, л. 8]. В словах Н.Л. Рубинштейна чувствуется некая, если не обида на И.И. Минца, то неудовлетворенность совместной работой с ним. «Надо сказать, что для моего устройства он в сущности ничего не сделал, хотя на словах всячески выражал радость по случаю моего приезда, наличия совместной работы, возобновления моего участия в руководстве кафедрой и т.д. Но при этом опер[ативная] работа оказалась по-прежнему на кафедре в руках [М.Г.]Седова, кот[орый] с ней явно не справлялся, и мое положение в этом отношении оказалось двусмысленным» [3, л. 8]. Обострялось такое положение еще и финансовым вопросом, так как первоначально Н.Л. Рубинштейн не имел даже полной ставки на кафедре. Не устраивало ученого еще и то, что все его стремления организовать научную работу разбивались о бездействие остальной кафедральной администрации. Так, например, он отмечал, что «научных заседаний - абсолютно нет» [3, л. 8об.]. И это волновало не только его: «На факультете этим очень недовольны, многие члены кафедры и аспиранты жалуются» [3, л. 8об.]. Принятые же Н.Л. Рубинштейном полномочия заместителя декана по научной части еще больше столкнули его с И.И. Минцем. Н.Л. Рубинштейн вспоминал очень показательную фразу коллеги, высказанную им в разговоре со С.Д. Сказкиным (в тот период деканом факультета) и отражавшую отношение И.И. Минца к

Николаю Леонидовичу: «Минц сострил, что меня приставили к нему в качестве комиссара» [3, л. 8 об.].

Вероятно, получив эмоциональное послание М.Н. Тихомирова о В.И. Лебедеве, Н.Л. Рубинштейн писал: «С ним тоже дело совсем странное» [3, л. 8 об.]. В.И. Лебедев вернулся в Москву, но, вероятно, не совсем законно, ввиду чего «по Ун[иверсите]ту у него осложнения: его как будто уволили приказом за самовольный отъезд из Свердловска» [3, л. 8 об.]. Однако Н.Л. Рубинштейн считал, что ждать его в Свердловске не стоит: «О его командировке в Свердловск, по-моему, речи нет. Сам он действительно как-то говорил об этом. Но, по-моему, это его план и связан он с необходимостью уладить в Университете некоторые свои личные дела. Вообще же, ему как человеку семейному, видно приходится сейчас несколько туго, и вид у него, по-моему, стал несколько растерянный, очень неуверенный, вид человека, выбитого из своих позиций» [3, л. 9].

В заключительной части письма Н.Л. Рубинштейн сообщал новости об общих знакомых, среди которых Г.А. Анпилов, находящийся в больнице ввиду ослабления зрения после гриппа, И.М. Разгон, у которого «могут быть свои недочеты по научной части, но чем больше я его наблюдаю, тем больше он мне нравится: по моему он хороший человек и прекрасный товарищ» [3, л. 9] и других.

Н.Л. Рубинштейн отправил М.Н. Тихомирову, а также С.В. Бахрушину и Ю.В. Готье, свою книгу «Русская историография». Примечательно то, что он решил не посылать ее Б.Д. Грекову: «А Грекову, признаюсь не послал: считаю, что его личное поведение в отношении меня за последние годы не давало для этого никаких оснований и к тому же он, не раз даже обращавшийся ко мне за моими оттисками, ни разу не счел нужным передать мне отски своих работ. Делать же это, только исходя из его официального положения, я не считаю нужным» [3, л. 9-9 об.]. Эта фраза весьма показательна, с одной стороны, тем, что характеризует личность историка, а с другой тем, что подчеркивает степень доверия между Н.Л. Рубинштейном и М.Н. Тихомировым, последний из которых также отличался отсутствием чинопочитания и поэтому хорошо понимал друга.

Рассмотрев переписку Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова за 1942 г., можно отметить, что в этот период оба историка были очень дружны, что обеспечивало большую степень откровенности в их посланиях друг другу. После возвращения М.Н. Тихомирова весной 1943 г. в Москву необходимость вести переписку пропала. Причиной, вынудившей Н.Л. Рубинштейна опять взяться за перо и писать М.Н. Тихомирову, был отъезд первого для лечения на Рижское взморье, в город Майори, летом 1947 г. Оттуда 30-го июля он и отправил свое послание с поздравлениями по случаю подготовки к изданию новой книги «Древняя Москва XII-XV вв.» [5] и обещаниями в августе вернуться в Москву [3, л. 10].

В дальнейшем жизненные пути Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова разошлись, и былая близость была утрачена. Причиной тому послужило обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» в конце 1940-х гг. Как потом в своих воспоминаниях написал М.Н. Тихомиров, книги - «ценной по своему материалу, но стоявшей на неверных позициях» [1, л. 26]. М.Н. Тихомиров не принимал активного участия в критике коллеги-историка, но ему пришлось написать статью об историографии XVIII в., в которой он высказал свое мнение о научных взглядах Н.Л. Рубинштейна. Затем об этой статье он написал в своих воспоминаниях: «Это было столь умеренно по сравнению со всеми другими выступлениями, что мне даже отчасти за эту статью попало» [1, л. 26]. Однако, отношения ученых охладились. С.О. Шмидт писал, что во время последней встречи с М.Н. Тихомировым летом 1965 г., он вспоминал «с сердечной теплотой» Н.Л. Рубинштейна, чувствуя определенную вину перед ним [6, с. 217].

После событий 1948 г. Н.Л. Рубинштейн ограничивался поздравительными телеграммами в адрес М.Н. Тихомирова (сохранились две: от 31.05.53 - поздравление с днем рождения и от 19.10.53 - поздравление в связи с избранием академиком) [3, л. 11-12]. Также в фонде историка сохранилось одно письмо от 22 марта 1954 г. [3, л. 13], которое по своему содержанию является сугубо официальным, что в полной мере показал в статье С.О. Шмидт [6, с. 217].

Итак, переписка Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова содержит ценный материал, который проливает свет на жизнь двух крупных представителей советской исторической науки. Большая степень взаимного доверия и обоюдная искренность авторов позволяет узнать не только об отдельных событиях их жизни, но и о тех мыслях, которые волновали их в тот период. В письмах отразилась научная работа обоих историков, их исследовательская кухня. Рассмотренные письма – это важные свидетельства о функционировании четырех учебных заведений страны в период эвакуации – МГУ, МИФЛИ, ЛГУ, Саратовского университета. Здесь же имеются сведения о других ученых-историках, отдельные упоминания об их личной жизни, пристрастиях и увлечениях, оценки их научной деятельности и частных поступков. Таким образом, этот комплекс источников представляет значительный интерес как для биографов обоих ученых, так и для исследователей истории отечественной исторической науки этого периода.

Библиографический список:

1. Воспоминания М.Н. Тихомирова. Ч.П. // АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11.
2. Письма Лебедева Владимира Ивановича (доктор исторических наук, профессор МГУ) к М.Н. Тихомирову // АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 334.
3. Письма Рубинштейна Николая Леонидовича (доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, старший научный сотрудник Института истории АН СССР) к М.Н. Тихомирову // Архив АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 524.
4. Письма М.Н. Тихомирова // НИОР РГБ. Ф. 521. Карт. 27. Ед. хр. 9.
5. Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII-XV вв. – М., 1947. – 224 с.
6. Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. – М., 1999. – С. 202-227.

Сведения об авторе:

Ковеля Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: kovelya@yandex.ru

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

УДК 94(73)"1861/1865"

В.В. Прилуцкий, Г.Ю. Симиохин

КРУПНЫЕ СРАЖЕНИЯ НА ИНДЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США (1861-1865 гг.)

Аннотация: Гражданская война в Америке (1861-1865 гг.) осталась самой кровопролитной в истории США. Потери были колоссальными как для Федеральных, так и для Конфедеративных войск. В статье характеризуются значимые сражения на Индейской территории в данный период. Этот регион обеспечивал важные маршруты сообщения и снабжения, а также представлял интерес в контексте военных действий на границе между Соединёнными Штатами и Конфедерацией.

Ключевые слова: Гражданская война в США, силы Союза и Конфедерации, Индейская территория, взаимоотношения с индейцами, роль Индейской территории в стратегии северян и южан, основные сражения на Индейской территории

Prilutskiy V.V., Simiokhin G. Y. Large structures on Indian territory during the American Civil War (1861-1865)

Abstract: The Civil War in America (1861-1865) remains the bloodiest in U.S. history, with colossal losses suffered by both the Federal and Confederate forces. This article characterizes significant battles on Indian Territory during this period. This region provided crucial communication and supply routes and held strategic importance in the context of military actions along the border between the United States and the Confederacy.

Keywords: Civil War in the United States, Union and Confederate forces, Indian Territory, relations with Native Americans, role of Indian Territory in the strategies of Northerners and Southerners, major battles on Indian Territory

Каждый, кто проявлял интерес к истории США, осведомлен о серьезном противоборстве между Севером и Югом. Однако многие даже не задумывались о том, что в этой борьбе участвовало коренное население Америки. Речь идет о племенах индейцев, которые обладали своими владениями (неорганизованная территория) между конфликтующими штатами.

Стоит обратить внимание на понятие «Индейская территория». Оно означает специально выделенные правительством Соединенных Штатов земли, предназначенные для проживания и использования коренными американскими народами. Предполагалось, что белые поселенцы не будут нарушать границы данной территории. Сама территория граничит с Канзасом и Колорадо на Севере, Миссури и Арканзасом на Востоке, Техасом и Новой Мексикой на Западе; на Юге отделяется от Техаса Красной рекой.

Общее число индейцев, проживавших там, по данным 8-й переписи населения 1860 г., составляло около 85 тыс. человек. Главным занятием их было земледелие. По свидетельству очевидца, швейцарского путешественника Р. Курца, посетившего Индейскую территорию в середине XIX в., «сельское хозяйство было основой, на которой зиждилось процветание индейцев». Выращивались зерновые (кукуруза), бобовые, картофель и технические культуры — хлопчатник, табак [1, с. 108].

Особой значимостью является то, что не все племена на территории Америки считались цивилизационными. «Пять цивилизованных племен» это термин, использовавшийся для обозначения пяти индейских народов, которые считались развитыми в глазах белых поселенцев и

правительства Соединенных Штатов. Таковыми являлись: чоктавы (choctaw), чикасо (chickasaw), крики (creek), семинолы (seminole), чероки (cherokee) [2, p. 4].

Именно эти племена были переселены на территории, которые впоследствии стали известными как Индейская территория (Indian Territory), с целью освобождения места для европейских поселенцев на восточном побережье Соединенных Штатов. Позже эта территория стала составной частью штата Оклахома.

Особого внимания заслуживает то, что с начала XIX века белые поселенцы на юге США претендовали на плодородные земли индейцев и требовали их выселения под разными предлогами. Поддерживая такую политику, Эндрю Джексон, после избрания на пост президента, подписал в 1830 г. «Закон о переселении индейцев». В законе сказано, «Будет принято Сенатом и Палатой представителей Соединенных Штатов Америки на собрании Конгресса, что для Президента Соединенных Штатов должно и может быть законным распоряжение определенной частью любой территории, принадлежащей Соединенным Штатам, к западу от реки Миссисипи, не включенная ни в один штат или организованную территорию и на которую индейские права были аннулированы, как он сочтет необходимым, должна быть разделена на соответствующее количество округов для приема таких племен или наций индейцев, которые могут пожелать обменять земли, на которых они сейчас проживают, и переселиться;...» [3].

Этот закон определил новые места для проживания индейцев. Пять цивилизованных племён, проживавших в тот момент на юго-востоке США, стали наиболее известными жертвами этого закона. Их переселение стало известно как "Дорога слёз". Во время переселения индейцы подвергались грабежам, насилию и убийствам со стороны белых американцев, особенно зверствовали протестантские поселенцы. Страницы настоящей истории молчат о тяготах данного перехода. Большинство чероки отказались переселяться и были вынуждены армией США переместиться в концлагеря. Их подвергли насильственной депортации, в результате чего потери составили не менее 20 % от общей численности. Некоторые семинолы сопротивлялись, ведя партизанскую войну во Флориде.

Перед началом военных действий среди индейских народов произошло разделение на две группы с явно выраженными социальными интересами: одни выступали за рабовладение, другие были его противниками. Верхушка племен, использовавшая рабский труд, была на стороне мятежников. Масса рядовых общинников поддерживала федеральное правительство. Помимо экономических связей с Югом, индейским симпатиям к Конфедерации способствовали и федеральные агенты по делам индейцев, которые жили в племенах с 1850 г. и в большинстве своём были южанами. Индейская территория имела важное стратегическое положение. Через эти земли проходили два маршрута (Техасская и Калифорнийская дороги), связывающие восточные штаты с Калифорнией и западными территориями.

Большинство вождей племен на Индейской территории присоединились к Конфедерации. В общей сложности не менее 7860 коренных американцев с Индейской территории участвовали в армии Конфедерации в качестве офицеров и рядовых. В начале войны на Индейской территории были подписаны договоры с Конфедерацией при поддержке меньшинства богатых индейцев-рабовладельцев внутри своих общин. Но это не было разделено единогласно: многие индейцы склонялись к прекращению рабства и выражали желание быть независимыми от США и их кровавого конфликта. Однако по ходу войны ситуация менялась. Три полка индейского ополчения были созданы для поддержки Союза и защиты уязвимых племенных общин от жестокой партизанской войны. Результат: индейцы сражаются с индейцами в войне белых.

В это время формировалась политическая группировка: "Лояльные" индейцы, возглавляемые вождём племени опотлеохоло, который был сторонником нейтралитета индейцев в конфликте между белыми. Отказавшись от союза с Конфедерацией, он вел тысячи

последователей из различных племен, а также беглых рабов и вольноотпущенников в изгнание в контролируемый Союзом Канзас, где правительство США обещало предоставить убежище [4].

С началом военных действий, официальные представители Конфедерации в Техасе и Арканзасе призвали индейские народы прекратить сотрудничество с федеральным правительством, после чего оба штата направили делегации в этот регион. Хотя многие индейцы были склонны к Югу, большинство предпочло остаться нейтральными и не разрывать отношения с Союзом. Однако, когда в мае 1861 г. федеральные войска были выведены из четырех фортов на Индейской территории, многие индейцы восприняли это как нарушение договоров, заключенных с США, и как отсутствие гарантий защиты от конфедератов. 25 мая чикасо объявили о расторжении договоров с федеральным правительством, а 10 июня чокто последовали их примеру.

Чтобы укрепить альянс с индейцами, правительство Конфедерации отправило своего эмиссара по делам индейцев Альберта Пайка для заключения союзных договоров с племенами. Договор предусматривал присоединение к Конфедеративным Штатам Америки, племена получали место в Конгрессе (правда без права голоса) и сохраняли свои права на землю. Также Конфедерация обещала индейцам защиту от федеральных войск и признавала рабство законным. Часть криков подписала договор 10 июля, чокто и чикасо — 12 июля, семинолы — 1 августа, чероки — 7 октября. Однако, мнения в трёх племенах (крики, семинолы, чероки) разделились, так как некоторые из вождей хотели остаться лояльными федеральному правительству. Одним из таких вождей был Опотле Яхола (Opothleyahola, Opothle Yohola), вождь верхних и нижних криков. К началу войны ему было уже за 80 лет. Опотле Яхола воевал за британцев в войне 1812 г., после чего поклялся в верности правительству США и не изменял данному слову. Он помнил к каким последствиям приводили выступления против федеральной власти и не хотел, чтобы его народ снова всё потерял. 5 августа лояльные Союзу крики объявили договор с Конфедерацией недействительным и Опотле Яхола со своими сторонниками удалился на свою плантацию в западной части территории криков, где начали собираться лояльно настроенные Союзу индейцы и беглые негры, в надежде остаться нейтральными в грядущем конфликте. Также вождь написал письмо Линкольну, в котором напомнил президенту о обещании защитить индейцев.

Опасаясь нападения племени криков в составе Севера, Конфедерация отправила отряд из 900 человек, во главе с Дугласом Купером, в погоню за "лоялистами". Техасские разведчики заметили дымы и обнаружили лагерь отставших индейцев, а также наткнулись на засаду у подножья Круглой горы. Увидев техасцев, крики обошли их с фланга. Этот манёвр удался, две роты Техасского полка вынуждены были отступить с боями. Купер прибыл на место и попытался атаковать, но из-за нескольких случаев "дружественного огня" пришлось отменить атаку. Индейцы подожгли прерию и отступили. Когда конфедераты атаковали лагерь на следующий день, обнаружили его пустым, захватив лишь продовольствие и немного скота.

Битва при Раунд-Маунтин была первой в кампании за контроль над Индейской территорией во время Гражданской войны в США, которая произошла 19 ноября 1861 г. Всего в бою конфедераты потеряли 11 человек: 6 убитыми (в том числе капитана), 4 ранеными и 1 пропавшим без вести. Опотле Яхола потерял 110 человек убитыми и ранеными, в основном это были отставшие женщины, старики и дети, воинов погибло мало.

Далее происходят небольшие стычки отрядов, в итоге индейцы Опотле Яхолы отступили на северо-запад, и Купер не стал их преследовать. У его солдат были на исходе боеприпасы и продовольствие, и после дезертирства чероки он был не уверен в остальных индейцах, поэтому Купер предпочёл отойти в форт Гибсон.

Полковниками был разработан план атаки Опотле Яхолы двумя колоннами. Отряд Купера (1,500 человек), усиленный прибывшими частями, должен был идти на северо-запад вдоль реки Арканзас, чтобы отрезать "лоялистам" путь в Канзас. Отряд МакИнтоша (1,380 человек) отправлялся на север по реке Вердигрис и должен был найти лагерь Опотле Яхолы. 25 декабря отряд МакИнтоша обнаружил отряды "лоялистов", но не стал преследовать их из-за опасений попасть в засаду. Он получил письмо от Купера, сообщающее о его задержке, и лишь небольшой отряд под командованием полковника Стэнда Уэйти был отправлен на помощь. МакИнтош решил атаковать противника самостоятельно на следующий день.

В результате недолгого сражения крики и семинолы Опотле Яхола были обращены в бегство, а лояльные Союзу индейцы окончательно вытеснены с Индейских территорий. Многие погибли от голода, холода и болезней по пути к Канзасу. Федеральные власти были не готовы к такому потоку беженцев, поэтому в лагерях не хватало теплых вещей и продовольствия.

Победившие конфедераты захватили 160 женщин и детей, 20 чернокожих, 30 повозок, 70 пар волов, около 500 индейских лошадей, несколько сотен голов крупного рогатого скота, 100 овец и большое количество припасов. Потери конфедератов составили 9 убитых и 40 раненых. Полковник Макинтош в своем официальном отчете оценил потери индейцев Союза в 250 человек [5].

Тем временем, командующий военным округом Канзаса бригадный генерал Джеймс Блант отчаянно пытался избавиться от тысяч голодающих индейцев, сосредоточенных в лагерях беженцев, и решил организовать экспедицию на Индейскую территорию, чтобы сопроводить беженцев в их дома и обеспечить их безопасность. Он решил отправить экспедицию под руководством полковника Уильяма Вира. Пока Вир готовился, федеральный отряд под командованием полковника Чарльза Даблдэя атаковал лагерь конфедератов у прерии Коускин. Даблдэй получил приказ от Вира отступить к Бакстер-Спрингс. После соединения сил у Бакстер-Спрингс, Вир двинулся на юг с двумя колоннами. Совершив ночной марш, на рассвете 3 июля два кавалерийских полка Вира (300 человек) неожиданно атаковали лагерь конфедератов, который был плохо укреплен и почти не охранялся. Миссурийцы не ожидали появления северян и в лагере началась паника. Большинство конфедератов не оказало никакого сопротивления и попыталось сбежать.

Вир устроил лагерь у ручья Флат-Рок в ожидании припасов, а затем отправил отряд кавалерии под командованием капитана Грино захватить столицу чероки. Они вошли в Талекуа и Парк-Хилл без сопротивления, после чего полковник Дрю и 200 чероки перешли на сторону Союза. Вир отправился на разведку к реке Арканзас, а передовой отряд под командованием майора Кэмбелла вытеснил конфедератов из форта Гибсон. Узнав о сосредоточении конфедератов на другом берегу реки Арканзас, Вир решил вернуться в лагерь. По мере уменьшения запасов провианта и нападений конфедератов на обозы, дисциплина в лагере начала падать [6]. Привычное пьянство Вира привело к мятежу среди других офицеров, возглавляемых полковником Фредериком Саломоном. Саломон арестовал Вира, принял на себя командование экспедицией и отправился обратно в Канзас, чтобы встретиться с поездами снабжения. Большинство индейских семей-юнионистов вынуждены были бежать на север, а чероки избрали Уэйти верховным вождем.

После мартовского поражения в сражении у Пи-Ридж конфедераты оставили штат Миссури и северо-запад Арканзаса. В конце лета 1862 года генерал-майор Томас Хиндмэн начал готовиться к вторжению в Миссури после того, как федеральные войска переместились на восток Арканзаса. К началу сентября бригадный генерал Альберт Пайк отказался от переброски сил и подал в отставку, а его место занял полковник Дуглас Купер. После встречи Хиндмэна

с командирами отрядов и назначения Джозефа Шелби командиром бригады, конфедераты под командованием Шелби устроили лагерь в районе Ньютонии. К середине сентября в лагере уже находилось 1,500 кавалеристов. Узнав об этом, бригадный генерал Эгберт Браун начал координировать действия с бригадным генералом Джеймсом Блантом и отправил из форта Скотт две бригады под общим командованием Саломона для вытеснения конфедератов. Узнав о приближении федеральных войск, Шелби запросил подкрепление, и 23 сентября полковник Купер направился к Ньютонии. Купер принял командование над объединёнными войсками, которые насчитывали около 4,000 человек, и отправился к Ньютонии с кавалерийским полком, батальоном чероки и артиллерийской батареей.

После объединения двух бригад 28 сентября Саломон запросил помощь у бригадного генерала Брауна и направил разведывательные отряды к Ньютонии, Неошо и Грэнби. Вскоре федералы захватили Грэнби, но столкнулись с конфедератами у Неошо. Подполковник Эдвард Линд столкнулся с небольшим вооруженным отрядом 31-го Техасского полка около Ньютонии и отступил после артиллерийского обстрела. Узнав о приближении федеральных войск, Купер отправился к Ньютонии с миссурийскими полками. Вскоре федералы начали наступление, но столкнулись с сильным сопротивлением и начали отступление. Колонна Саломона открыла артиллерийский огонь по городу, вынудив конфедератов отступить. Попытки федеральных индейцев контратаковать были отбиты, и федералы начали отступление к Саркокси. Конфедераты преследовали их, но после столкновения с бригадой миссурийского ополчения Купер решил отойти к городу.

Несмотря на победу, конфедераты не смогли удержать город. Блант отправил из Канзаса дополнительные войска, а из Спрингфилда подходила дивизия бригадного генерала Джеймса Тоттена, поэтому 4 октября конфедераты оставили Ньютонию и отошли в северный Арканзас.

Тем временем, 15 октября 1862 г. Купер с Индейской бригадой выступил на запад. Он остановился у заброшенного форта Уэйн, готовясь к рейду в Канзас, ожидая индейских подкреплений. Бригада состояла из индейцев чокто, чикасо и чероки. Присутствовали батальон криков и техасская артиллерийская батарея. Северяне узнали о разделении сил конфедератов и Блант решил атаковать Купера. Он вышел из лагеря и двигался на запад, стараясь сохранить скрытность. После ночного марша федералы наткнулись на конфедератов, но обнаружили, что с ними движется только часть войск. Блант вынудил спящих северян начать движение и сам двинулся вперёд. На рассвете они столкнулись с конфедератами, но бой разгорелся лишь после прибытия остальных частей. Федеральные войска преследовали конфедератов, пока не захватили их орудия и не заставили их отступить [7]. Это сражение ликвидировало угрозу вторжения конфедератов в южный Канзас, а также серьёзно подорвало престиж Конфедерации среди индейцев.

В конце июня 1863 г. Блант отправил из форта Скотт большой обоз с припасами в сопровождении федеральных войск. 24 июня обоз прибыл в Бакстер-Спрингс, где к нему присоединились войска под командованием Уильямса и Формана. Поскольку Уильямс был старший по званию, он принял командование над войсками и 25 июня выступил к форту Гибсон. Купер приказал Уэйти напасть на обоз. В распоряжении Уэйти было два полка криков и чероки, 5-й полк Техасских рейнджеров и 29-й Техасский кавалерийский полк. Бой начался 1 июля у ручья Кэбин, где укрепились солдаты Уэйти. Федеральный обоз подошёл к ручью, где вступил в перестрелку с конфедератами. Уильямс отложил переправу до следующего утра. Утром 2 июля началась атака. Кавалеристы 9-го Канзасского полка закрепились на другом берегу, и федералы атаковали, вытеснив конфедератов из окопов. Отряд Уэйти попытался перегруппироваться, но не выдержал удара и побежал. Федералы не преследовали их и обоз продолжил путь на юг. Отряд Кэбелла не смог помочь из-за разлившейся реки.

Попытки конфедератов в начале июля 1863 г. отрезать форт Гибсон от снабжения в Канзасе закончились неудачей и большой обоз северян прибыл в форт, тем самым укрепив главную федеральную базу под командованием полковника Уильяма Филлипса на Индейской территории.

Тогда же бригадный генерал Купер собрал войска у Хани-Спрингс, базе конфедератов на Техасской дороге. Он планировал использовать это место для атаки на форт Гибсон и выгнать федеральные войска. В лагере Купера собралось около 6,000 конфедератов к середине июля. Федеральный генерал Блант, узнав о приготовлениях Купера, решил атаковать его до прибытия бригады Кэбелла. Федеральные войска начали переправу через реку Арканзас и двинулись на Хани-Спрингс. В бою 17 июля обе стороны потеряли пушки из-за сильного ливня. Кавалерия федералов атаковала батарею, но после ранения полковника Уильямса отошла назад. По ошибке войска Индейского ополчения оказались между сражающимися, вызвав "дружественный огонь". Федералы отбили атаку техасцев и потеснили чероки, заставляя Купера начать отступление к Хани-Спрингс. Чтобы прикрыть отход своих войск, Купер задействовал последний резерв и удерживал мост. Федеральные войска, сильно уставшие и с недостатком боеприпасов, решили не преследовать Купера и начали отход в форт Гибсон, похоронив всех павших.

Поражение конфедератов и потеря базы снабжения (федералы сожгли всё, что нельзя было немедленно использовать для своих нужд) объясняется ужасным состоянием снаряжения и плохим качеством мексиканского пороха, который отсырел из-за дождя. Огонь конфедератов оказался неэффективен из-за осечек. Сражение у Хани-Спрингс выделяется своей уникальностью тем, что в нем участвовали в основном индейцы как на стороне конфедератов, так и на стороне федералов. Этот факт придает битве особую значимость и отличает ее от многих других сражений во время гражданской войны, где главными участниками были регулярные войска. Участие индейцев в бою подчеркивает сложность и многообразие социального и военного ландшафта, а также показывает, какие разнообразные силы были задействованы в этом конфликте.

После поражения в сражении у Хани-Спрингс, 20 августа форт Гибсон получил подкрепление в виде бригады полковника Уильяма Клоуда, что стало сигналом для генерал-майора Джеймса Бланта начать подготовку к наступлению. Узнав об этом, генерал Стил разделил свои силы: бригаду Кэбелла он отправил обратно в форт Смит, где начались дезертирства, а два полка криков направил на запад для защиты их территории. Куперу было приказано отойти к Перривиллу, базе снабжения конфедератов. 22 августа отряд Бланта, состоящий из 4,500 человек, покинул форт Гибсон, намереваясь атаковать лагерь Стила, обнаружил, что тот уже покинул свои позиции. Блант продолжил марш на юг и 25 августа столкнулся с чокто на Техасской дороге. После боя, в котором погибли 4 конфедерата, капитан попал в плен и рассказал, что основные силы Стила находятся у Перривилла. Блант, узнав о местонахождении сил Стила, приказал своим войскам продолжить движение. Стил отдал приказ отступать на юг, оставив арьергард с гаубицами к северу от Перривилла. 26 августа передовые федеральные части попали под артиллерийский огонь, но быстро разбили сопротивление с помощью артиллерии и многозарядных карабинов, заставив южан отступить к депо Богги. Федералы не преследовали их, так как лошади были вымотаны. Уничтожение этого крупного склада усилило и без того бедственное положение конфедератов на Индейской территории [8].

11 декабря 1863 г. командующий военным округом Транс-Миссисипи генерал-лейтенант Эдмунд Смит назначил бригадного генерала Самуэля Макси командующим районом Индейской территории, а бригадный генерал Дуглас Купер продолжал командовать индейскими частями.

Зимой 1864 г. полковник Уильям Филлипс начал подготовку экспедиции к Красной реке с целью установить контроль над Индейской территорией и принудить проконфедеративные индейские племена к миру. Под его командованием было 1,500 солдат и артиллерийская секция. 1 февраля они отправились из форта Гибсон и двинулись на юго-запад по Драгунской тропе в сторону форта Уошита. В пути, нападая на поселения криков, федералы остановились в Норт-Форк-Таун, ожидая подкрепления из форта Смит. Не получив его, Филлипс двинулся дальше вдоль Канадской реки и остановился у форта Холмс. На следующий день они двинулись к реке Миддл-Богги. Впереди шли несколько рот канзасцев, за ними - полк Индейского ополчения, а арьергард охранял обоз. Разведчики наткнулись на аванпост конфедератов и отступили. Утром 13 февраля канзасцы с артиллерийской поддержкой атаковали аванпост. Южане, плохо вооруженные, продержались 30 минут и затем стремительно отступили к Кокрэн, бросив раненых. Часть батальона Джампера выдвинулась к аванпосту, а другая часть прикрыла эвакуацию губернатора Колберта с семьей. Семинолы, прибыв на поле боя, обнаружили, что северяне уже ушли, а раненые южане убиты. Купер запросил подкрепления из Техаса. Потери: 47 у конфедератов (пленных не брали) [9], а по данным Купера, у федералов потерь не было. 14 февраля Филлипс разделил свой отряд и отправил конную группу к Кокрэн, а сам расположился у реки Клир-Богги с пехотой. Не найдя губернатора, 15 февраля федералы сожгли правительственные здания, школу и дом губернатора. Получив известия, что подкрепление слишком далеко, Филлипс начал отходить к форту Холмс, переправившись через реку и двинулся обратно. Возвращение в форт Гибсон состоялось 24 февраля.

Весной 1863 г. федеральные войска отбили у конфедератов форт Гибсон и превратили его в главную федеральную базу на Индейской территории. Форт находился на стратегически важной Техасской дороге и снабжался из форта Скотт, который находился в восточном Канзасе в 175 милях (282 км) севернее. Кавалерия южан часто совершала налёты на обозы федералов по пути из Канзаса, однако после поражения в сражении у Хани-Спрингс конфедераты были вынуждены отступить на юг, и инициатива перешла к северянам.

Индейская бригада под командованием Стенда Уэйти получила приказ атаковать речную линию снабжения северян. 15 июня 1864 г. они устроили засаду на утёсе Плезант и атаковали пароход "Уильямс", направлявшийся в форт Гибсон. После повреждения парохода солдаты под командованием лейтенанта Горацио Кука скрылись в лесу на северном берегу, а капитан с помощником переправились к южанам. Узнав о приближении подкрепления федералов, Уэйти приказал сжечь пароход и отступить. Хотя захват парохода и не оказал существенного влияния на дальнейший ход военных действий, он поднял моральный дух индейских войск южан, которые испытывали недостаток в провизии и вооружении. После этого рейда два полка чероки и полк чокто подтвердили свою преданность Конфедерации.

В сентябре 1864 г. командир Индейской бригады, Стенд Уэйти, получил разведанные о большом федеральном обозе, направлявшемся из форта Скотт в форт Гибсон. 13 сентября он встретился с бригадным генералом Ричардом Гано в лагере Пайк, где они договорились о совместном рейде. 14 сентября объединённый отряд из 2,000 человек двинулся на север. 16 сентября у Флэт-Рок южные отряды атаковали федеральные войска, в результате чего практически все федеральные солдаты были убиты или взяты в плен. Гано затем обнаружил федеральный обоз и подготовил атаку. Ночью 19 сентября конфедераты атаковали лагерь федералов, вызвав панику. В ходе боя были подожжены фургоны, мулы разбежались, и часть фургонов упала в ручей. После нескольких атак часть техасской бригады под командованием Гано сумела разбить федералов [10, р. 414-422].

В основном, с 1864 г. до начала лета 1865 г., действия на Индейской территории состояли в основном из партизанских атак. Вооруженные банды, известные как «свободные рейдеры»,

в основном крали лошадей и крупный рогатый скот, одновременно сжигая общины сторонников Конфедерации и Индейской территории. Третьим типом мародеров было подразделение армии Конфедерации под командованием генерала Стэнда Уэйти, которое атаковало только объекты, имеющие военное значение. Они разрушили только дома и сараи, которые войска Союза использовали в качестве штабов, для расквартирования войск или хранения припасов.

В форте Таусон генерал Стэнд Уэйти официально стал последним генералом Конфедерации, сдавшимся 25 июня 1865 г. [11]. Позже в том же году Уэйти отправился в Вашингтон, округ Колумбия, для переговоров от имени своего племени; как главный руководитель группы сторонников Конфедерации, избранной в 1862 г., он добивался признания нации южных чероки. Правительство США вело переговоры только с чероки, которые поддерживали Союз; он назвал Джона Росса [2, р. 9] законным вождем (он уехал в изгнание в 1862 г., когда большинство поддержало Конфедерацию).

Таким образом, Индейская территория играла значительную роль во время Гражданской войны в США. Она являлась ключевой для обеих сторон конфликта из-за своего стратегического положения и ресурсов, присутствующих на данной территории. Индейцы, населяющие эту область, были вынуждены вступать в различные союзы и принимать участие в военных действиях, так как затрагивались их права и свободы. Важность Индейской территории заключалась в её географическом положении, как перекрестке важных военных путей и маршрутов снабжения. Контроль над этой территорией обеспечивал преимущество в военных операциях. Немаловажно, что сами индейцы, проживающие на территории, обладали военными навыками и знанием местности, что делало их важными союзниками военных лидеров обеих сторон. Эхо войны на Индейской территории предвещало будущую борьбу за автономию коренных народов, которая завершилась принятием территории в состав штатов

Библиографический список

1. Стельмах В. Г., Политика рабовладельческой Конфедерации по отношению к индейцам в годы гражданской войны в США (1861-1865 гг.) / В. Г. Стельмах // Американский ежегодник 1985 / Отв. ред Г. Н. Севостьянов. - М.: Наука, 1985. - С. 106-123
2. Confer, Clarissa (2007). The Cherokee Nation in the Civil War. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press. p. 200. [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=aBnAadssV4kC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Data of access: 09.05.2024)
3. Закон о переселении индейцев 1830 г. Правительство США. 1830 г. [Электронный ресурс]. Mode of access: https://web.archive.org/web/20100526100934/http://www.civics-online.org/library/formatted/texts/indian_act.html (Data of access: 09.05.2024)
4. Pollard, Bryan (November 23, 2020). "How the US Civil War Divided Indian Nations" [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://www.history.com/news/civil-war-native-american-indian-territory-chokehome-guard> (Date of access: 09.05.2024)
5. Bill Linde and Linda Niemeyer, "Opothle Yahola," Woodson County, Kansas history website 2011-06-28. [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20110628183334/http://skyways.lib.ks.us/kansas/genweb/woodson/Yahola.txt> (Date of access: 09.05.2024)
6. Battle of Locust Grove. Civil War in Indian Territory. [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20150923204423/http://www.civilwaralbum.com/indian/locustgrove1.htm> (Date of access: 09.05.2024)
7. Historic Arkansas: THE WILDS OF ARKANSAS. Battle of old Fort Wayne. [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20060316160937/http://stellar->

one.com/arkansas_history/wilds_of_arkansas_battle_of_old_fort_wayne.htm (Date of access: 09.05.2024)

8. Абакумов. «Малая Конфедерация»: Индейская территория в войне Севера и Юга. Электронный ресурс: <https://america-xix.ru/civilwar/sumter-appomattox/indeans.html> (дата обращения 09.05.2024)
9. Battle of Middle Boggy. Union Official Records Report of the Battle (O.R. Series I Volume XXII/2 S# 33) [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20110716084932/http://www.civilwaralbum.com/atoka/battle.htm> (Date of access: 10.05.2024)
10. "The Second Battle of Cabin Creek." Hancock, Marvin J, Chronicles of Oklahoma. p. 414-426 [Электронный ресурс]. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20130512141531/http://digital.library.okstate.edu/chronicles/v039/v039p414.pdf> (Date of access: 10.05.2024)
11. General Stand Watie's Regiment (First Regiment of Cherokee Mounted Volunteers) [Электронный ресурс]. Mode of access: <http://www.thomaslegion.net/firstregimentofcherokeemountedvolunteers.html> (Date of access: 10.05.2024).

Сведения об авторах:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

Симиохин Георгий Юрьевич, студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: simiohin.georgy@yandex.ru

КОРОТКО О КНИГАХ

УДК 94:329

С.В. Артамошин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В КАЙЗЕРОВСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ: СОЛОДОВНИКОВА С.В. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. – ВОРОНЕЖ: ВГУ, 2023. – 126 с.)

Выход в Воронежском государственном университете исследования С.В. Солодовниковой представляет собой развитие не только исторических исследований воронежской школы германистики, но и существенное расширение исследовательского поля талантливого ученого, в свое время ярко заявившего о себе глубоким исследованием творчество германского историка Карла Лампрехта, и теперь представляющего работу, посвященную партийно-политической системе кайзеровской Германии. Казалось бы, истории Германской империи в отечественной историографии всегда уделялось повышенное внимание, вызванное деятельностью ярких политиков, таких как О. фон Бисмарк или Б. фон Бюлов, интеллектуалов Л. фон Ранке и Макса Вебера, германских императоров Вильгельма I и Вильгельма II. Да и мрачная тень Великой войны 1914-1918 гг. нависала над германской историей и государством, не давая момента позабыть о значимости тех событий, которые связаны с германской историей. Вместе с тем, изучение складывания и деятельности партийно-политической системы кайзеровской империи как-то выпало из внимания. И отрадно обратить внимание на то, что исследование С.В. Солодовниковой восполняет этот пробел.

Автор нацелена на комплексное изучение становление и развитие политических партий Германии в XIX – начале XX в. Оправданным является обращение к осмыслению истоков формирования политических партий, имевших в германских государствах свою особенность. Первая глава исследования посвящена процессу становления политических партий в Германии. В этой связи изучение складывания политических объединений различной политической направленности дает возможность проследить процесс эволюции политических направлений, а где-то и самих политических организаций до будущих политических партий кайзеровской Германии. Автор удачно сочетает характеристику политических идей и политической деятельности объединений, что дает читателю возможность системно воспринять политическое пространство, в котором действовали партии. Справедливым является утверждение о том, что политическая деятельность политиков германских государств различной политической направленности была сопряжена со сложностью политической обстановки в германских государствах, вызванной стремлением ряда государств к политическому укрупнению, образованию единого германского государства [1. С. 12-14]. С.В. Солодовникова обращает внимание на то, что в первой половине XIX в. объединяющим элементом выступали также и политические печатные издания, способствующие консолидации политических направлений.

Поворотным пунктом политической активности населения, стали событий германской революции 1848-1849 гг., впервые поставившей в основу вопрос политического объединения. В эти годы в германских государствах начался процесс оформления политических объединений, которые спустя два десятилетия преобразовались в массовые политические партии.

Однако это еще не были партии в классическом определении, поэтому автор справедливо определяет их как «протопартийные объединения» [1. С.28]. Исследователь приходит к выводу, что «период революции 1848-1849 гг. стал временем резкого усиления политизации общественного мнения в немецких государствах, что выступало важной предпосылкой организационного оформления политических течений. <...> Вместе с тем, уже во Франкфуртском парламенте обозначились контуры пятипартийной системы, которая окончательно сложилась после завершения объединения Германии: консерваторы, политический католицизм, умеренный либерализм, радикально-демократическое и рабочее движения» [1. С.32]. Конечно, оформление зрелой партийно-политической структуры немецких государств приходится на период объединения Германии «железом и кровью».

Переходя к характеристике становления политических партий, С.В. Солодовникова склонна сконцентрировать внимание на организационных структурах и знаковой политической деятельности объединений, подчеркивая значимые моменты политической деятельности партий. Это позволяет придать цельность историческому материалу, изложенному в четкой последовательности. Однако это имеет и оборотную сторону, когда выскальзывает из внимания компонент взаимосвязи и взаимозависимости политических партий и государственной власти, этапов полемики и противоборства. Автор прослеживает динамику избирательного процесса и лабильность депутатских мест политических партий в рейхстаге, что позволяет увидеть колебания избирательной активности и электорат партий. Комплекс статистических данных дает убедительную картину политических колебаний масс избирателей в контексте политической истории кайзеровской Германии [1. С.60-61, 119-121].

Третья глава книги посвящена характеристике ключевых партий кайзеровской Германии: Национал-либеральной партии, Имперской и Свободно-консервативной партии, Немецкой консервативной партии, левым либеральным партиям, Партии католического Центра и СДПГ. С.В. Солодовникова поэтапно прослеживает политическую историю партий в годы кайзеровской Германии выделяя наиболее значимые для их истории этапы. Каждый параграф, посвященный партиям, заканчивается акцентированием внимания на их политической судьбе и дальнейшем развитии после падения кайзеровской империи. Такой подход справедлив, так как создает завершенную картину политической деятельности политических партий кайзеровской Германии. К сожалению, автор не завершила исследование необходимым заключением, в котором бы смогла бы отразить эволюцию партийно-политической структуры Германской империи на протяжении длительного периода.

Исследование С.В. Солодовниковой, посвященное партийно-политической структуре Германской империи вносит свой вклад в осмысления процесса складывания и развития политических партий в Германии. Можно надеяться, что оно станет началом углубленного осмысления взаимодействия власти и партий в кайзеровской Германии не только через систему политических взаимоотношений, но и сквозь призму личностных контактов.

Библиографический список

1. Солодовникова С.В. Партийно-политическая структура Германской империи. – Воронеж: ВГУ, 2023.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clcio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clcio-brgu.ru